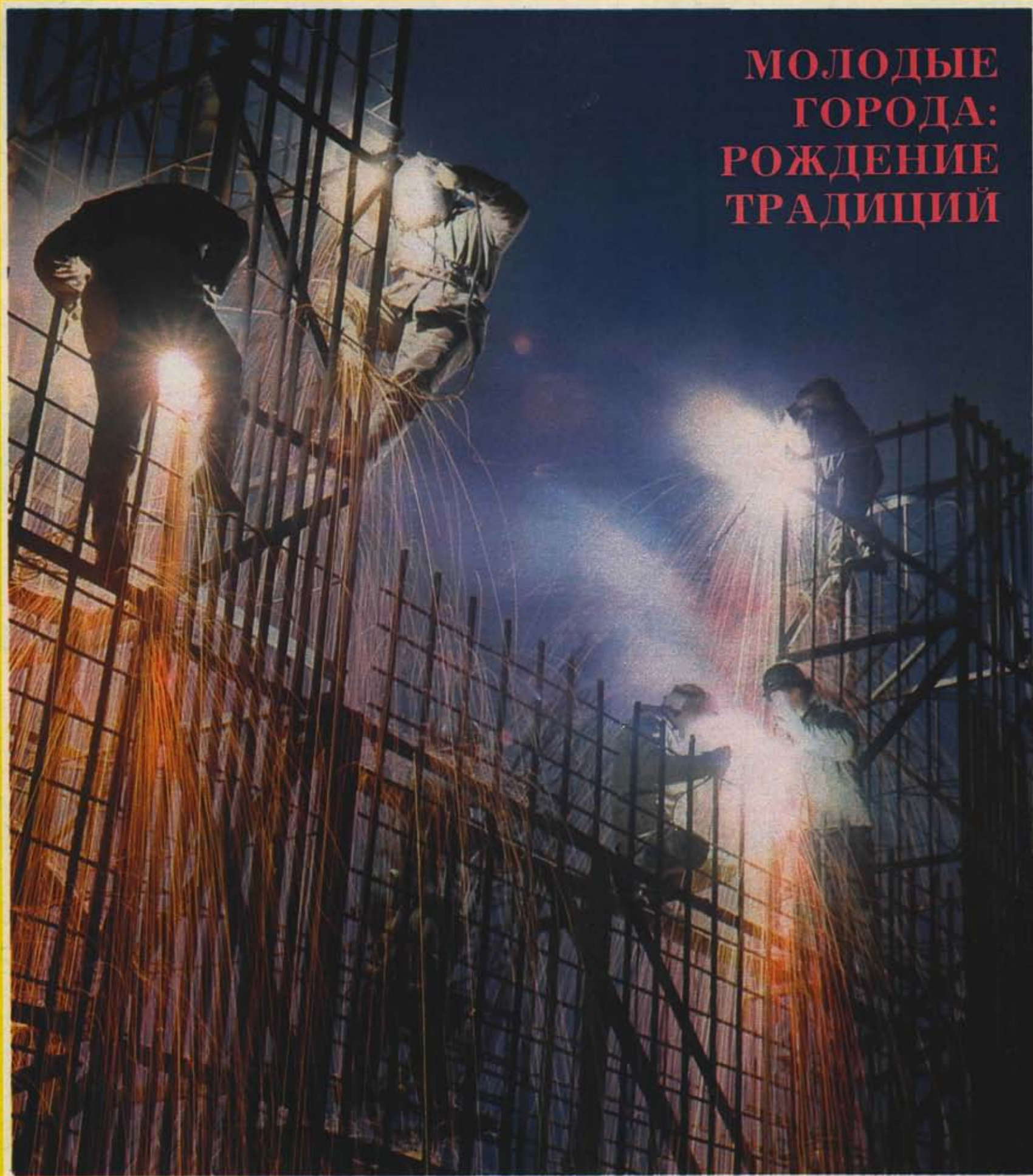

СМЕНА

№ 17 СЕНТЯБРЬ 1979

МОЛОДЫЕ
ГОРОДА:
РОЖДЕНИЕ
ТРАДИЦИЙ

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СНУСЯ

Валерий ЕВСЕЕВ.
Фото Сергея ВЕТРОВА.
Специальные корреспонденты
«Смены».

Если днем можно было сказать: почти весь город вышел на улицы,—то сейчас слово «почти» стало уже не нужным. Мы с трудом пробирались сквозь толпы людей, стремясь быстрее оказаться в центре.

Был тот час вечера, когда облака, разом потяжелевшие после захода солнца, стали сливаться с окружающими город сопками. Но фонари на улицах еще не зажглись. И потому силуэты домов, трепещущие флаги, контуры башенных кранов, сами облака и сопки—все вокруг, освещенное рассеянным сиреневатым светом угасающего неба, казалось похожим на театральные декорации. И даже сотни, тысячи людей, спешащих, как и мы, к центру, не нарушали этого ощущения, и их праздничное оживление не мешало слышать ту тишину, которая бывает только рано утром и в этот момент перехода от сумерек к темноте. Город будто сделал паузу в своем диалоге с природой, затих, пораженный ее величием, отступил в сторону, давая ей возможность исполнить сольную песню. А может быть, как спортсмен перед решающим броском, он замер, чтобы мгновениями позже постараться взять реванш...

Воздух, назлектризованный ожиданием чего-то необычного, словно разрядился одинокой красной ракетой, с шипением перечеркнувшей небо. Как по команде, зажглись фонари, и сразу стали слышны голоса, музыка, песни.

О предстоящем фейерверке все знали давно. И хотя в афишах с насыщенной программой празднеств он занимал последнюю строку, его ждали с тем нетерпением, с каким дети во время самого вкусного обеда ждут обещанного мороженого.

Нас предупредили еще утром: «Сегодня фейерверк, советуем посмотреть—не пожалеете». Признаться, поначалу мы восприняли это предложение более чем спокойно: дескать, нашли, чем удивить столичных жителей. Но сейчас, выйдя с нового стадиона после его торжественного открытия, мы незаметно для себя поддались общему настроению и спешили к центру, спешили, чтобы успеть устроиться с фотоаппаратом на крыше Дворца культуры, не пропустив ни единого зала. И потом, уже на крыше, старались сосчитать их вместе с мальчишками, которые победно выкрикивали: пять, десять, двадцать... Но вскоре и мы и они сблизись со счета. Похоже, в тот вечер пиротехники маленького Амурска действительно по всем статьям перецеполяли своих коллег из больших городов.

Сорок две минуты двигалась по улицам, по центральному Комсомольскому проспекту Амурска, отмечающего свое двадцатилетие, тысячная колонна факельщиков. И сорок две минуты небо над городом светилось, полыхало и грохотало так, как не в силах заставить его светиться, полыхать и грохотать самая сильная гроза.

«А нужен ли такой шумный праздник?»—может спросить читатель. Примерно такой вопрос задал и я в беседе с первым секретарем Амурского горкома партии В. М. Крысиным.

Владимир Михайлович, можно ска-

зать, коренной амурчанин. На место, где было суждено встать новому городу, он приехал в 1959 году. Приехал из Хабаровска после окончания Института инженеров железнодорожного транспорта. Вскоре молодого специалиста избрали секретарем комитета комсомола стройки. Годы комсомольской работы помогли Владимиру Михайловичу приобрести опыт, необходимый для партийного руководителя. Вот уже более десяти лет возглавляет он Амурскую партийную организацию.

Вопрос о празднике показался Владимиру Михайловичу несколько странным, как могут показаться странными вопросы, заданные любящим родителям: нужно ли отмечать день рождения ребенка, нужно ли приглашать на это торжество гостей и украшать праздничный торт свечами?... Видимо, поэтому секретарь горкома начал издали:

— Приезжайте к нам на Новый год—на центральной площади вы увидите елку, какой могут похвалиться не в каждом городе. Елей-то красивых у нас вокруг хватает—тайга ведь, но здесь дело не только в природной красоте. Наша новогодняя елка—это маленькая демонстрация возможностей современной техники. Здесь и электронные снежинки и светомузыка... Зачем все это нужно? Можно, конечно,—и это гораздо проще и спокойнее—установить обыкновенную елку с картонными игрушками. Можно и вообще никакой не устанавливать—ничего страшного на первый взгляд не случится. Но это на первый взгляд. А посмотрите вы на людей, которые к нашей городской елке приходят. И дети и взрослые радуются. Говорят, что плохо работающий и отдыхать не умеет. Несомненная истина. Но я уверен, что существует и обратная зависимость—тот, кто хорошо, интересно провел праздник, и работать лучше будет. И мы стараемся каждый праздник сделать событием в жизни людей, событием впечатляющим и запоминающимся. Это воспитывает любовь к городу, гордость им.

...Да, амурчане гордятся проспектами города, его историей, его продукцией. Передо мной две любопытных гордых весточки с главного предприятия города. Одна из них—аккуратно обрезанный белоснежный прямоугольник с типографским красным текстом. Приведу его полностью: «ВЛКСМ. Пять этих букв велели нам: иди туда, где глухомань, дожди, морозы. Пять этих букв светили нам в пути от колышка в тайге до целлюлозы». А ниже—крупная надпись: «Отпечатано на вискозной амурской целлюлозе»—и государственный Знак качества. Эти сувениры вручали всем в прошлом году на торжественном собрании, посвященном 20-летию Амурска. Другая весточка—того же происхождения картонка, но более скромного вида, со следами масляных пальцев на белой поверхности; она подарена мне несколько лет назад прямо в одном из цехов комбината машинистом пресспата Николаем Яковлевичем Стебаковым. На этом обрывке он с гордостью человека, заслужившего право давать автографы, размашисто написал: «Наша целлюлоза»,—а вместо подписи: «Амурский ЦКК». Это было на

шестом году деятельности Амурского целлюлозно-картонного комбината. Представляю, с какой гордостью хранят счастливицы образцы самой первой продукции!

ЦКК—это, собственно, причина рождения города. Историю Амурска необычной не назовешь. Такая же, как история его старшего брата—Комсомольска-на-Амуре, раскинувшегося шестьдесят километров ниже по великой дальневосточной реке; такая же, как история его многочисленных ровесни-

Об истории города можно рассказывать много. Все было в ней: и первый десант, и палатки, и первая улица, которую назвали Лесной, и первое каменное здание, отданное школе; был сверхударный труд по досрочному вводу «нитки-минимум»—первой очереди ЦКК и торжественный пуск всего комбината, а потом были новые рубежи у строителей—возведение новых промышленных гигантов—лесоцеллюлозно-деревообрабатывающего комбината и машиностроительного завода, сооруже-

РОВЕСНИКИ ГОРОДА.

ков—городов, появившихся на карте страны в последние десятилетия, она как в капле воды отражает историю нашей индустриальной поступи.

Это ведь только в средние века итальянский монах Томмазо Кампанелла, проектируя свой фантастический «город Солнца», выбрал для него место где-то в районе экватора, полагая, видимо, что природное благоденствие само по себе принесет счастье его обитателям. Нынешние же градостроители определяют расположение нового города, прежде всего исходя из потребностей экономики, которые, в свою очередь, тесно связаны с расположением природных богатств. А природа, как известно, сокрыла свои сокровища в местах, далеко не всегда удобных и легкодоступных.

Таежный город Амурск обязан своим существованием именно ей—тайге, которая упрямо здесь, в приамурских просторах, среди кедров и сосен, дубов и берез, чуть ли не четвертую часть союзных запасов ценных пород ели и пихты—лучшего сырья для лесохимии.

Амурск мог бы быть в два раза старше. Уже в 1939 году изыскатели обратили внимание на холмистый полуостров, с одной стороны которого—голубое озеро Падали, с другой—полноводный Амур. Лучшее место для лесохимического гиганта-комбината трудно было представить. Но началась война. И дело, задуманное в тридцатые годы, начало делаться только в пятидесятые. Будущий Амурск нагонял прошедшее время. Время, украденное у нас.

ние которого вновь сделало Амурск Всесоюзной ударной комсомольской стройкой. Много по-настоящему интересных, захватывающих страниц в героической истории Амурска, недаром знамя комсомольской организации города украшает орден Трудового Красного Знамени.

И все-таки не слишком ли громко сказано—«героическая история»? Тем более, что чуть выше говорилось: историю Амурска необычной не назовешь. Значит, обычная и героическая? Возможно ли такое?

Тут уж в пору, придерживаясь языка дипломатов, договориться о терминах, о том, что считать героизмом. Юлиус Фучик сказал: «...герой—это человек, который в решающий момент делает то, что нужно делать в интересах человеческого общества». Пусть простится мне смелость, но я бы добавил к этим словам: и тот, кто не видит в своем поступке ничего исключительного, героического.

Строители Комсомольска и Магнитки вряд ли думали, что через несколько десятилетий их фотографии той поры станут экспонатами музеев, а каждая строчка даже из личных писем будет интересна для будущих историков, хотя разве не знали они, что творят историю. Но так уж устроен человек, разумеется, настоящий человек, что не может он жить, сам себя ощущая героем. Не дума-

сих пор на общественных началах) мне, например, больше всего запомнилась простая доска, на которой укреплена сохраненная палатка первостроителей. А на доске вырезано: «Таня». Не к потомкам обращен этот радостный крик любящей души, но какой теплотой веет сегодня на каждого от этого простого девичьего имени! Неловко заглядывать в чужие тайны, и потому, надеюсь, никогда не станут историки устанавливать имя автора сей надписи, но вырезанная на доске первой палатки Амурска лирическая новелла сохранится теперь уже навсегда в истории города.

Слов нет, легче становится сегодня возводить новые города. Легче в том смысле, что приходит на помощь более совершенная техника. Но немало испытаний и трудностей оставляет природа и сегодняшним первопроходцам и первостроителям. И по-прежнему победитель всех испытаний и трудностей — только человек. Простой, ненапыщенный, не умиляющийся собственному величию, человек, в рассказах которого редки громкие слова.

Я беседовал с ветеранами ЦКК. Почти все они ударники коммунистического труда, люди на комбинате уважаемые. Но их собственные рассказы о себе коротки, просты и будничны. Тот самый Николай Стебаков, который подарил

ли об этом и строители Амурска. Тогда еще не стало традицией замуровывать капсулы с посланиями потомкам, но разве меньше специально подготовленных отчетов перед будущим говорят простые, самые случайные свидетельства жизни наших отцов и старших братьев!

В Амурском краеведческом музее (прекрасном музее с богатейшей экспозицией и вполне профессиональной постановкой дела, но тем не менее по «сметным» причинам работающем до

КОМСОМОЛЬСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ АМУРСКА НАГРАЖДЕНА ОРДЕНОМ ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ. ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ПРОСПЕКТ — КОМСОМОЛЬСКИЙ.

мне обрывок целлюлозы с «автографом комбината», так поначалу просто отказался давать интервью: «Вы там распишете — энтузиаст, романтик... Мне людям в глаза неудобно смотреть будет». А между тем, по рассказам о нем других, — это действительно и энтузиаст и романтик.

На Дальнем Востоке, воочию наблюдая колоссальнейшие преобразования, происходящие на этой земле в удивительно короткие сроки, невольно стараешься в каждой встрече, в каждом разговоре выловить какой-то особый секрет этих поистине поражающих свершений. Но секрета, конечно, никакого нет. Чем отличается Дальний Восток от других районов страны? Многим: природой, климатом, географическим положением... Но гораздо большее, главное — одинаково и на востоке и на западе нашей Родины. И это главное — советский образ жизни, советские люди, советский характер. Нет никаких оснований сказать, что в Амурске люди работают лучше, чем, допустим, в Волгодонске, в Москве или в Ленинграде. Но, чем ближе к океану, тем действительно заметнее, осязаемее шаги индустрии. И это естественно. На экономической карте царской России Сибирь и Дальний Восток были во многом еще «белыми пятнами». Ускоренное освоение природных ресурсов восточных районов страны с первых лет Советской власти стало одной из принципиальных особенностей экономической политики Коммунистической партии и социалистического государства. Об этом свидетельствуют и такие факты. В среднем по стране 69 процентов всех городов были созданы в советское время. В Сибири и на Дальнем Востоке эта цифра приближается к 80.

Свою лепту в выполнение решения XXV съезда партии — обеспечить в восточных районах «45 процентов прироста производства целлюлозы и около 60

Наша обложка:
**МОЛОДЫЕ
СТРОИТЕЛИ
ВОЗВОДЯТ
НОВЫЕ КОРПУСА
ЮНОГО ГОРОДА.**
Фото
Льва ШЕРСТЕННИКОВА

- 1** МОЛОДЫЕ ГОРОДА.
«ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ».
Фотоочерк Валерия ЕВСЕЕВА и Сергея ВЕТРОВА.
- 2** КОНКУРС ОДНОГО СТИХОТВОРЕНИЯ
«ПОЮ МОЕ ОТЕЧЕСТВО».
- 6** КОЛЛЕКТИВНЫЙ КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ:
РАБОТА В ТЯГОСТЬ. РАБОТА В РАДОСТЬ.
Ким АНДРЕЕВ, слесарь. «НЕ ХОЧУ ТАК РАБОТАТЬ».
- 8** Рассказ Станислава РОМАНОВСКОГО
«ВЯТСКИЙ РЫНОК».
- 12** Василий СУХОМЛИНСКИЙ.
«ПИСЬМА К СЫНУ».
- 14** Людмила ЩИПАХИНА.
«ИЗ НОВЫХ СТИХОВ».
- 16** АНКЕТА «СМЕНИ».
«БУДУЩЕЕ НАЧИНАЕТСЯ СЕГОДНЯ».
- 18** АНТИКУЛЬТУРА: МИФЫ, ИЛЛЮЗИИ, ИДОЛЫ.
Ольга ПОНОМАРЕВА.
«КАПИТАН АМЕРИКА, ЧЕЛОВЕК-ПАУК И ДРУГИЕ...»
- 20** ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГЛОБУС «СМЕНИ».
Агата КРИСТИ. «ЧАЕПИТИЕ В ХАНТЕРБЕРИ».
- 25** АВТОБИОГРАФИИ.
Марис ЛИЕПА, народный артист СССР.
«ЗЕМЛЯНИКА ПОД СНЕГОМ».
- 26** Рассказ Валерия ВИНОКУРОВА и Бориса ШУРДЕЛИНА
«А ПЕРВОГО ГОЛА НЕ БЫЛО...».
- 28** КАК ЭТО ДЕЛАЕТСЯ...
Нина ВЕСЕЛОВА.
«ВОЛОГОДСКИЕ КРУЖЕВА».

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: В. С. ГЛЕБОВ, Б. Л. ДАНОШЕВСКИЙ,
В. И. ДЕСЯТЕРИК, А. Ю. КОМАРОВ, А. П. КУЛЕСОВ, В. В. ЛУЦКИЙ
(заместитель главного редактора), В. Г. ПОБЕДОНОСЦЕВ (ответ-
ственный секретарь), Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ,
В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (глав-
ный художник), Б. А. ФАИН, Д. Н. ФИЛИППОВ, Г. Н. ЧЕБОТАРЕВ,
О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник В. В. Вантросов. Технический редактор И. А. Кузьмина.

процентов производства карто-
на» — вносит и молодой Амурск с его
гигантом лесохимии — целлюлозно-
картонным комбинатом, одним из круп-
нейших подобного типа в стране.

Поэт сказал о своем городе:

*Амурск — не пристань для прикола,
Амурск — раздолье для труда...*

А беспристрастные социологи добав-
ляют: почти шестьдесят процентов из
числа всех работающих в Амурске — ра-
бочие.

Еще несколько лет назад большин-
ство из них составляли строители, но с
пуском целлюлозно-картонного комби-
ната на первое место вышли лесохими-
ки. Ветераны комбината (они же старо-
жилы города) и сегодня непременно
акцентируют ваше внимание на ЦКК:
«Без него Амурск не Амурск». Это пра-
вильно. Но не случайно в гербе города
химическая реторта обрамлена шестер-
ней и фрезой — символами машиностро-
ения и деревообрабатывающей про-
мышленности. Машзавод и ЛДК —
Лесопильно-деревообрабатывающий
комбинат — названия этих призванных
стать крупнейшими в крае предприятий
известны уже далеко за пределами
Амурска, хотя они и продолжают еще
расти. Всего же здесь более десяти
крупных механизированных предпри-
ятий, а общее число профессий Амурска
перевалило за сотню. Многоотраслевой
Амурск скоро станет третьим после
Хабаровска и Комсомольска-на-Амуре
промышленным центром края.

Но вот еще одна деталь, которая,
думается, дополняет трудовой портрет
города. Реторта, шестерня и фреза,
изображенные на ладони строительного
мастера, нарисованы на гербе города
так, что в целом представляют собой
изящный цветок. Обращение индустри-
ального Амурска к природе закономерно.
И не только потому, что вырос он
среди вольной тайги, на берегу одной из
величественнейших и красивейших рек
земли. В хрупком цветке видится обра-
щение к потомкам: берегите природу! У
трудолюбивого Амурска есть право на такое
обращение.

Вы знаете, на каком объекте решался
вопрос о досрочном пуске первой оче-
реди комбината в 1967 году? На строи-
тельство очистных сооружений. Комби-
нат был готов выдать первую продук-
цию, но разве можно было рисковать
судьбой Амура? И комсомол объявил
строительство плотины пруда-азратора
и станции биологической очистки сверх-
ударными объектами. В те дни была
выпущена листовка: «Товарищи стро-
ители станции биологической очистки!
Сегодня на комбинате начата первая
варка целлюлозы. Сердечно поздрав-
ляем вас с первой производственной
победой. Сейчас вы решаете судьбу
комбината. Не подведите товарищей,
обеспечьте в срок приемку промышлен-
ных стоков! Больших вам успехов в
труде, дорогие товарищи!»

И строители не подвели. Комбинат
был пущен досрочно, но ни одного кубо-
метра промышленных стоков не попало
в Амур.

Сегодня в Амурске действует уни-
кальная очистная система, многое в
которой применено здесь впервые в
стране. Не вдаваясь в технологические
тонкости, скажу лишь, что стоимость ее
составила четверть стоимости всего
комбината. Дорого? Но разве не дороже
звучит простое перечисление: осетр,
калуга, амур, таймень, хариус, ленок,
верхогляд, желтощек, сиг — до ста ви-
дов рыб продолжают насчитывать спе-
циалисты в Амуре уже после пуска ЦКК.
Вот почему так гордится Амурск цвет-
ком на своем гербе.

Существует такое выражение —
«квасной патриотизм». Впервые употре-
бивший его Пётр Андреевич Вяземский,
по пушкинскому определению, «язви-
тельный поэт, остряк замысловатый, и
блеском колких слов», и шутками бога-
тый...», в свое время писал: «Многие
признают за патриотизм безусловную

похвалу всему, что свое». Полтора века
прошло с тех пор, но и сегодня чаще,
чем хотелось бы, встречаем мы тех, чье
кредо — не выносить сор из избы, а
излюбленное занятие — произносить
хвалебные оды своему дому. Такие лю-
ди распознаются быстро, и интерес к
ним теряется тут же. Зато появляется
чувство неловкости не столько по от-
ношению к ним, сколько к тому, что они
так безудержно восхваляют. В Амурске
такое чувство не возникло ни разу.

Высмеивая тщеславное самодоволь-
ство «квасных патриотов», П. А. Вязем-
ский заметил: «Истинная любовь ревни-
ва и взыскательна». Счастливы люди,
которым дана такая любовь. И даже
если их чувство осталось неразделен-
ным, им можно завидовать: они облада-
ют такими душевными богатствами, до
которых иному человеку, удачливому во
всех делах, благополучному, но не зна-
ющему истинной любви, никогда не под-
няться.

История Амурска — это история люб-
ви, ревнивой и взыскательной любви
людей к городу. А любовь, как известно,
способна творить чудеса, способна
обычное превращать в прекрасное.

Вот одно такое маленькое чудо. Лю-
бой человек, даже однажды и даже
мельком увидевший Амурск, безошибоч-
но отыщет его потом среди десятков
фотографий других городов — узнает по
Дворцу культуры. И не какой-то особой
архитектуры это здание. Типовой про-
ект. Точно такие же стоят в Хабаровске,
Владивостоке. Но пусть простят меня
дальневосточные «столицы», амурский
дворец краше. Потому что поставлен он
на самом высоком месте города, потому
что ведет к нему широкая каменная
лестница, которой гордятся амурчане не
меньше, чем одесситы знаменитой По-
темкинской.

Об этом дворце в Амурске даже ле-
генды услышать можно. Говорят, что
когда начинали строить его, холма, на
котором стоит дворец сегодня, не было.
Было лишь небольшое возвышение — и
только. Идея же поставить дворец на
высоте немного запоздала с рождением
и не успела попасть в строительные
сметы. Но уж больно хороша и заманчи-
ва была эта идея! И энтузиазмом и
любовью строителей города холм был
насыпан. История эта, рассказанная,

Конкурс одного стихотворения

Федор ВОСТРИКОВ,
художественный руководитель,
Пермь

Пограничный поселок

*Хоромы багульника, елок —
Пристанище диких ветров.
Меж сопок ютится поселок
В пятнадцать, не боле, дворов.
Когда закружат снеговые,
Когда затрепещат холода,
На несколько суток позднее
Приходят газеты сюда.
Далеко отсюда столица,
Хоть в сердце навеки она.
А рядом,*

*в рядом граница —
Чужая лежит сторона.
Но крохотный этот поселок
Обычную жизнь живет:
Ложится под шорохи елок,
Зарей с петухами встает.
Здесь люди и сеют, и пахут,
И любят свой добрый уют.
А песни народные наши
Послушаешь — ох, как поют!
Но помнят они постоянно,
Что рядом, не где-то вдали,
Багульник, холмы и поляны —
Начало советской земли.*

впрочем, лицом вполне официальным, показалась мне вполне правдоподобной и даже символической.

И только в прошлом году рабочий треста «Амурскстрой» Александр Ревутов, один из создателей краеведческого музея в городе, ревнитель чистоты и точности его истории, в разговоре со мной развенчал миф об искусственном происхождении холма для дворца. Что ж, история—наука точная. И все же мне кажется, что, не будь в городе этого холма, так насыпали бы его амурчане! Но, так или иначе, а стоит дворец, открытый взгляду, брошенному из любой точки города. Именно такое место и должен занимать храм культуры! (Мысль вроде бы и бесспорная, но далеко не всюду еще претворяющаяся в реальность.)

Официально амурский дворец называется Дворцом культуры лесохимиков. Но меньше всего в городе жалуются принцип ведомственного разграничения, и потому во Дворце ЦКК, так же, как в клубе «Строитель» или в библиотеке треста «Амурскстрой», люди любой профессии—желанные гости. К их услугам десятки различных кружков, творческих коллективов. Есть во дворце драматическая студия, вокально-инструментальный ансамбль «Ровесник», цирковой коллектив, которому присвоено звание народного. Предпочитающие более тихий отдых спешат по вечерам в библиотеку, на полках которой свыше 40 тысяч томов. Здесь регулярно проходят литературные вечера, читательские конференции, встречи с поэтами и писателями, которые частые гости в Амурске. Ну, а когда гостей нет, на суд амурчан выставляют свои произведения участники городского литературного объединения. Во Дворце культуры, в клубах, в фойе кинотеатра «Молодость», в краеведческом музее часто проходят выставки самодеятельных художников. Не забыты в городе и спортсмены. Для них построен Дворец спорта с тренировочными залами и плавательным бассейном. А в канун двадцатилетия Амурска на берегу реки принял в свои объятия спортсменов и болельщиков прекрасный стадион «Юность».

Все это—библиотеки, клубы, стадионы, если так можно сказать,—матери-

альная база духовной жизни города. Впрочем, строители то же самое называют проще—объекты культуры. Перечень этих объектов в Амурске можно и продолжить, мы назвали лишь основные из них. Есть еще в городе и музыкальная школа, и парк культуры и отдыха, и многочисленные красные уголки, спортивные залы и площадки... Разумеется, будь таких центров духовной жизни в два раза больше—и они бы не пустовали. Тяга к культуре, к искусству, к спорту в новых городах особенно велика. Социологи, отмечая «повышенный ритм общественной жизни» таких городов, объясняют это и абсолютной молодостью их жителей, и более высоким уровнем образования, и самой атмосферой ударной комсомольской стройки. Вряд ли кто станет оспаривать эти истины. Они сто раз повторены и, кажется, давно выучены всеми наизусть. Но тем не менее «культура» остается по-прежнему «ахиллесовой пятой» многих молодых городов. И потому особенно приятно сказать, что в Амурске серьезное культурное строительство началось с первых же дней. Не знаю, много ли найдется предприятий, где средства, отпущенные на «культуру», были бы полностью освоены раньше, чем «промышленная часть» сметы. Так было в Амурске при строительстве ЦКК. Трудно сейчас сказать, стало ли это возможным в силу случайного стечения обстоятельств или же продуманной политики, но сегодня в городе ясно видят, что комплексное развитие городского организма во многом способствовало тому, что комбинат был пущен досрочно и что быстро вышел он на стабильный уровень работы.

Еще в XVI веке русские казаки, осваивавшие Сибирь, понимали, что всякое дело надо начинать с создания условий для жизни, с крыши над головой. «И мы, холопы твои, поставя зимовья, учали государев ясак збирати»,—докладывали казаки атаманы. Очевидно, что сегодняшнее «зимовье»—это не только крыша над головой. Время предъявляет другие требования к условиям труда и жизни. Конечно, на первых порах можно обойтись без комфорта и роскоши. Хотя... Сказал же кто-то из великих: «Я могу прожить без необходимого, но не

могу без лишнего». Весь вопрос в том, что понимать под лишним.

Вот еще одна деталь уже, так сказать, из новейшей истории Амурска. Стадион, открывшийся здесь в прошлом году, стал городской достопримечательностью еще до своего открытия. И не потому, что до этого не было у амурчан мест для занятий спортом. Но все они знали, что на новом стадионе будет необыкновенная, чуть ли не единственная в крае тартановая беговая дорожка, на которой и чемпионам тренироваться не заторно. Чемпионов пока в Амурске нет, и нелегко, видимо, было пробить такую дорожку для маленького города, да и раздавались, наверное, голоса: не лишнее ли это... Но и сорокаминутный праздничный фейерверк среди тайги—тоже лишнее? И первый в Восточной Сибири широкоформатный кинотеатр, построенный в свое время в малоизвестном Железногорске-Илимском? И библиотека на 25 тысяч томов, подаренная поселку Уренгой, где жителей-то всего десять тысяч? И лучшая в стране трасса для скоростного бобслея, сооруженная в Братске,—тоже лишнее?

Жителям новых, маленьких еще городов, где нет вековых традиций, нет исторических памятников, нет Третьяковки и нет пока прославленных театров, тоже надо иметь что-то свое «самое-самое», что стало бы их гордостью, городской достопримечательностью. Да и затраты на это не будут напрасными—ведь молодые города, как дети, растут очень быстро. Слава богу, что это хорошо понимают в Амурске!

Вообще одно из отличий Амурска от многих других городов, в том числе и от его ровесников, в умелом, хозяйском использовании того, что есть, того, что предоставлено природой и что отпущено сметами и проектами. Нет в этом городе особой красоты оригинальных зданий, сооружений—все, так сказать, типовое, стандартное, на равных раздаваемое архитекторами и проектировщиками городам большим и малым, южным и северным. А все-таки облик у города свой, ни с чем не сравнимый, запоминающийся.

И не найти, кажется, в Амурске места, которого бы не коснулась неравнодушная рука творцов города. В одном случае это зеленые бульвары посредине

широкого проспекта, в другом—квадратные каменные плиты вместо традиционного асфальта, в третьем—стеклянная витрина во весь фасад типовой пятиэтажки или оригинальная мозаика на стене. Не перечислить всех «изюминок» Амурска.

Но как настоящий изюм в краях, где растет виноград, не удивляет никого, так и «изюминки» Амурска воспринимаются горожанами как должное—просто они были запланированы с самого начала, а значит, не могли не появиться.

В постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об улучшении планирования и усилении воздействия хозяйственного механизма на повышение эффективности производства и качества работы» прямо указывается на необходимость, особенно в Сибири и на Дальнем Востоке, комплексного развития новых районов «независимо от ведомственной подчиненности производственных объединений».

Предельно четкое выполнение собственных же решений—вот как можно сформулировать секрет обаяния Амурска. Собственно говоря, никакой это и не секрет—работать так, как положено, делать то, что намечено. Все проще простого, но не много найдется молодых городов, освоивших эту простоту.

«Уроки Братска»—под таким названием можно было бы собрать целую книгу выступлений градостроителей, архитекторов, экономистов, социологов, журналистов, которые бьют в набат, рассказывая об ошибках в строительстве города на Ангаре, многократно повторенных в самых разных местах страны.

Коротко эти ошибки можно сформулировать так: отсутствие генерального плана на перспективу (в Братске первый генеральный план появился спустя четыре года после начала строительства, а затем через каждые 5—6 лет он заменялся новым, «пересмотренным»), «ножницы» между промышленным и гражданским строительством, межведомственные барьеры, отсутствие единого городского хозяина... Не говоря уже о трудновосполнимых, а порою и невосполнимых потерях, которые несет при такой практике будущий город, в проигрыше в конечном счете оказывается и сам промышленный объект, возведению которого, казалось бы, отдаются все силы. Нехватка жилья, плохие культурно-бытовые условия оборачиваются тем, что из города, ставшего папашкой стройки, уезжают многие из тех, кто уже получил здесь специальность, обжил в новых, как правило, суровых местах. (В Дивногорске, например, в разгар строительства Красноярской ГЭС каждый пятый житель уезжал, не прожив и года. В Усть-Илимске только в 1974 году со строительства гидроэлектростанции уволилось немало строителей.) На их место приезжали другие, но новичков еще надо было обучить профессии, затратить на это и время и средства. А кто подсчитает моральный урон от такого круговорота рабочей силы!

Ну, а Амурск? Он возводился практически одновременно с Братском, поэтому говорить о том, как он учел уроки ровесника, будет неверно. Правильнее сформулировать вопрос так: избежал ли Амурск типичных для многих молодых городов ошибок? Очень бы хотелось ответить: да, но, как мы уже говорили, история—наука точная...

В Амурске и сейчас не хватает жилья, есть и здесь диспропорции в культурно-бытовом и промышленном строительстве. Трудно строить город, но еще труднее ломать сложившийся стереотип представлений о том, как надо его строить.

Сегодня говорят, что Амурск родился городом (хотя статус этот он получил лишь шесть лет назад). С первых дней строительства комбината шли сюда письма с адресом: горком комсомола. А ведь первоначально и Амурск проектировался без перспективы на будущее, как небольшой поселок только для ра-

ПОЮ МОЕ ОТЕЧЕСТВО

Олег МИРОНОВ,
рабочий,
Якутская АССР, пос. Нюрба

*Мой век, ты по стране проходишь
Весь в стройках, вышках буровых.
В такую даль с собой уводишь
Друзей отчаянных моих!*

*Кто знает, может быть, придется
И мне построить новый дом,*

Василий ЗЫКИН,
учитель,
г. Киров

Владимир

*Памятники древней старины,
Очаги немеркнущей культуры...
Постою в раздумье у стены,
У видавшей битвы амбразуры.
Постою у Золотых ворот.
Неспросна название—Золотые!..
Кажется порой—сейчас, вот, вот
Встанут предки, рослые, живые.
Кажется, ударит лишь набат,
Оглашая спящие округи,
И опять призывно зазвонят
Серебром тяжелые кольчуги.*

*И труд мой тоже отзовется
В сердцах нечаянным теплом.*

*Мой век, с тобой мы в главном схожи,
Прошу: возьми меня с собой—
На этой улице большой
Я не хочу быть лишь прохожим!*

Виктор АФАНАСЬЕВ,
редактор многотиражной газеты,
Чита

Небо

*Стрелю небо перечеркнуто—
Промчался ТУ в лучах, искрясь,
И белый шлейф висит отчетливо
В голубизне, не шевелясь.
Парней улыбки долго светятся,
Сердца их рвутся в высоту
К лучам полуденным, приветливым
За удаляющимися ТУ.
Кипит работа в небе вечная,
И гулом вспугнута гроза.
И неотрывно и доверчиво
Мне небо смотрится в глаза.*

Любовь ВОРОПАЕВА,
журналист,
Москва

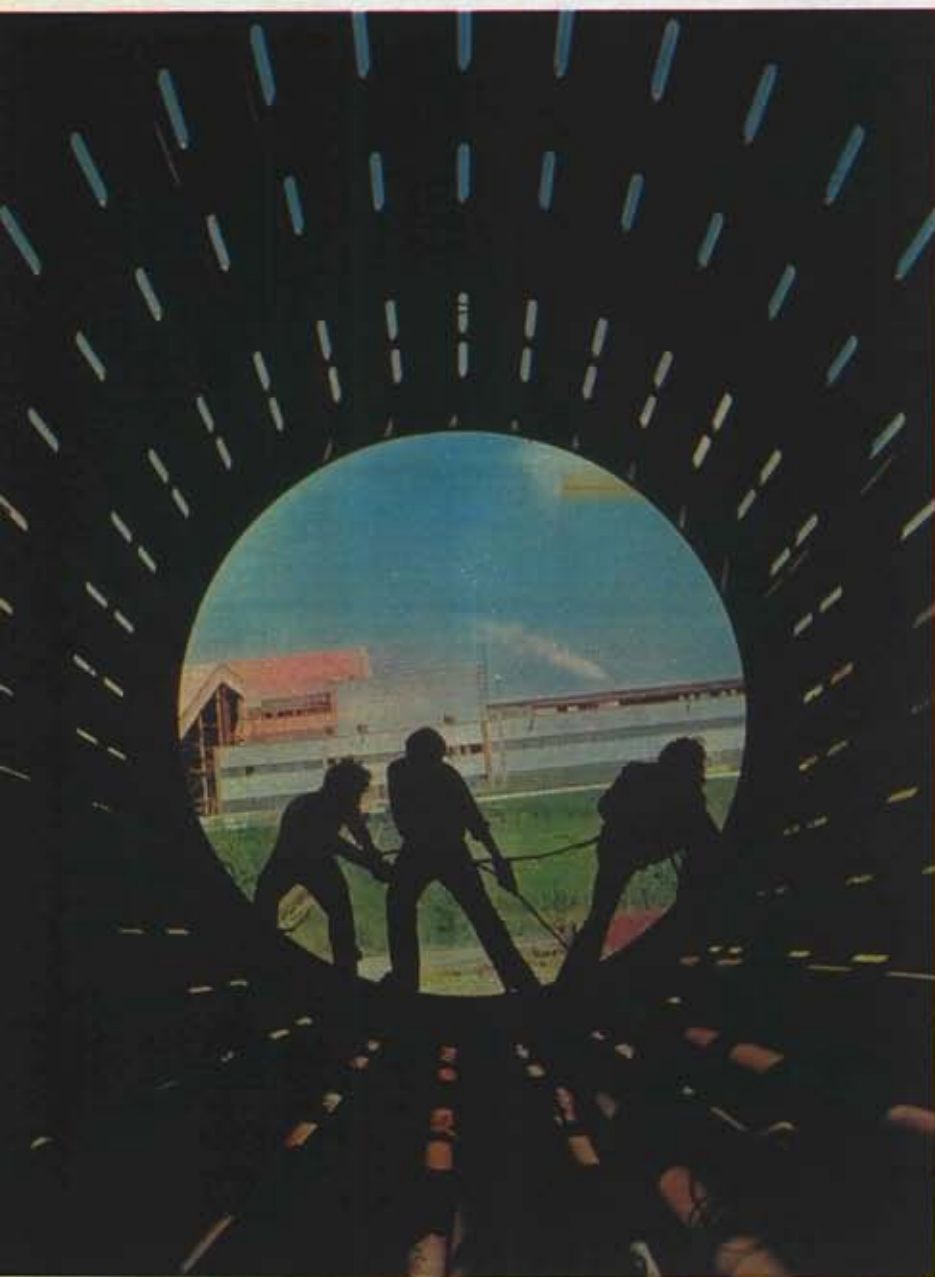

*Не верю осеннему снегу
И зимним проделкам дождей,
А верю весеннему бегу
Зеленых и солнечных дней.
Я верю в распахнутость окон
Навстречу земному теплу
И в то, что березовым соком
Лицо я весной окроплю.
Я верю в закат молчаливый
И в то, что зарницы горят,
И в очень короткий, счастливый,
Единойды брошенный взгляд.
...Я знаю, что это случится
Однажды со мной наяву...
И то, что ко мне постучится,
Я счастьем своим назову.*

Альберт ФЕДУЛОВ,
техник связи,
Московская область

Лесовод

*В глазах смёл, как над рекою,
Отмечен добротой лик.
Идет посадками с клюкою
Сухой, приземистый старик.
Он душу всю вложил в посадки,
Он отдал им свой год.
Душа и годы, зная, так сладко
Взметнулись лесом навсегда.*

ТРАНСПОРТ ДЛЯ САМЫХ МАЛЕНЬКИХ.

ЭТА ЛЕСТНИЦА — ГОРДОСТЬ АМУРЧАН.

ботников ЦКК. Но руководители края знали (и смогли это доказать!)—раз появилось обжитое место, база стройиндустрии, то обязательно появятся здесь и новые предприятия, а стало быть, надо сразу возводить город. И перспективный план строительства города на 200 тысяч жителей (цифра и для сегодняшнего Амурска почти фантастическая) был готов, когда здесь жило меньше 25 тысяч человек. Ленинградские проектировщики предложили план развития города для территории, наиболее благоприятной для строительства. Но строится город поэтапно. Появляется новое предприятие— вот вам земля, вот детально разработанный план того, что вы должны делать. И строят новые заказчики не свой ведомственный поселок, а район единого гармоничного горо-

да. А потому уверены амурчане, что там, где должен по плану стоять Дворец пионеров, будет стоять именно он.

В Амурске привыкли к будущему относиться серьезно. Вот, например, на ЦКК основной состав ИТР— амурчане. Случай не частый для нового предприятия в новом городе. А секрет опять же предельно прост: не прошло и двух лет с начала строительства ЦКК, а молодых строителей послали учиться в вузы, чтобы получили они специальность для будущего комбината. И техникум целлюлозно-бумажной промышленности, открытый в четырехлетнем Амурске, за первые же десять лет своего существования подготовил более полутысячи высококвалифицированных специалистов.

Да, Амурск обошелся без временок, этих шрамов на лице города. Но буду-

щую его белокаменную красоту первостроители в буквальном смысле слова выстрадали, зимую в палатках. В связи с этим хочется привести слова главного инженера строительства Братской ГЭС, Героя Социалистического Труда, лауреата Ленинской премии А. Гиндина: «Конечно, когда мы начинали Братск, строительная индустрия и экономика страны не могли сразу обеспечить нас жильем, и клубами, и все другим. А вот Братск, а также зарубежный опыт, например, Канады, говорят, что на первых порах следует развертывать походные передвижные (выделено мною.— В. Е.) жилища, рестораны, кафе, магазины. Ведь все эти передвижные сооружения можно и нужно делать на специальных заводах, изящно, просто, чтобы в них было человеку уютно и тепло. Вот тогда не придется семьям годы и годы отсиживаться в палатках и ждать очереди, чтобы пообедать».

Разумеется, этот вариант— «без временок, но и без палаток»—я привел совсем не в укор первостроителям Амурска, а скорее для тех, кто сегодня возводит новые города, чтобы не посчитали они, что вот, дескать, в противовес негативным «урокам Братска» есть идеальные «уроки Амурска»—выучи их и строй без ошибок.

Нет, далеко не по гладкой дорожке въехал Амурск в свой сегодняшний день. Вот что вспоминает первый парторг на строительстве города, ныне начальник СУ-854 треста «Амурскстрой» Н. Ференцев: «Стройка кипела, и порой не с кем, да и некогда было советоваться. Приходилось принимать решения на месте, зачастую очень ответственные решения. Мы ведь строили город. И не на пять—десять лет, а навсегда. Помню, как в самом начале

стройки встал вопрос о спортивном комплексе. Повсюду молодежь, и комплекс этот был необходим. Беда в том, что подобного рода сооружения считались объектами не первой срочности, поэтому строить их, мягко говоря, нам не рекомендовали. Как быть? Мы-то понимали, что комплекс нужен, и немедленно. Поступили так. Возводить начали, но повесили огромный плакат «Строительство учебно-производственного комбината—ударная стройка». И все, проблем не было».

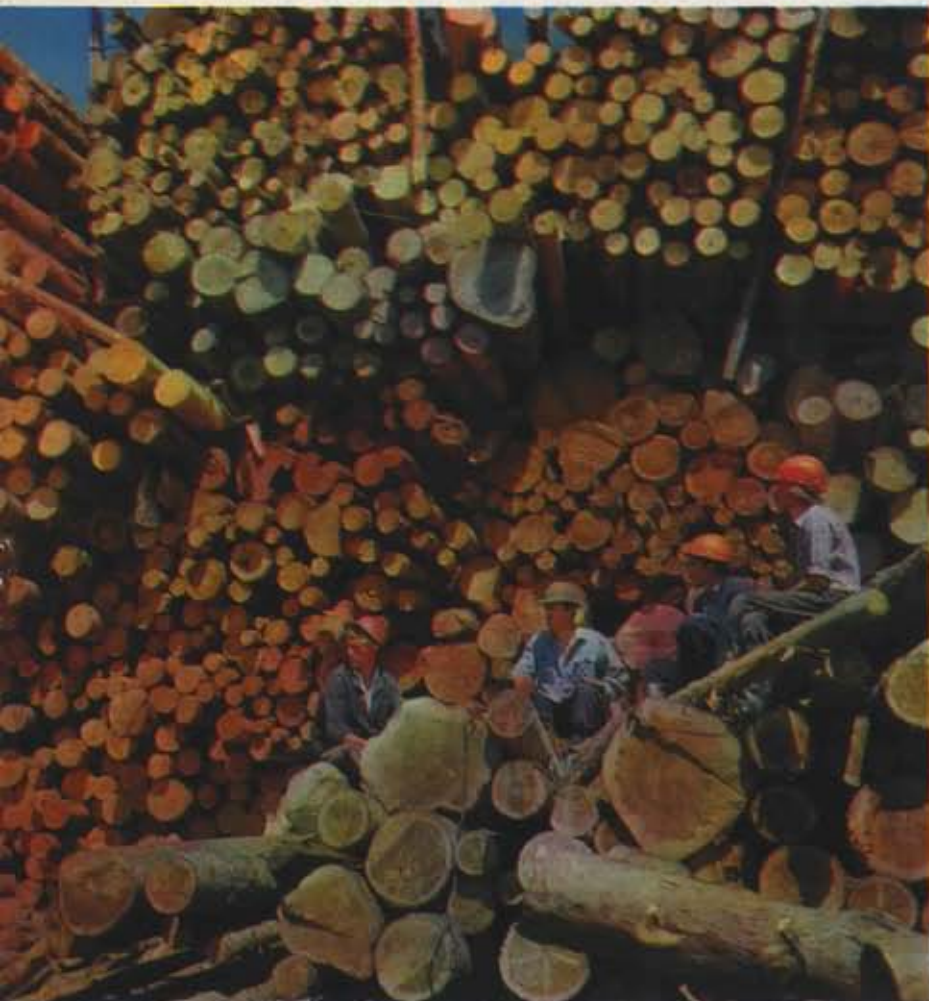
Горьковатое признание. Но хочется обратить внимание читателей на главное в нем: «Мы ведь строили город. И не на пять—десять лет, а навсегда». Именно это убеждение и позволило Амурску стать Амурском. И хотя далеко не идеальны его уроки, но услышав, что не так давно, откликнувшись на просьбу тындинцев, комсомольцы лесопильно-деревообрабатывающего комбината досрочно отгрузили тысячи квадратных метров древесноволокнистой плиты, подумалось: молодцы амурчане, но помощь их молодой бамовской столице могла бы быть и большей. Если бы, например, пригласили они к себе строителей этого да и других молодых городов, да и поделились бы своим опытом. Организовали бы такой семинар. А может быть, и семинара не надо, а просто позвать в гости делегации этих молодых городов на один из амурских праздников.

Города ведь, как люди,—у каждого свое лицо, свой темперамент, свои привычки. И если сказал про людей поэт: «Говорят, что дружба познается в беде, но порою лишь в счастье ты друга познаешь»,—то можно сказать, что характер города порой можно понять и в праздник.

СТРОЯТСЯ АМУРСКИЕ КОМБИНАТЫ.

ВИСКОЗНОЙ АМУРСКОЙ ЦЕЛЛЮЛОЗЕ ПРИСВОЕН ЗНАК КАЧЕСТВА.

ЕЛЬ И ПИХТА—БОГАТСТВО ПРИАМУРЬЯ.

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ НАЗАД ЗДЕСЬ СТОЯЛИ ПАЛАТКИ ПЕРВОСТРОИТЕЛЕЙ.

— Как трудно перевоспитывать ребенка, так трудно что-то переделывать в городе,—говорит В. М. Крысин.—Что посеяно сегодня, то и дает всходы завтра. И городские традиции закладываются вместе с первым колышком.

Этими словами Владимир Михайлович закончил свой ответ на вопрос о праздновании юбилея Амурска.

Традиции праздников... Проблема далеко не праздная повсюду, а на Дальнем Востоке, где каждый населенный пункт—это форпост цивилизации, особенно. Еще в Москве в дальневосточных очерках Евгения Петрова я прочитал такие строки: «Нигде, ни в СССР, ни за границей, я не видел такого количества одновременно танцующих людей, как на Дальнем Востоке». А тогда в Амурске я листал историю города (да, да, именно листал, в буквальном смысле слова. И это может сделать каждый—с любовью собранная и записанная заслуженным работником культуры РСФСР, в прошлом комсомольским работником Н. К. Кирюхиным, она издана прекрасной книгой в Хабаровске), отыскивая в ней вехи и вешки, отметившие путь развития традиций амурских праздников.

Вот что вспоминает один из первых комсогов стройки, Виктор Миданов: «Очень запомнилась первая новогодняя елка. Встречали Новый год в первой столовой. Елку огромную принесли с утра. Собралась почти вся молодежь стройки. Было весело. Мы с чувством исполненного долга провожали 1958 год, ставший годом рождения нашего прекрасного города».

Не понятнее ли после этих строк становится то внимание, которое уделяют в Амурске городской новогодней елке?

Когда Амурск только начинался, здесь был создан первый в стране нештатный горком комсомола. В числе многих важных дел нештатный горком взял на себя и заботу о досуге молодежи.

Вот выдержки из горкомовской летописи:

«Создали хор. Первыми в него записались все члены горкома. Сейчас проходят репетиции драматического кружка. Большим успехом пользуется наша агитбригада. Но этого мало... Предполагаем провести конкурс комсомольских организаций на тему «Кто веселее и интереснее проведет вечер», открыть «Клуб дискуссионных встреч», организовать смотр коллективов художественной самодеятельности общежитий и т. д.».

...Мы приехали в Амурск спустя полтора десятка лет после того, как Вячеславом Поповым, тогдашним секретарем нештатного горкома, были сделаны эти записи. И, наверное, как все приезжавшие и пятнадцать, и двадцать лет назад, и уже в наши дни, пришли на высокий амурский утес. Отсюда далеко видно—многоплановая перспектива размытых дымкой синеватых сопок да безбрежность могучей реки, пестрящей белыми точками катеров и моторных лодок... А обернись назад—современные многоэтажные дома из белого кирпича, отделанные разнообразными узорами. На каждом балконе—красный флаг. Город встречал свой день рождения.

К этому дню Амурск не просто украшали, его скребли, чистили, мыли, как хорошая хозяйка свой дом перед приходом дорогих гостей. Прихорашивали самые укромные уголки. Всю ночь под окнами нашей гостиницы, выходящими на Амур, звучали песни выпускников школы, продолжавших свой бал на берегу. Им вторили голоса моторов—строители спешили привести в идеальный порядок какой-то проезд. Даже по пляжу прошелся бульдозер, пригладив его своєю железной ладонью.

Приближение праздника чувствовалось во всем: в оживленной торговле, в радиоголосах на улицах: раз, два, три—проверялись динамики,—в автомобильных разговорах, в оперативных сове-

щениях и планерках горкома, в каком-то особенном, памятном, пожалуй, лишь с детства настроении надвигающегося торжества.

Настроение это было настолько захватывающим, что и мы, попавшие на этот праздник почти случайно, стали придирчиво оглядывать свои костюмы—надо бы погладить. Утюг в гостинице выдали тут же, с улыбкой: «В честь праздника бесплатно». И этот штрих, конечно, не подорвавший городской бюджет, еще больше наполнил ожиданием праздника.

Все было необычным в тот день. И даже шуточная песенка «Вместе весело

шагать по просторам», разносящаяся над просторами Амура, над притихшей тайгой, над замершими баржами, над гигантским клювом подъемного крана, над косогорами, заполненными людьми, над трибунами нового стадиона, даже детская песенка звучала в тот день символично: «Вместе весело шагать по просторам!»

Ветер, бушевавший весь день, затих, и облака повисли на месте. Казалось, и они заинтересовались—что же происходит здесь, на совсем еще недавно пустынном берегу Амура.

А здесь шумел праздник. Праздник по-дальневосточному.

В ГОРОДСКОМ ПАРКЕ—КОЛЕСО ОБОЗРЕНИЯ.

В ПРАЗДНИКИ ПРОСПЕКТ СТАНОВИТСЯ СПОРТИВНОЙ АРЕНОЙ.

НЕ ХОЧУ ТАК РАБОТАТЬ

Ким АНДРЕЕВ,
слесарь,
Москва.

Однажды мастер похвалил молодого рабочего Двигалева: — Молодец, в прошлом месяце большой процент выработки дал и заработал неплохо — больше двухсот рублей.

Лично я убежден, что для настоящего мастера требуются годы; Двигалев же работал у нас недавно. Может быть, талант у него необыкновенный? Решил познакомиться поближе.

— Как же это у тебя получается? — спрашиваю.

— Да вот, от станка ни на минуту не отхожу.

— А как качество?

— Не жалуются.

В самом деле, деталей парень делал много и качественно. Но когда он запустил станок, я увидел: подачу и сьем металла он задал такие, что станок от вибрации едва не срывался с фундамента, зубья фрезы крошились, не выдерживая нагрузки...

Я вспомнил: работали у нас много лет два брата-шлифовщика. В цехе их быстро прозвали «станколомами». Ящики с готовыми деталями так и отлетали от их станков, но сами станки трещали от непомерной нагрузки. То абразивный камень лопнет, то гидравлика потечет, то приспособление залорюет. Это им прощалось за высокую выработку. И вот я увидел нового такого «станколома». Зачем же он станок губит? Отвечает: деньги нужны. На новый магнитофон. Магнитофон-то он купил, но стилиа работы не изменил и после. Так что это не причина. Причина — такая философия, когда для личных целей заводского станка не жалко.

Мы часто говорим о работе, имея в виду сам труд, само производство. Но нередко забываем: что бы мы ни делали, неотступно идет еще и духовная

работа. Она может быть и созидательной и разрушительной. Может создавать настоящий, честный рабочий характер, но может и развращать, приучать к халтуре, рвачеству, заставляя забывать о человеческом достоинстве.

Вспомните: когда у вас на заводе дела идут неважно, о чем вы чаще всего толкуете? О материальных потерях, о плане, о показателях. Ищем причины в производстве: плохое сырье, подводят смежники, нарушены ГОСТы и т. д. Словом, прощупываем весь комплекс производственных причин, стараемся улучшить качество машин и станков, качество технологии, материалов. А вот о качествах людей, допускающих беспорядок, скверное использование техники, равнодушных к заводу, — об этом, как правило, подумывать забываем или ленимся. О людях, к сожалению, мы нередко судим по голым цифрам: дает больше ста процентов — передовик, герой; меньше — неважный работник. В жизни же все гораздо сложнее. Можно подсчитать, сколько прибыли дает сегодня молодой «станколом», но пытался ли кто-нибудь подсчитать убыток от его отношения к станку, к своему рабочему месту? Ведь в этот станок вложены материальные средства, опыт и труд многих рабочих, любовно собиравших и отлаживавших его. Показать бы им, как относятся к их труду.

...Почти в то же самое время, когда Двигалев уродовал свой станок, происходила совсем другая история, с другим станком.

Этот станок в цехе прозвали «кузнечиком» — за окраску и форму. Мастер В. И. Куликов высмотрел на свалке за цехами его ободраный остов. Помнится, наблюдая, как слесарь А. Зайцев бережно протирал бока «кузнечика» тряпочкой, я спросил, зачем им этот старый станок. Зайцев покачал головой (мол, спросят же такое!) и ответил:

«Надежный он, не подводит». А Куликов добавил: «Мы в него жизнь вдохнули. Он и платит нам по-доброму за новое свое рождение». Станок этот долбежный, как раз необходимый их участку. Два цеха за тридцатилетнюю жизнь станка поочередно выбрасывали его на свалку. Ребята Куликова тащили станок со свалки, смущаясь своей незыскательности. В цехе устроили «консилиум» и стали потихоньку восстанавливать «находку». Можно было, конечно, действовать обычным путем — просить у руководства новую технику, но... ждать, пока завод закажет, министерство выделит, станкостроители пришлют... Рабочие решили действовать самостоятельно.

Вот вам две позиции, два отношения к своему делу, станку, своей рабочей должности.

Когда рабочий портит станок — тут все ясно, мораль не нужна. Более распространена категория людей, которых я бы назвал поденщиками. Эти новый станок не ломают, но и старый не восстанавливают. Кое-как отбыл рабочий день — и ладно. У них станок не надрыгается от повышенных оборотов — наоборот, частенько «отдыхает», скрывая возможности, которые заложены в него конструкторами. Причем эти люди не бессребреники, о зарботке-то помнят хорошо. Но увеличивают его не квалифицированной работой, а совсем другим способом.

Как-то ко мне подходит (я тогда исполнял обязанности мастера) молодой токарь Володя Диканский и спрашивает, можно ли ему поработать в субботу. Я-то знаю, что работает Володя ни шатко ни валко, попросту говоря — лентяй. Откуда вдруг такой трудовой энтузиазм? Разгадка простая: субботние дни оплачиваются вдвойне. Всю неделю Володя «тянет резину», а в выходной с лихвой наверстывает — нет, не плановое задание — заработок. Потом мы будем искать причины сверхурочных, а одна из них, немаловажная, в обыкновенной нечестности рабочего.

Я считаю так: кто недобросовестно работает, тот посягает на права других. Преувеличения тут нет: из-за подобных поденщиков честные люди тянут двойную ношу, вынуждены терять свое свободное время и выходные дни. Эта категория, пожалуй, пострашнее «станколомов» — они не так заметны, могут тихо и спокойно дожидаться до пенсии... Между прочим, их рабочее место трудно определить с первого взгляда по грязному, заваленному стружкой станку. Стружку они убирают только по пятницам; в остальные дни, едва прозвенит звонок — уже и след простыл.

...К иному станку привыкаешь, как к человеку. Много лет был у меня любимый (да-да, любимый!) сверлильный станок, простой и безотказный. Потом на нем стал работать слесарь, оказавшийся вот таким, как я говорил, поденщиком. Знаете, даже больно было видеть свой станок вечно захлапленным стружкой. Говорил я об этом, говорил — без толку. Не выдержал, выступил на собрании в защиту станка. Публичная критика перед всем цехом помогла. Но неужели по такому поводу надо выступать на собраниях?

Есть у нас рабочий Сергей Алексеевич Афанасьев. Тридцать пятый год не расстается со своим фрезерным станком. Раз подошел к нему инженер и спрашивает: «Почему, Сергей Алексеевич, не просишь новый станок? Этот же совсем устарел, и физически и морально. Я смотрю, он у тебя люфтит здорово, шестерни гремят, да и вообще... Непонятно даже, как ты на нем ухитряешься работать, причем без брака?» Афанасьев ответил примерно так: «Не ты первый это говоришь. Старый станок, да привык я к нему. А что до качества... Я этот станок как свое сердце чувствую, даю поправку и на люфт и на другие его болезни».

Я полностью согласен с Сергеем Алексеевичем. Качество работы прежде всего в наших руках. Независимо от

названия станка или инструмента, которым ты владеешь. Одним и тем же инструментом можно принести пользу, а можно и вред. Подчас встречаешь поразительно бездумное отношение к порученному делу.

Как-то в разгар рабочего дня на головы токарей и фрезеровщиков пятого цеха посыпались мел, известка, штукатурка... Казалось, под мощными непрерывными ударами потолок треснет и весь шестой цех провалится в пятый.

Мастер пятого побежал вверх выяснять причины и увидел такую картину: несколько такелажников окружили фрезерный станок с числовым программным управлением и готовятся его приподнять, чтобы подsunуть вниз железный поддон.

Намерение благое, исполнение варварское. Поднимать хотят блоком, закрепленным на треноге, опорами которой служат трехдюймовые железные трубы. И вот чтобы эти ноги-трубы не разъезжались под нагрузкой, дюжой молодец лет двадцати долбит ломом лунки в кафельном полу.

— Разве нельзя придумать такое приспособление, без долбежки, чтобы трубы не разъезжались? — спросил я у такелажников.

— Думать не наше дело, — ответили ребята. — Для этого есть инженеры, это их забота.

Тот случай заставил меня еще раз задуматься: откуда у молодых парней такая нетребовательность к себе, равнодушие к делу, безразличие к своим товарищам-рабочим? Почему, наконец, они уверены, что могут портить вещь, созданную другим человеком? У этих молодых людей оказалось много общего и со «станколомами» и с «поденщиками»: после меня — хоть потоп. Такой получается вывод.

Есть тут и другая сторона. Да, ребята сделали свое дело халтурно, но тот товарищ, который поручил им эту работу, почему он-то сразу не объяснил, как сделать ее без ущерба для цеха? Может быть, и нам тогда не пришлось бы стыдиться ребят, говорить о рабочей чести и совести.

Отношение к станку, к работе — варварское, бережное или равнодушное — определяется не только личными качествами исполнителя. Многие зависят от общей атмосферы, сложившейся в цехе, на участке. Ведь у каждого из нас, какую бы должность мы ни занимали, есть свой «станок», иначе говоря — участок работы. Для одного это какой-либо механизм, для другого — кулман... Поломанный станок можно починить; куда хуже, когда под влиянием одного равнодушного работника портятся живые люди.

Одно время был у нас в группе старший мастер С. Корнилов. Не вдаваясь в тонкости организации труда, в свои обязанности, он ставил всем простую задачу: главное — сделать нужное количество деталей, чтобы «закрасить» позиции в рапортчике-программе. Проще говоря, всеми правдами и неправдами выдать «вал» и переправить на БТК (центральный контроль). У рабочих возникали трудности с изготовлением, обработкой деталей — например, зенкер неподходящий, станок требуемой точности не дает и т. п. У него был в основном один ответ: «Ладно, как-нибудь сделай, а в случае чего доделаем опосля...» Некоторые, особенно кадровые рабочие, сначала противились этому утешительному «опосля». Но потом смирились, привыкли к такому порядку работы. А что? Так даже легче, спокойнее. Не надо особенно напрягаться, переживать, выйдет или не выйдет годной деталь. Выйдет — хорошо. Не выйдет — мастер кому-нибудь даст переделать или просто выбросит бракованную деталь.

Общезвестная вещь: надо, чтобы с первых шагов молодой рабочий был заинтересован в высоком качестве труда. Но как мы его заинтересуем, если сами гоним «вал» — косо, криво, лишь бы побольше?

Конечно, в принципе ни один рабочий не предрасположен к тому, чтобы губить станки, плохо работать,— это чуждо человеческой природе. Выпускники школы, профтехучилища в подавляющем большинстве приходят на завод с искренним желанием стать настоящими рабочими. Но иногда мы удивляемся: вроде был новичок дисциплинированным, исполнительным парнем, а через год запустил свой станок, работает как из-под палки. А удивляться, собственно, нечему. Такое обычно происходит потому, что неопытному рабочему вовремя не помогли, не подсказали. Из-за простого незнания могут случаться довольно грустные вещи.

Однажды иду по цеху и вижу, как молодой слесарь Леня Бухгалтер с беспомощным видом и чуть не со слезами пытается сделать что-то на сверлильном станке. Смотрю, дело плохо: порядком уже сверл наломано, парень весь перепачкался в смазке; причина же, в общем, простая: отверстие в детали должно быть косое, а сверло тонкое и выпущено из патрона далеко. Вот и ломается. Показал ему, как зажимать сверло, сделал одну деталь. Леня повеселел, успокоился. С этого эпизода началась наша дружба. А ведь он готов был—я это чувствовал—возненавидеть свою профессию, свой станок. Хотя станок, конечно, ни в чем не виноват.

Много говорят и пишут о наставничестве. В частности, о том, что надо материально заинтересовать наставника. На многих заводах, я знаю (особенно где сдельная оплата труда), им доплачивают за шефскую работу. Вроде компенсации за потерянное время. Это, я считаю, не совсем правильно. Ведь и сегодняшнего наставника в свое время кто-то обучал ремеслу. Значит, передавать знания следующему поколению—его святая обязанность. А лучшей платой будут любовь и уважение ученика.

Не верю, когда наставник говорит, что ему не хватает времени для занятий с новичком. Вот есть у нас рабочий Виктор Толкачев—он как наседка опекает учеников, хотя и работает сдельно. Бывали моменты, когда от него одного зависела программа цеха, он буквально приковывал себя к станку, но даже в такие дни успевал помочь настроить станок подшефному, просто перекинутьсь добрым словом.

Если новичок мучается со своим станком—нельзя равнодушно пройти мимо, считаешь ты официально наставником или нет. Раз не обратил внимания, другой, а в третий, когда парень начнет чувствовать отвращение к работе, к заводу,—уже будет поздно.

...Когда молодой рабочий не жалеет станок, или делает на нем бракованные детали, или просто бездельничает, то понятно, какие меры требуются: надо перевоспитывать, надо учить. Но что вы скажете о ситуации, когда первоклассный рабочий вдруг теряет «взаимопонимание» со своим станком? Я такой случай видел. Немало времени прошло, а не выходит из головы.

Дали двум нашим фрезеровщикам задание—прорезать пазы во фланцах. Материал попался крепкий и вязкий, на три детали расходовалось по две фрезы. Бились долго—дело идет туго. Тогда мастер подошел к одному опытнейшему рабочему:

—Может, ты попробуешь, Алексей Николаевич?

И он взялся. Скорость, подачу, охлаждение—все отработал «по науке», а дело не клеится. Оставался последний вариант—менять углы и способы заточки фрезы. И он нашел нужный угол! Тремя фрезами обработал за смену 90 деталей, то есть «добил» всю партию до конца.

В тот день многие рабочие говорили: за такие золотые руки да носить бы на руках. Но с этим никто не торопился. Так нигде и ни в какой форме не был отмечен тот высочайший класс человеческого труда...

Через несколько дней я увидел, что

фрезеровщик стоит у своей тумбочки и огорченно смотрит в чертеж. Я подошел.

—Вот,—показывает на две пирамидки деталей,—эти годные, а эти...

Деталей шло две партии под разными номерами. По внешнему виду трудно различить, но пазы у них разных направлений. А фрезеровщик все сделал в одну сторону и под один размер. Что же случилось с опытным рабочим?

—Да у меня глаза ни на что не смотрят,—бросил он в сердцах.—Ты видел, как я отделал те 90 штук? Сказал нормировщику, что задание-то все-таки необычное. А он мне в ответ: «Ты все ходишь... тебе все мало...» И опустил руки у человека.

Всегда ли мы помним о том, что человек все же не безответный станок, у него есть характер, достоинство, наконец, просто настроение? Большое значение придается сейчас экономическим знаниям, идет непрерывное экономическое обучение. А вот знать основы этики на производстве не считается столь же необходимым. Я думаю, элементарные представления о производственной педагогике, психологии должны быть у каждого работника. Надо бы почаще разбираться в нравственных мотивах поведения людей (скажем, спода настроения, размолвки с мастером), изгнать из нашей жизни бестактность, невоспитанность.

Если кто-то заперол партию деталей—всю технологическую цепочку переберут, пока не найдут виновного. Если задета рабочая гордость по причине чьей-то душевной дремучести—виновного часто даже не ищут.

Рабочее достоинство, самоуважение не менее движут делом, чем профессиональные знания и умения. Для чего мы ходим на завод? Зарабатывать деньги, обеспечивать семью—само собой. Но этого рабочему человеку мало. Нужна еще и удовлетворенность своим общественным положением. Нужно сознание, что не только сделанные тобой детали, но и сам ты необходим и дорог заводу, коллективу.

...Я б назвал эти заметки «Словом в защиту станка». В какой-то мере это слово и в защиту человека у станка. Нынче—я где-то читал об этом—по количеству станков, по численности и квалификации рабочих определяют даже мощь государства: вот что такое человек у станка!

А как к нему порой относятся? Я знал токаря, который проработал двадцать лет, стал хорошим мастером. Но последние несколько лет он стоял у токарного станка и проклинал свое умение: «Детям и внукам закажу, чтоб не ходили на завод...» А все оттого, что человека не научили находить радость в труде. Не говорили ему о важности и нужности его работы. Не хвалили и не благодарили теплыми человеческими словами. Не ставили в пример молодым его опыт, рабочую судьбу. Он ни разу не получал льготной путевки в дом отдыха...

Обеспечить рабочих материалами, оборудованием и зарплатой—это еще не все. Необходимо создавать на производстве «психологический комфорт». В напряженном темпе рабочий у станка «ловит сотки», от одного его неверного движения может пойти в брак дорогостоящая деталь. Как много тут зависит от спокойного расположения духа! Хорошее настроение рабочего само по себе является общественной ценностью.

Была у меня подшефная группа ребят-допризывников. Однажды я им дал тоненькую книжечку, где рассказывается об их ровеснике,—очерк Константина Симонова «В свои восемнадцать лет». Писатель размышляет о жизни рязанского комсомольца Анатолия Мерзлова, который погиб, спасая от огня хлебное поле и свой старенький трактор. Потом я задавал ребятам вопрос: что, на ваш взгляд, побудило Мерзлова спасти трактор? Об этом думали по-разному, но чаще отвечали так: «Он этот трактор из

утиля поставил на ноги и вынанил, как ребенка».

Для многих из тех, кому сегодня восемнадцать, цех, завод, подобно хлебному полю для Анатолия Мерзлова, становятся местом, где человек впервые по-настоящему пробует себя во взрослой жизни. Пробует через работу, пытается утвердить себя в коллективе.

Но жизнь редко требует от человека такого подъема его духовных сил, чтобы пожертвовать собой, вырывая из огня трактор, комбайн, станок. Не часто требуется самому собирать механизмы, тем более бросаться за ними в огонь. Это обстоятельства исключительные. Обычно же нужен минимум—уважительное отношение к технике, к тем людям, чьими руками она создана.

Уважение, а потом и любовь к технике приходит через руки, то есть через умение, когда станок послушен и верен тебе. Чтобы привить это умение, существует много способов; один из них, например, конкурсы по профессиям. Как мне подчеркивали в комитете комсомола, они нужны для популяризации рабочих профессий, для повышения мастерства молодых.

Это все верно в теории. На практике же часто получается иначе (я говорю не только о своем заводе—сужу, в частности, по рассказам других рабочих, по материалам молодежных газет и журналов). Наши ребята становятся к станкам при «закрытых дверях» цехов. Зрители отсутствуют. А какое соревнование без зрителей? Стало быть, в смысле популяризации цель не достигается. Надо бы в дни конкурсов открывать ворота завода для школьников, родителей, а если это невозможно—идти в школу, где есть производственная база. Это первое.

Второе—о повышении мастерства. Обычная, ежедневная работа молодых токарей из ПТУ—предварительная обдирка поковок и заготовок. Работу сложнее мастера им не доверяют. Почему? Боятся, что не справятся, не сумеют. А почему не умеют? Потому что не дают им сложную работу, на которой только и можно научиться токарному делу. Все, круг замкнулся. А ведь когда мы приглашаем этих же ребят на соревнование, то даем делать довольно сложные детали. Какой вывод? Учить мастерству один день в году нерационально, непедагогично, экономически невыгодно.

Я не призываю вообще отказаться от конкурсов. Нет, они могут и должны приносить пользу. Я только против того, чтобы проводить конкурсы формально.

ОТ РЕДАКЦИИ:

«Советский человек,—говорится в постановлении ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы»,—должен ясно сознавать общественную значимость своего личного участия в выполнении народнохозяйственных планов, ускорении научно-технического прогресса как решающего условия дальнейшего укрепления могущества Родины, победы коммунизма».

Коллективная забота о своем труде—как это многократно доказывалось всем ходом нашей жизни—помогает вскрывать недостатки, преодолевать их, добиваться стабильных успехов в работе. Эта же забота всегда возвышает труд и человека труда, наполняя их союз глубоким нравственным содержанием. Вот почему новую тему нашего разговора с читателем мы определили формулой:

«КОЛЛЕКТИВНЫЙ КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ: РАБОТА В ТЯГОСТЬ, РАБОТА В РАДОСТЬ».

И первое слово редакция предоставляет рабочему Киму Андрееву.

О чем размышляет он? О станках и станочниках? О недостатках на производстве? Действительно, обо всем этом. Но—только ли?

Вообще из каких составных складывается труд—не только исполнение

для «галочки» в отчете. К сожалению, случается, провели конкурс—и вздохнули спокойно: «Мероприятие выполнено». Но воспитание молодых не «мероприятие», это дело не терпит кампанейщины. Совершенно верно писал в нашей многотиражной газете рабочий А. Потапкин: «Надо создать такую обстановку, в которой подобные конкурсы проходили как бы постоянно, в повседневной работе у станка, у верстака».

Конкурс, я считаю, нужен не для того, чтобы выявить десяток «сильнейших». Конкурс—для того, чтобы у мельче поучились их товарищи. И еще конкурсы должны поднимать престиж главной фигуры на производстве—человека у станка.

Все главные вопросы жизни решаются, осваиваются на рабочем месте. Оно дает человеку не просто заработок, дает еще и богатейшие возможности для самоутверждения, для творчества, наконец,—вот о чем надо почаще говорить с молодыми.

Вспомните, например, знаменитого фрезеровщика Ивана Гудова. Творил он буквально чудеса: вдвое, втрое, в десятки раз перекрывал сменные задания. Свои небывалые рекорды он ставил потому, что для него станок был не бездушной грудой металла, а верным и безотказным помощником. Гудов начал работать фрезеровщиком-кооперационником; сделал универсальным свой станок—стал универсалом; потом в меру своих возможностей автоматизировал станок.

Гудов, Генрих Борткевич, Павел Быков, Алексей Чуев—все они из славной плеяды новаторов-рабочих. Без их опыта, возможно, и не было бы такого качественного улучшения нашего станочного парка. Если все они учились на простеньких «ДИПах», то теперь уже в ПТУ ребятам дают представление о станках-автоматах, станках с числовым программным управлением, автоматических линиях... Происходит непрерывное совершенствование станка—должен совершенствоваться и человек, работающий на этом станке. Цена изготовления, цена поломки, цена простоя «ДИПа» или станка-автомата неодинакова. Соотношение изменилось и цена отношения человека к станку.

...Рабочий человек все замечает. Мы знаем, кто у нас «станколом», кто «подденщик», кто попросту иждивенец. Беда в том, что знать-то знаем, а сказать... Так, в основном в курилке поругиваем, спорим... Сказать во всеуслышание—это бывает реже. А почему?

обязанностей, выполнение заданий, плана, но и радость душевная, то, что составляет смысл жизни, смысл бытия? Ведь невозможно же говорить сегодня лишь о материалах и оборудовании, когда речь идет о важнейшей части жизни человеческой!

Каковы они—иные составные удачи в работе? Окружение? Отношение? Честь рабочая и человеческая? Давайте-ка прикинем, как много важного и нужного необходимо личности, чтобы труд стал для нее не отбыванием обязательного, но потребностью души и сердца. Что есть работа в радость? И почему иногда работа бывает в тягость?

Вот почему слова—КОЛЛЕКТИВНЫЙ КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ—это не только новый раздел в журнале. Это призыв журнала ко всем и всякому: приложить каждому усилия, способствующие анализу, улучшению дела там-то и там-то, деловому обсуждению, критике и размышлениям вслух, ибо размышления эти способны помочь нашему общему делу, совершенствованию жизни человека в рамках трудового процесса.

Мы приглашаем читателей высказать свое мнение по затронутым проблемам, поделиться своим опытом, раскрыть свой взгляд на те явления, о которых говорится в статье.

ВЯТСКИЙ РЫНОК

РАССКАЗ С УЛЫБКОЙ

Тудит вятский рынок, как пчелка, когда липы цветут,—издалека слышно. Не различить в этом гуле отдельных слов и выражений, а слышно сплошное гудение.

Дерзко зеленеют пучки лука, и комли их—спелые и сметанно белые!—зывают купить, не торгуясь, вятский, на особицу душистый, холеный лук. Красно горит морковь, а помидоры еще красней—ладонь не обожгите. Изумрудно светятся знаменитые истобенские огурцы—единственные на планете по аромату, выдержанные в лютые зимы в плетушках, опущенных под лед чистой воды, без единой соринки реки. Пар стоит над кадучкой с огурцами, как над прорубью, и какие нервы надо иметь, чтобы пройти мимо спокойно! Подождите, что же вы про грибы-то забыли? Что же вы мимо-то проходите? Не поверю, ни за что не поверю, что они приедаются! Да быть этого не может! В прежние времена приедались, а нынче—нет. Не могут они нынче приесться—доля у них теперь другая. Во-первых, только что из леса. Роса еще на них не просохла. Хвоя еще не осыпалась. Тугие, упругие, соком сочатся, как медом. Покупайте скорее, а то завянут или на одной ножке в лес обратно ускачут. И не найдете больше грибов. В вятских краях все случается. Всякое бывает. В прежние времена вятчи корову в лапти обули и куда-то увели. Сколько людей после искали и не нашли. Куда вот она делась-то?

Подождите, а куда это вы мимо меда с песнями? Вот он—в кадучках, в бидонах, в старинных корчагах. А на пробу выставлен в стеклянных посудинах: червонно-прозрачный, золотисто-светлый, крупитчато-золотой, златоогненный, точь-в-точь как зной на сенокосной поляне, что затопил ее по вершины деревьев... Темно-золоченый, как бы смолистый. Золото, а не мед! Что делать, я за всю свою жизнь не пробовал ничего слаще и полезнее вятского меда, и лукавить да приукрашивать мне незачем.

Одну минуточку, толокно! Да, да, на прилавке в мешке—толокно, королевская пища. В прямом смысле. В некоторых западноевропейских странах, где, потеряв былое величие, сохранились монархии, короли, а особенно королевы, ежедневно употребляют в пищу толокно для сохранения осанки и цвета лица.

Не толокном единым жив человек!
Высыпали на прилавок вятские ложки—не хохломские, не семеновские, пылающие золотом, чернью и багрецом, а некрашенные вятские ложки. Те самые, которыми вся Сибирь щи хлебала и похваливала. А это ложки хорошие, из березы, из клена, и у голого дерева свой цвет, и такими ложками с природным древесным рисунком поначалу щи черпать боязно.

— Дымка где?
Не ищите—нету ее. Ни на этом рынке, ни на каком другом. В магазинах ее тоже нет. Идет Дымка в музеи, да не во все. На валюту идет, за границу. Мастерич не хватает. Сегодня не хватает, а завтра, может, обучат они учениц и станут мастерич много? Это—утешение. Да и то утешение, что весь рынок, как Дымка: наряден, весел, пестр, звонок, богат в природности своей. Вся вятская природа собралась здесь, и не понять вам Дымку, не разгадать, если вы не побываете на здешнем базаре.

Голоса-то теперь слышите? Разбираете вятский разговор—певучий и быстрый одновременно?
Вот к ложкам поближе приедемся и послушаем, что умные-то люди говорят. Отец, мать и девочка лет семи ложки выбирают.

— Вот эту ложку возьмем,—говорит девочка.—А эту отдадим.
— И ту возьмем!—вмешивается отец.—И вот ту. И вон эту. И ту, бестолковую, тоже возьмем.

— Куда нам столько?—возмущается мать.—Мы, чай, не солить ложки-то приехали!

— Раз пришли—купим!—мотает головой отец.—Из-за узорчика купим! Видано ли дело: по ложке узорчик прошел. А у нас дома такого узорчика нету!

— В посудный пошли,—распоряжается мать и, не оборачиваясь, идет в

близлежащий посудный магазин, а отец и девочка следуют за ней. Там с ходу мать покупает три зеленые фаянсовые чашки.

— Чего ты их купила-то так быстро?—шумит отец.—Ни очереди, ничего нет, а ты их купила!

— Да как тридцать две копейки чашка!—смирно объясняет жена.

Муж ворчит:
— Да что это за посуда? Она на посуду-то не похожа. Узорчиков на ней нету. Блудня—не посуда!

— Это блудня?—обижается жена.—В каком государстве такую чашку купить за тридцать две копейки? В каком? Назови, в каком?

— Да как узорчиков нету-ууу,—озадаченный решимостью жены, жалобно тянет муж. И гладит дочку по голове.—Одиннадцать-то не было?—озабоченно спрашивает он жену.

— Часы-то у тебя.
— На моих еще нету одиннадцати-то.
— А, что,—спрашивает жена,—в одиннадцать церкву открывают, что ли?
— Э-э-эээ!—вздыхает муж.—Темнота.

Затерялась в пестрой толпе эта маленькая, из трех человек, семья, что в кои-то веки выбралась в большой город из села, где он работает скотником, она на разных работах, а девочка еще не ходит в школу, и всем им в сумме пятьдесят лет.

А вот этим каждому в отдельности крепко за пятьдесят. Только у одного на груди Георгий, а у другого—орден Славы. И не покупают они, а продают. И не что-нибудь, а роскошные банные мочалки—мочалы. Золотом горят мочалы на солнце, далеко видно. И не поймешь, кто из стариков торгует: то ли тот, кто с Георгием, то ли тот, кто со Славой, то ли оба вместе, то ли сами они не знают, кто. Тот, который с Георгием, говорит:

— По какому времени мы числимся? Чай, по вятскому?
 — Когда в магазин пришел—по вятскому, потому что раньше. А по домашности—по московскому. Старуха примется ругаться: «Чего до петухов сидите да редко закусьваете?» «Ничего не до петухов: по Москве еще часы не играли». «У нас свои часы».

Сперва старики говорили мирно, а потом тот, который со Славой, кулаком ударяет себя в грудь и с подозрением спрашивает собеседника:

— Чем ты государству помог, кроме Георгия?
 — В колхозе работал председателем...
 — Этого мало!..
 — На себе пахал...
 — А частная собственность тебе зачем?
 — Какая?
 — Мочалы. Если ты их не продашь, чай, обижаешься?

— Как это я их не продам? Мой покупатель еще не пришел. Он еще поживает. Проснется, белье в баню соберет, веник прихватит и ко мне. Народонаселение моими мочалками шоркается. Я гляжу и думаю: «Из-за меня народ такой розовый!»

Куда это народ-то оборачивается? На кого смотрит? Вон оно что. Идет по базару дама с башней сложного плетения на голове.

Перед такой башней народ расступается, и всюду слышны возмущенные, восхищенные и вопрошающие возгласы:

— Это вам не Париж восемнадцатого столетия!
 — И не Санкт-Петербург!
 — Витка исхода двадцатого века!
 — А чего? По Конституции не запрещается.
 — Пережиток.
 — Феодализма?
 — Кто его знает чего. Пережиток—и все!
 — А если свалится?
 — Не должна.
 — Она вот сколько по базару ходит, и ничего. Не валится.
 — Квартиру ей надо с высоким потолком—метров пять.
 — У нее, может, такая квартира и есть!
 — Ничего, перебьется в обыкновенной.
 — Пригибаться надо в обыкновенной-то!

Разговоры эти ведутся не громко, но и не тихо. Дама их, конечно же, слышит, и на лице ее написано полное равнодушие к толпе. Она выше толпы, поскольку на всем рынке нет другого человека с такой высокой башней на голове. Есть парики, шляпы, но это так, мелочь.

— В какую цену ваши огурцы?—спрашивает она бородатого мужика.
 — Как вы сказали?
 — Я сказала: в какую цену ваши огурцы?—Дама напирала на слово «ваши», и в устах ее это слово звучит торжественно и брезгливо.
 — Это мои, стало быть?—Мужичок наливается краской.
 — В-в-вваши. Именно.
 — Чего ты меня выкаешь?—взрывается мужичок.—Чай, как у всех. Чего ты меня завывала, а?

— Вы меня не тычьте!
 — Я и не думал тыкать.
 — Тыкаете.
 — Да не думал я тебя тыкать!
 — Сию минуту в-в-ввы меня тыкали,—раздельно и обличающе говорит дама и двигается вдоль рядов.—И, между прочим, при людях.
 Позади нее завиваются воронки, и народ волнуется:

— Кто кого тыкал?
 — Да нет. Ничего такого не было,—разрешает сомнения торговец огурцами.—Не тыкала она меня, а выкала. Безо всякого уважения.—«В-в-вваши огурцы сколько стоят?» Вростяжку. Сквозь зубы. Как с нелюдем. Я так не привык. У меня есть документ на право торговли. Огурцы эти я сам выращивал. Подойди ко мне по-человечески! Мы и выкаем и уважаем. И тыкаем и тоже уважаем...

Плывет башня над базаром. Плавится солнце в накладных волосах.
 — В какую цену ваши помидоры?..
 — В какую цену ваши грибы?..
 — В какую цену ваша дыня?..

Ничего не покупает башня. Только спрашивает.
 Доплывает она до старушки—маленькой, сухонькой, скуластой, в гофрированной панамке двадцатых годов.

Башня неожиданно чихает.
 — Будьте здоровы!—говорит старушка и берется за сердце.—Господи, как вы меня напугали!
 — Чем?
 — Извините, чихом...
 — Чай, ты не интеллигенция какая, чтобы чиха пугаться,—говорит башня и плывет дальше.

Старушка качает головой ей вслед и подходит к прилавку, где торгует грибами и орехами тетя Шура—женщина мочулая, в красном платье и косынке. Есть декольте, но его не всякий разглядит—до того она вся малиновая, тетя Шура. Сколько вы ее помните—а помните вы ее с тех пор, как помните себя,—ей никогда не было больше тридцати пяти лет. Тетя Шура торгует, и вся она—лицом, спиной, руками—наслаждается тем, что она такая вот вечная. Кто-то там стареет, кто-то даже умирает, кто-то считает годы, кто-то растет, тянется, тот с такого года рождения, тот с этого, а у тети Шуры и даты-то рождения нет—она как скользкий праздник, потому что тридцать пять лет предписаны ей на веки вечные.

Говорит она мягко, лукаво, протяжно, не говорит, а истинно поет:
 — Нынче массовости грибов нет!
 Старушка осторожно спрашивает:
 — Почему грибы-то?

Полной рукой тетя Шура делает непередаваемое сложное движение—в нем и неожиданное пренебрежение к грибам, которые она только что хваливала, и уважение к покупателю, и ощущение радости жизни оттого, что все ее любят, а дома ждет не дождется муж, который много моложе тридцати пяти лет.

— Так почему грибы-то?—пересохшим голосом переспрашивает старушка.
 — Эти сорок копеек. А белые—рубль.
 — Отдайте белые за восемьдесят копеек, пока не ушла,—шепотом угрожает старушка.

— Отдаю-юю-ююю,—поет тетя Шура.
 — Массовости грибов нет, простите, не из-за спутников?
 — Нет,—машет полной рукой тетя Шура.—Сердце не держите против спутников, Ангелина Викентьевна! Они к грибам никакого отношения не имеют.
 Старушка не уходит. В сложный ритуал посещения рынка у этой старушки входит непременная покупка чего-нибудь именно у тети Шуры. Впрочем, тетя Шура значится не у одной нее. Многие покупатели идут сюда, как на тайное свидание.

Старушка спрашивает про игрушку, про надувного резинового зеленого щенка:

— Почему?
 Тетя Шура опускает глаза и поет:
 — В магазине игрушка ни на что не похожа. Не понять, какое животное перед тобой. А эту на сервант можно поставить. На пианино. И везде она будет у места. Любую квартиру украсит и не скомпрометирует.

Старушка краснеет от таких слов тети Шуры и говорит:
 — Золото вы, Шуронька! Смотрю я на вас и молодость свою вижу. Как такую красоту не взять для внучонка?

Тетя Шура тихо ахает:
 — Ангелина Викентьевна! У вас внучат-то нет...
 И сама себе зажимает рот. Потом широко улыбается и поет:
 — Вы его на сервант поставите!
 Старушка молча отдает деньги, забирает игрушку и сухо говорит на прощание:
 — Мы найдем, куда поставить...
 — В какую цену ваши орехи?—Перед тетей Шурой вырастает дама с башней на голове.

— Не попробовали, а морщитесь,—с тихим изумлением говорит тетя Шура.
 — Культура обслуживания,—как бы про себя, как бы заноса услышанное и увиденное в протокол, говорит дама.—Одни разговоры про культуру. А никакой культуры и нет.

И дама движется дальше.
 Тетя Шура ей сочувствует:
 — Потаскай такую тяжесть на голове—не то заговоришь.

Шумит рынок—звонит, гремит, клопочет. Переливаются краски, будто ветер ходоном ходит по нескошенным травам, пахнет деревенским, забытым, родимым, как в большой избе, где испокон веков живет крестьянская семья, где молодые не уезжают от стариков, а навсегда остаются с ними, где добела выскоблены полы и хлебным теплом дышит русская печь—прибежище стариков и внучат. И где на сеновале и зимой и летом терпко и остро пахнет каким-то цветом с заречных лугов—не вспомнишь его по имени. Когда это было? Где? А ведь было же в вашей жизни и это?..

Повинуясь общему движению, вы следуете из конца в конец звонкого вятского рынка.

А вот продавцы серьезные—с Кавказа. И цены здесь, как в ювелирном магазине. С охами и ахами ходко идет торговля, и, приобретая фрукты, взращенные на склонах Кавказских гор, вятчи отходят на некоторое расстояние от продавцов и ругают их между собой:

— Я в книге прочитала: в наших ягодах витаминов больше...
 — Дак почему ты их не покупаешь, наши ягоды-то?
 — Почему-то за ними очереди нет.

В толчее девушка с синими—голова кружится, до чего синими!—глазами спрашивает торговца с Кавказа, почему груши. Торговец открывает рот, видит девушку и, глубоко вздохнув, говорит:

— В ваш холодный край я вез их на машине, на поезде, на самолете. Специально для вас. Стоят они восемь рублей килограмм. Для вас могу уступить...

Глаза его пылают огнем, голова откинута назад, а в улыбке есть что-то жертвенное.

—...До трех рублей!—выдыхает он.
 Девушка спрашивает простодушно:
 — На «Чайку», чай, накопил?
 Опять торговец открывает рот и некоторое время ничего не говорит. А потом прижимает руки к сердцу и из глубины души негромко исторгает слова:

— На платье родной матери.
 Глаза его смеются.
 — Сколько же это платье стоит?—спрашивает девушка.
 — Как говорите?—Торговец берет девушку за белые руки. С неожиданным проворством девушка бьет его по рукам и хочет было уйти, но вдруг спрашивает:

— Откуда ты?
 — Издалека...
 — А чего такой жадный?
 — Я жадный?—вспыхивает торговец.—Проезд туда-сюда, гостиница туда-сюда. Я бедный человек. Я только езжу туда-сюда, а денег много не набираю. Я беднее тебя, девушка. Почему ты меня обижаешь? Бери все, что есть на прилавке, и уходи. Бесплатно бери! Или в крайнем случае по два рубля килограмм!

Сзади напирала толпа:
 — Забирай все!
 — У него три «Чайки» и по ребенку в каждом городе.
 — А в деревнях—так счету нет!
 Пока толпа шумит, девушка выбирает самую спелую грушу, и плод в крепких зубах хрустит сочно и сладостно, а на губах девушки блестит сок.

— Ты на моего знакомого солдата похож,—говорит она, кладет на прилавок смятый рубль и, повернувшись, выбирается из толпы.
 — Спокойно, гражданка, спокойно!—как из-под земли вырастает перед торговцем полноватый мужчина с круглым вятским лицом и орденской колодкой на пиджаке.—Без паники. Я врач рынка. Почему гражданин из субтропиков без формы? Где фартук?

Торговец натягивает фартук, оправдывается:
 — Мы только-только в столовой кушали!

— Документы.

— Будут документы. Вот они.

О чем они говорят еще, вы не слышите. Людской поток выносит вас на барахолку, где потише, как море на берег. Давки здесь нет. Продавцы стоят за деревянными прилавками или сидят на складных, для зимней рыбалки, стульях или на земле, где что-то постелено. А перед ними чего только нет! О существовании некоторых предметов вы и не подозревали. Вот, пожалуйста, жестяная пельменица. Раскатайте тесто, и она чуть ли не сама нарежет его на ровные островки. А вот изделие XVIII века — костяная палочка дляковыряния в ушах. Можете приобрести банный камень для размягчения и последующего устранения мозолей на ногах.

Вы следуете по барахолке под монотонный, как удары колокола, старческий голос, доносящийся сюда из последней четверти XIX века:

— Нидерландский прибор на двенадцать персон... Нидерландский прибор на двенадцать персон... Оннн... оннн...

Голос этот исходит от старого человека, чье детство прошло тогда, когда в расцвете творческих сил были великие русские писатели, художники и композиторы, чьи имена я не буду помянуть все. Человек этот сидит на раскладном стуле под брезентовым белым зонтом, изготовленным в 1911 году, о чем свидетельствует дата на рукоятке из слоновой кости.

Перед стариком на выцветшем бархате, как тончайшие фарфоровые колокола, позвякивают от его голоса и блестят белизной и золотом чайные чашки и блюдца. Их стенки до того тонки, а золотые жилки по фарфору так прихотливы, что дышать на них боязно — не то что брать в руки.

— Какой, извиняюсь, прибор? — спрашивает старика гражданин похмельного вида. Пожевав губами, старик отвечает:

— Вам это знать не обязательно.

— Это почему? — обижается гражданин.

— Все равно вы не купите.

— Это почему? — чуть не плачет гражданин.

— Чувствую.

— Это почему?

— Я настоящего покупателя за версту чувствую.

— А я не настоящий? — ударяет себя в грудь гражданин. — В пробирке выращенный?

Старик долго и раздумчиво разглядывает гражданина и заключает:

— Нет. Вы рождены натуральным образом.

Гражданин шумно дышит, жует незажженную папиросу, шарит себя по карманам, набирает рубль и двадцать одну копейку и говорит:

— В залог.

— В залог не берем, — жует губами старик. — А потом рубль двадцать одна копейка — это не залог.

— Сколько тебе надо, тысячу?

— Прибор стоит триста пятьдесят рублей советских денег. Триста оставляйте. Пятьдесят принесете потом. Можно с нарочным.

— Буржуазия! — заключает гражданин, сгребает с прилавка рубль двадцать одну копейку и спрашивает старика: — Как у нас отношения с Голландией?

— Отношения с Нидерландами прекрасные.

Гражданин уходит, пообещав на прощание:

— Проверю.

— Нидерландский прибор на двенадцать персон... Нидерландский прибор на двенадцать персон... оннн... оннн... оннн...

Старушка в гофрированной панамке скажет вам шепотом:

— Сколько я его помню, продает он этот прибор и продать не может...

— Дорого просит?

— Дороговато, — радуется старушка вашим словам. — Он, по-моему, и продавать-то не хочет. Как у него соберутся купить, он цену нававляет.

— Почему он так?

— Кто его знает. Сам он из благородных, — скажет старушка и оглянется. — Этот прибор ему на свадьбу подарили. А жена у него через десять дней утонула в Вятке, и больше он не женился. Как-то он меня спрашивает:

«Ангелина Викентьевна, сколько счастливых дней будет в вашей жизни?» Я говорю: «Не считала. Но, думаю, что не меньше тридцати лет, пока молодая была... А у вас сколько, Никандр Иванович?» «Счастливых дней наберется неделя». Потом подумал и улыбнулся: «Дней десять. Я узнал, что такое любовь. Конечно, не красно солнышко, всех не обогрею. Но десять дней были. Стоит жить ради этого». А ведь ему десятый десяток идет!

Вы рассматриваете фарфоровые чашки, приблизив к ним лицо, и, отчетливо представляя, что больше никогда, ни разу в жизни вам не представится такого случая, просите у продавца разрешения... подержать одну чашку в руках. Он присматривается к вам и говорит:

— Только не уроните.

Вы берете в руки тонкий фарфоровый цветок. Вам сразу же кажется, что вы его уронили, и у вас обмирает сердце — фарфоровый цветок совершенно невесом, и пальцы ваши не привыкли к такой невесомости. Лепестки цветка лилейны, прохладны, прозрачны, и на ваше дыхание и прикосновение они отвечают еле уловимым звоном. А золотые жилки на гранях цветка вздрагивают нежнейшим утробным светом. Вы ставите цветок на блюдце и говорите старику:

— Спасибо.

— Я рад, что вам понравилось, — отвечает он.

— До свидания, — после долгой паузы говорите вы.

— Всего доброго.

Вы понимаете, что сейчас самое время покинуть рынок, идете к выходу, но вас задерживает шум-гром чуть в стороне от барахолки.

Что такое? Торг идет!

Торг идет из-за костюма стародавнего покроя — плечи ватные, штаны широкие, цвет стальной. Такие костюмы носили, когда вышел на экраны фильм «Сказание о земле Сибирской», но был слух, что сейчас они входят в моду.

— Сто пятьдесят рублей! — со слезами в голосе кричит владелец костюма. — Деньги в трубу выбрасываю!

Двое покупателей тянут исторический костюм в разные стороны: за штанины вынут — и по всем правилам торгуются:

— Сто тридцать!

— Сто тридцать пять!

— Сто сорок! Считай, тысяча четыреста рублей по-старому!

— Сто старое помянет, тому глаз вон! Разоряюсь, но за сто сорок, может, и отдам...

Магнетическая сила торга втягивает вас в свое круговращение. Ваше дыхание учащается. По спинке проходит сквозняк. Вы сжимаете кулаки, хотя драться с вами никто не собирается. Теперь вы четко знаете, что другого такого момента не будет в вашей жизни. Костюм желтоват от множества глажений, искусно заштопан в некоторых местах, но тем не менее притягателен — покровом, материалом. Вы прикидываете: хватит ли у вас с собой денег, чтобы заполучить сокровище. Нет, не хватит.

Что такого сверхъестественного вы нашли в этом ископаемом костюме? Да и подойдет ли он вам по размеру?

— Сто тридцать восемь!

— Сто тридцать девять!

— Сто сорок! — сдается наконец один из покупателей, вытирает пот со лба, достает ветхий бумажник. — Ваша взяла. Последние отдам. Вижу, что вещь ноская. Не могу удержаться. Вот деньги, и дело с концом!

Продавец берет было деньги, но возвращает их и решительно говорит:

— Я раздумал: сто пятьдесят.

— Совесть-то дома на роляе забыл? Только что просил сто сорок.

— Просил, — соглашается продавец. — Не отпираюсь. Да и свидетели есть. — Он показывает на вас. — Был такой момент — просил. А потом раздумал. За такую красоту, — он трясет костюмом перед носом обескураженного покупателя, отчего поднимает густое облако нафталина, а оно не спешит осесть и висит в воздухе. — За такую красоту и двести рублей жалко. Но так и быть — за сто пятьдесят отдам.

Тут неведомая сила выталкивает вас к продавцу, и вы просите:

— Не могли бы подождать... Через двадцать... самое большое, через тридцать минут я принесу сто пятьдесят рублей!..

— Что? Что? — спрашивает продавец.

Он глядит поверх вашей головы и видит какие-то свои сверкающие дали.

— Полчаса ждате? Не могу.

Вы потрясены бессердечностью продавца. А говорят: вятский народ добрый. Жалости нет совершенно.

Вы собираетесь уходить и уже уходите, как вам вслед продавец роняет слова:

— Подождите: сторгуюсь.

Вы не верите счастью, обрушившемуся на вас, и успеваете обратить внимание на то, что небо над кипящим рынком невероятной голубизны. Невесть как возникает где-то сбоку та самая старушка в гофрированной панамке и успевает шепнуть вам:

— Это жулики. Они нарочно торгуются. Людей заманивают. Все трое — жулики. Уходите от них подальше. Пьяницы.

Старушка исчезает. Вам некогда осмысливать, каким образом она успела появиться, передать вам ценные сведения и исчезнуть. Вы спешите прочь от торга и убыстряете шаги, но все трое — вы еще не успеваете понять, почему все трое?! — берут вас под руки и требуют:

— Пошли к тебе. Уступим за сто сорок.

— Не пойду, — упираетесь вы.

— Доведем на самосвале.

— На самосвале я не поеду! — Вы пытаетесь возмутиться.

— У него с собой тридцать четыре рубля, — вспоминает продавец. — Давай за тридцать, и дело с концом.

— Нет! — вырываетесь вы.

— Двадцать!

— Не-еет! — Вы отворачиваетесь от костюма и все-таки замечаете, как фантастически негигиенично он выглядит.

— Одумайся, — уговаривает продавец. — Двадцать рублей. Совесть есть? Пиджак. Штаны. Ранешняя мода была крепче нынешней.

Трое уходят, и вам становится одиноко на этом шумном рынке.

Однако уходить вам не хочется.

Что вас удерживает здесь? Добавка к жизненному опыту, которую вы приобрели только что? Желание что-то купить или доказать себе, что теперь-то вы никого не боитесь и никто вас не обманет? Ожидание встречи? Что все-таки со свежей силой вынуждает вас быть здесь — в самой круговерти людской?

Дыхание ваше успокаивается, и вы обнаруживаете себя под крышей среди людей смиренных, вежливых и негромких, торгующих цветами, мукой, солодом, толокном и другим красивым и полезным товаром.

Старик с широкой русой бородой торгует солодом, от которого исходит нежнейший запах, и переговаривается с соседкой, что продает бело-розовое, как снега на заре, толокно.

— ...Шесть сыновей бег послал. А дочери ни одной, — рассказывает старик, и голос его негромкий и певучий — как родник по камушкам. — Пятеро прижились в городе. Шестой в армии. Когда шестой из армии пришел, тоже в город наострил лыжи. Я говорю: «Сыны, собираем совет». Все шестеро собрались у меня в избе. А изба старенькая. Старшой говорит: «Чего долго разговаривать? Мы артель. Построим отцу дом». Построили мне избу-пятистенку. Я говорю: «Спасибо, сыны. В такой избе и помирать не надо. Один сын, младший, при мне останется». Остался он при мне. Сперва фыркал, а после остался. Я его машиной удержал. Машину ему купил. Он и растаял. «Папа, — говорит, — да ты что? Разве я о машине мог думать?» Обжился. Электриком работает. Не женился.

Присматривается к девушкам, а близко не подходит. «Успеется», — говорит.

От голоса старика вам становится спокойнее, и вы чувствуете, как у вас устали и гудят ноги. Вы выходите из крытого рынка и присаживаетесь на каменный обод бассейна без воды — бездействующего фонтана. На обод, словно голуби на карнизе, тесно сидят люди.

Вы сидите на оставленной кем-то газете и справа и слева слышите разговоры женщин о болезнях и лекарственных растениях:

— ...От грыжи. От легких. От несчастной любви. Травы такая желтая. Духмянная...

— Ромашка?

— Да ты что? Ромашку-то кто не знает? А у этой другое имя. К вечеру вспомню, а днем не могу. Листочки у нее, как у рябины. Как же ее зовут-то?

— Пижма, или дикая рябина, — устало подсказываете вы. — Только я не слышал, чтобы она от грыжи помогала.

— А от несчастной любви?..

Женщины оборачиваются на ваш голос. Вы видите круглые синеглазые

красивые вятские лица женщин ваших лет, постарше и помоложе, и еле успеете отвечать на вопросы:

- От почек что?
- Арбуз.
- Если ноги скрипят, нескромный вопрос...
- Скрипун-трава: хвощ.

Толпа обступает вас, дышит вам в лицо, в затылок, в уши. Молодая женщина с бусами на полной белой шее при каждом вашем ответе качает головой восхищенно-осудительно, причем осуждение относится то ли к ней самой, не знаю, мол, а он вот знает, то ли к кому-то из ее знакомых.

— Надо же! Надо же! — приговаривает она и оглядывается вокруг, призывая как можно больше земляков присутствовать при вашей проповеди.

- А если кровь не свертывается?
- Тысячелистник. Он и от желудка помогает, — вдохновляетесь вы. — Пищеварение регулирует.

— Регулирует? Надо же! Надо же!

Старушка, та самая, в гофрированной панамке, протискивается вперед, садится рядом с вами, хотя все места вокруг заняты, и говорит:

- Посижу с хорошим человеком. Вы ведь врач?
- Нет, — отвечаете вы, но вам не верят и за вас объясняют старушке:
- Врач! Врач!
- Скромный он.
- Надо же! Надо же!

Старушка в панамке спрашивает:

- Что вы мне пропишете от нервного заболевания?
- А какое у вас заболевание? — настороженно спрашиваете вы!
- Трясение в руках и ногах. Соседи расстроят, разволнуюсь, успокоиться не могу. Вся трясусь.

— Давно это у вас?

— Скажу, — обещает старушка. — Вот когда облигации заморозили, так волноваться стала.

— Вы подумайте хорошенько: для волнения у вас нет причины — облигации разморожены...

— Надо же! Надо же!

— Не перебивайте! — Старушка машет рукой на женщину с бусами. А вас спрашивает требовательно: — Что вы мне прописываете?

Упоение проповедью проходит. Вам, неспециалисту, грешно разбрасываться врачебными советами.

— Я вам ничего не прописываю, — строго говорите вы. — Не имею права. Надо предварительно осмотреть вас. Послушать, поставить диагноз.

— Понимаю, — соглашается старушка. — Пойдемте к вам в клинику. Осмотрите...

— У меня нет клиники! — обрываете вы старушку. — И не было никогда. А потом я не шарлатан. Я обыкновенный человек. Я не врач...

- Врач! Врач! — гудит толпа. — Врач!
- Поискать такого!
- К другим день в очереди настоишься.
- Хорошо, — говорите вы старушке. — Я вам дам советы. Только ничего от них такого не ждите. Больше гуляйте на чистом воздухе. Принимайте теплый душ два раза в день. Растирайтесь докрасна полотенцем. Если расстроитесь — отвлекитесь. Сыграйте с соседями в карты — в дурака. Про облигации не думайте — они разморожены...

— Надо бы рецепт списать, да я карандаш не взяла.

— У меня есть. — Из толпы старушке подают карандаш, и она вертит его в руке. — На чем написать-то?

- Главное, все понятно объясняет!
- Не темнит.

Вы различаете в толпе семью, ту самую из трех человек, которым в сумме пятьдесят лет, стариков с Георгием и Славой, могучую тетю Шуру, молодцов со все еще не проданным костюмом и по лицам их догадываетесь, что теперь-то они настроены уступить вам его бесплатно. И вы отчетливо понимаете, что ваша проповедь на площади зашла слишком далеко. Вы глядите на часы, встаете, провожаемые гудящей толпой, идете к главным воротам рынка.

Вечером в гостинице «Вятка» сквозь тонкую дверь номера вы слышите разговор нянечек:

— ...На рынке нынче был старичок. Сухонький. Бородка клиньшком. Присел у фонтана. Народ около него собрался. Пошли разговоры. То да се, как лечиться, какими травами. Тут один молодой человек говорит: «Ты, дедушка, ничего не знаешь. Вот сколько я проживу?» Старичок печально так говорит: «Десять минут». Тот засмеялся и ушел. Только он ушел, как народ бежит и говорит: «Молодого парня самосвалом сбilo. Насмерть. И шофер трезвый был». Тут все старичка кинулись искать. А его и след простыл.

- А кто он, старичок-то был?
- Да не знаю! Сухонький такой. Бородка клиньшком. И все травы знает.
- Надо же! Чего же он парня-то не остерег?
- Не мог. Ему сила дана — предвидеть. А остерегать ему силы такой не дано.

В распахнутом окне невысоко загораются звезды и застенчиво отражаются далеко внизу в каскаде прудов. Верховой ветер приносит с лугов грустный запах скошенной травы, издали, из-за реки Вятки, которую не видно отсюда, и вы благодарны ветру, все ждете кого-то и с этим ожиданием засыпаете.

Вы увидите буйные, звонкие, чистые краски, их плеск и ликование, их польхание под кротким вятским небом. Вас окутает и повлечет за собой пестрый разбойный туман праздника. Слезы подступят к вашим глазам, и вы не прогоните их, потому что будете принимать этот сон как припоминание яви, которая была недавно и осталась с вами и нет-нет да будет навещать вас во сне благодарением за что-то...

За что?

Вы увидите нидерландский прибор на двенадцать персон на выцветшем бархате, а рядом старого человека под брезентовым зонтом. И, перебирая свою жизнь на десятом десятке, старик ответит на вопрос, много ли счастливых дней наберется в его жизни:

- Счастливых дней наберется неделя.
- Потом подумает и улыбнется:
- Дней десять. Я узнал, что такое любовь. Конечно, не красно солнышко, всех не обогрею. Но десять дней были. Стоит жить ради этого...

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОНКУРС ИМЕНИ Н. ОСТРОВСКОГО

ЦК ВЛКСМ, Союз писателей СССР и издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия» объявили постоянный Всесоюзный литературный конкурс имени Н. Островского на лучшее произведение о советской молодежи и Ленинском комсомоле.

На конкурс могут быть представлены рукописи романов, повестей, поэм, сборников стихов, рассказов, очерков, критических статей и публицистики, а также произведения, опубликованные в литературно-художественных журналах. Произведения авторов из союзных и автономных республик должны быть представлены в художественном переводе на русский язык.

Итоги конкурса подводятся один раз в два года начиная с 1980 года. Жюри рассматривает произведения, присланные до 1 июня в год подведения итогов. Рецензии на произведения, поступившие на конкурс, авторам не высылаются. Решения жюри будут публиковаться в печати ко дню рождения Николая Островского — 29 сентября.

Для победителей конкурса устанавливается десять премий по 1000 рублей каждая. Им присваивается звание «Лауреат Всесоюзного литературного конкурса имени Николая Островского», вручается диплом и нагрудная медаль лауреата.

Произведения направляются по адресу: 103030, Москва, ул. Суцневская, 21, издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия» с пометкой «На Всесоюзный литературный конкурс имени Николая Островского».

ЖЮРИ КОНКУРСА

Добрый день, дорогой сын!

Твое письмо очень встревожило меня. Преступление, совершенное молодыми людьми, о котором ты пишешь, заставляет еще и еще раз задуматься о воспитании молодежи и школьников, вдуматься в духовную жизнь молодых людей. Половину населения нашей страны составляет молодежь — вот о чем надо помнить и говорить. Мне не дает покоя то, что люди, окончившие среднюю школу (или ушедшие из школы раньше — из 8-го класса), совершенно выпадают из воспитательного влияния умных, настоящих педагогов... Мы не имеем права умалчивать о том, что вырастают тысячи и тысячи молодых людей, для которых ударить человека — все равно что задавить муху.

Разве можно об этом молчать или говорить спокойно? Как же можно тогда говорить о строительстве коммунизма, если есть у нас такие люди? Это при том, что наша молодежь в общем и целом прекрасна, что среди нашей молодежи тысячи и тысячи героев...

Нельзя молчать и о том, что среди части молодежи вырабатывается позорная привычка: прежде чем идти в клуб, на танцы или на стадион, надо выпить. Пьянство становится бедствием — это не красное словцо, а горькая и обидная истина, горечь которой нисколько не облегчается, а, наоборот, углубляется тем, что советский человек побывал в космосе...

Месяца два назад мне пришлось быть в зале заседания народного суда. Слушалось дело девятнадцатилетнего парня, учинившего дебош на танцевальной площадке. Когда судья спросил у подсудимого: «Ваша специальность?» — он ответил: «Хулиган». Ответил с вызовом, надеясь показаться храбрым, но получилось не так. В этом слове, произнесенном нарочито громким тоном, чувствовалась горечь... Преступники у меня вызывают прежде всего чувство жалости. Жалко гибнущего человека. И в то же время кипит возмущение против тех, кто погубил его. А повинны прежде всего воспитатели — я в этом твердо убежден, — воспитатели в широком смысле: отец, мать, учитель, пионерская и комсомольская организации. Повинны за те годы, когда человек был ребенком и подростком, когда из него можно было лепить что угодно. Я тысячу раз убедился, что корни преступности уходят в детство и отрочество. Главный, столбовой корень — эмоциональная и эстетическая толстокожесть, бессердечное, равнодушное отношение ко всему живому и прекрасному. Мальчик, безжалостно уничтожающий цветочную клумбу, ломающий дерево, тиранящий котенка или щенка, — это потенциальный преступник. Бессердечное отношение к живому и прекрасному уже заложило в его душе корень преступности. От безжалостного отношения к живому и прекрасному вообще до бессердечности по отношению к человеку — один шаг. В человеческой душе заложен самой природой огромный диалог: с чудесным инструментом на тысячу струн — от тончайшей нежности и ласки до готовности бороться не на жизнь, а на смерть за достоинство человека. Но этот инструмент навсегда останется спящим великаном, если юную душу не воспитывать, если эти тысячи струн не настроить каждую в отдельности. Одной из самых тонких струн в этом чудесном инстру-

менте является человечность. У тебя будут дети, ты будешь озабочен тем, чтобы они стали настоящими людьми; так знай же, что самое главное в творении человека — это воспитание способности дорожить человеческой жизнью как самым дорогим, бесценным богатством. Никогда не поднимает руку на другого человека тот, кто в детстве близко к сердцу принимает радости и горечи другого человека, кто готов отдать свою радость, свое благополучие во имя того, чтобы отец, мать, сестра, брат, дедушка, бабушка не знали горя, страданий. Правильно настроить эту самую тонкую струну в душе — человечность — это значит прежде всего научить маленького человека творить добро для других и испытывать в связи с этим высшую радость.

Но было бы неправильно считать, что за поведение преступников ответственны лишь семья, школа, пионерская и комсомольская организации. Вступив в возраст отрочества, по-моему, с 12 лет, человек уже должен начинать воспитывать самого себя. А в годы ранней юности, начиная с 16 лет, самовоспитание становится важнейшим долгом каждого. Мне бы очень хотелось узнать твои взгляды на самовоспитание. Что ты считаешь самым главным?

До свидания, дорогой сын. Желаю тебе крепкого здоровья и бодрого духа. Обнимаю и целую тебя. Твой отец.

Добрый день, дорогой сын!

Спасибо за сердечное, но немного сумбурное письмо. Я рад тому, что оно сердечное, и тому, что оно сумбурное. Иначе, наверное, и быть не может: ты стремишься сказать все, что волнует тебя.

Итак, в самовоспитании ты считаешь самым важным самодисциплину: умеи заставить себя работать, ставить цель и достигать ее... Волевой аспект, конечно, главный в самовоспитании. Но мне кажется, что воля — итог самовоспитания. А сущность его глубже.

Самовоспитание начинается с самопознания. Самое сложное и самое трудное в жизни молодого человека — увидеть себя как бы со стороны, увидеть в свете идеального, героического. Советую тебе: читай побольше о людях, достигших вершины человеческой красоты. Есть и в наши дни люди, жизнь которых — как подвиг Данко. Прочитай маленькую книжечку о Михаиле Паникако — двадцатилетнем комсомольце с Днепропетровщины, который в боях за Сталинград сжег фашистский танк и сам погиб в огне, и ты увидишь мир вокруг себя и самого себя глазами гражданина. Когда он готовился бросить бутылку с зажигательной жидкостью на приближающийся фашистский танк, пуля разбила бутылку, одежда на нем вспыхнула, он, как горящий факел, бросился на танк и поджег его собой, своим горящим телом. Даже фашистские солдаты прекратили огонь, изумленные этим подвигом. Михаила Паникако называли Данко Волжской твердыни. Что есть в мире, что может сравниться с этим подвигом? Он затмевает подвиг спартанских воинов, героев Фермопил. Если ты увидишь этот живой факел самопожертвования во имя Родины, а не увидишь его невозможно, он высветит все в твоей душе, поможет тебе увидеть в своей душе самые сокровенные уголки. В эти мгновения тебе захочется быть нравственно красивым, захочется что-то сделать для Родины, захочется приблизиться к великому, возвышенному.

Создавай такие мгновения — вот что очень важно. Береги в себе высокий нравственный накал этих мгновений. В свете возвышенного и героического ты в конце концов поставишь себе вопрос: кто я такой? Во имя чего я живу на свете? Способен ли я на подвиг?

Прочитай маленькую книжечку о сибирском комбайнере Прокофий Нектове. На войне он лишился обеих ног. До войны работал комбайнером в колхозе. Возвратился из госпиталя, затосковал. Чувствовал, что становится в тягость семье. И вот «Повесть о настоящем человеке» Б. Полевого научила его жить. Он нашел в себе силу воли и мужество научиться ходить на протезах, а потом и сесть за штурвал комбайна. За отличный труд правительством присвоило ему высокое звание Героя Социалистического Труда.

Таких людей, как Прокофий Нектов, я знаю восемнадцать человек. В селе Петропавловское Харьковской области (это совсем недалеко от нас), живет Григорий Никифорович Змиенко, тракторист. Через несколько лет после войны его трактор подорвался на mine, Григорий остался без ног. Так же, как и Прокофий Нектов, он нашел в себе силу воли возвратиться в строй. Если описать жизнь всех этих изумительных людей, получится хрестоматия мужества, учебник жизни для юношества. Это было бы самое сильное, самое действенное пособие по самовоспитанию для молодых людей.

Помнишь, я летом обещал рассказать о подвиге советского воина Алексея Бетюка. При выполнении боевого задания он был схвачен фашистами. Его привели к офицеру. На все вопросы Алексей отвечал «нет», «не знаю». Тогда один из гитлеровцев отрезал Алексею ухо. Бетюк вздрогнул, но не проронил ни слова. Палачи отрезали второе ухо. Ни обещания сохранить жизнь, ни угрозы расстрела не поколебали мужественного советского бойца. Фашисты придумали свое мучение. Ему разжали рот, вытянули язык и прибили его гвоздем к столу. Один из палачей медленно водил кинжалом по языку. Ничего не добившись, варвары отрезали Бетюку язык. А поздно вечером гитлеровцы вывели Бетюка к реке, приказали бежать и открыли огонь в спину. Алексей упал в воду, и это спасло его. Превозмогая адскую боль, он вышел к переднему краю, был подобран нашими бойцами и доставлен в госпиталь.

Я видел Алексея Бетюка в госпитале. Мы лежали с ним почти рядом.

Десятки советских воинов совершили такой же подвиг, но, к сожалению, еще не обо всех написаны книги. Верю, что такие книги будут. Они станут незаменимым пособием по самовоспитанию духа. Вдумайся в подвиг Алексея Бетюка, сын. Вот тебе еще один яркий взлет человека к вершине нравственной красоты. В ярком свете этого героического подвига загляни себе в душу. К такому подвигу должен быть готов каждый советский юноша. Ты будешь солдатом, защитником Родины, знай, что в любую минуту ты должен быть готовым сражаться за свободу и независимость Отечества. Если разгорится пожар войны, от тебя, как и от каждого советского воина, потребуются огромная стойкость, сила духа, мужество, самопожертвование. Знай, что в жизни нашей есть вещи не с чем не сравнимые и не сопоставимые. Это Родина, родной народ, наше любимое Отечество. Без любого из нас Родина может обойтись, но любой из

нас без Родины — ничто. Самовоспитание — это прежде всего воспитание в самом себе мужественного патриота.

Воспитывай в себе это святое чувство, сын. Родина — это могучее тысячелетнее дерево. Так пусть же каждый из нас будет не сухим, бесплодным сучком на этом дереве, а живой, плодоносящей ветвью. Помни, что наша страна никогда не покорялась ни одному завоевателю. Знай, что настоящего патриота Родины можно убить, сжечь, закопать живым в землю, как делали это изверги-фашисты, но покорить нельзя.

Стремись быть настоящим Человеком. Пусть будет чуждо твоему сердцу самоунижение, пусть не знает твое сознание мысли: выдающиеся люди — это люди исключительные, я же маленький, рядовой человек... Советский человек — не пылинка в безбрежном вихре судьбы. Ориентируйся на идеал, на самую высокую вершину нравственной красоты.

Оттачивай, отшлифовывай в себе человечность. Прежде всего доводи до большой тонкости чуткость к злу, неправде, обману, унижению человеческого достоинства. Здесь важно не только осознание, но прежде всего чутье. Вот на твоих глазах человек оскорбляет человека. Если закрыть глаза на это, может быть, и маленькое событие, то вскоре ты будешь закрывать глаза на все. Надо оттачивать чуткость души, тонкость чувств. Пусть в сознании твоём еще не успеет «сработать» мысль — девушке, которую оскорбляет хулиган, надо помочь, — как душа твоя возмущается злом, как чувства твои заставят тебя действовать во имя добра.

Оттачивает человечность красота. «Имеющий в руках цветы плохое совершить не может», — я часто вспоминаю эти стихи Вл. Солоухина. Цветы я понимаю в широком смысле — как красоту вообще. Джеймс Олдридж как-то сказал, что нельзя быть циником и одновременно любить Диккенса. Это несомненно. Если человек с детства воспитывается на красоте, прежде всего на хороших книгах, если у него развивается способность к переживаниям, чувство восторга перед красотой, то маловероятно, чтобы он стал бессердечным, пошляком, развратником. Красота, прежде всего художественные ценности, воспитывает тонкость натуры, а чем тоньше натура, тем острее человек воспринимает мир и тем больше может дать миру... Я не могу забыть слова молодой женщины о том, что цель учения своего в школьные годы и в вузе она видела в том, чтобы удерживать знания в памяти и затем, ответив на вопросы при зачете или на экзамене, освободиться от знаний. Такой взгляд на учение таит в себе большую опасность. Литература изучается в школе не для того, чтобы только сдать ее на экзамене. Она должна войти в духовный мир каждого человека на всю жизнь как повседневное общение с красотой. Она становится учебником жизни лишь тогда, когда, образно говоря, ее крылья парят на упругом воздухе красоты. Без красоты, без эстетических чувств эта птица камнем падает на землю.

Вот меня и тревожит: есть ли в твоей жизни это повседневное общение с красотой? В общении я почти не видел у вас художественной литературы. А книги — океан, и среди этого океана хорошие книги — как маленькие, отдаленные друг от друга островки; сумей побывать на каждом из них...

Ж СЯНУ

Не только читай, но и перечитай. Есть книги, которые человеку надо перечитать за свою жизнь несколько раз, и каждое новое чтение будет открывать перед ним все новые и новые грани красоты души человеческой. Несколько раз я прочитал «Воскресение» Л. Толстого, «Идиота», «Преступление и наказание» Ф. Достоевского, «Божественную комедию» Данте, «Гамлета» Шекспира. Одно дело читать эти произведения в 16-летнем возрасте, другое дело — в 20-летнем, совсем по-другому воспринимаются эти произведения в 30-летнем возрасте. Ты убедился в этом на собственном опыте; с каждым годом круг любимых книг у тебя будет все уже, но зато это будут действительно заслуживающие любви книги. Вот я и советую тебе начать сейчас перечитывать то, что ты прочитал еще в стенах школы. Это так же необходимо для оттачивания чувств, как повторное слушание прекрасной музыки. Ведь слушаем же мы десятки раз «Лебединое озеро», ведь не надоедает же нам никогда эта чудесная музыка. Повторное чтение бессмертных творений литературы — это прежде всего познание человеком самого себя. Читаешь пятый, шестой, седьмой раз «Степь» Чехова, его изумительные новеллы, и хочется стать лучше, чем ты есть. А произведения Горького, Короленко, Шолохова, Пришвина, Паустовского — я не могу прожить месяца, чтобы не прочитать что-нибудь из этих художников слова. Читай современных писателей. Советую тебе читать все, что написали Симонов, Солоухин, Твардовский, Берггольц, Щипачев, Сельвинский, Калинин, Нилин, Тендряков, Мартынов, Стельмах, Гончар. Если тебя не тянет перечитывать второй раз полюбившуюся книгу, значит, у тебя еще нет чувства прекрасного.

Помни, что книги — это тысячелетняя мудрость человека. «Читая в первый раз хорошую книгу», — писал Вольтер, — мы испытываем то же чувство, как при приобретении нового друга. Вновь прочитать уже читанную книгу — значит, вновь увидеть старого друга». Пусть побольше будет у тебя старых, добрых друзей. Чтение книги — это не механический процесс. Это творчество. Овладевай этим мастерством: читая — воспитывать себя, читая — думать, читая — рассуждать.

Прости за то, что мое письмо получилось слишком пространно. Но и проблема эта неисчерпаема — самовоспитание.

Желаю тебе крепкого здоровья и бодрого духа. Обнимаю и целую тебя. Твой отец.

Добрый день, дорогой сын!

Я очень рад, что письмо о самовоспитании вызвало у тебя такой большой интерес. Ты очень тонко подметил одну черту современного молодого человека (да и не только молодого) — большую, иногда болезненную нервную возбудимость. Я уверен, что многие конфликты, нередко ссоры между людьми бывают потому, что люди не умеют управлять своими чувствами или — что еще хуже — совершенно не занимаются самовоспитанием чувств.

А воспитывать самому в себе свою эмоциональную сферу — это в наши дни вопрос очень серьезный, особенно для молодежи. В течение тысячелетий жизнь человека в основном определялась мышечной силой и такими грубыми свойствами нервной системы, как упорство, жестокость. А в последние десяти-

летия жизнеспособность человека зависит почти исключительно от самых тонких и самых сложных механизмов нервной системы. И эти механизмы очень уязвимы. Года два назад, ты, наверное, помнишь, произошел у нас в селе такой случай. Встретились три друга: курсант военного училища, молодой рабочий и студент. Обрадовались встрече. И вот кто-то кому-то сказал не совсем приятное слово, страсти разыгрались, от слов парни перешли к драке... Их забили в милицию, и здесь, успокоившись, молодые люди с удивлением стали вспоминать: что же привело к драке? Из-за чего все началось? И не могли вспомнить. Вот к чему приводит, большая нервная возбудимость. Поведение человека в современном мире зависит в решающей мере от самых тонких, самых чувствительных сфер, регулирующих мышление, чувства. Следовательно, сейчас исключительное внимание должно быть уделено воспитанию чувств. А для юношества большую роль играет самовоспитание. Что же делать, как практически управлять своими чувствами?

Самое главное, что надо помнить каждому молодому человеку, — не восполнять убожество мысли грубыми чувствами, выражающимися в крике, ожесточенности, свирепости. Где-то в глубине человеческой психики, в подсознании дремлют инстинкты — животный страх, свирепость, жестокость. Чем меньше у человека культуры, чем беднее его умственные, эстетические интересы, тем чаще просыпаются инстинкты и дают о себе знать грубостью. Когда человеку нечего больше говорить в доказательство своей правоты, то он или прямо говорит, что он не может больше ничего доказать (так делают люди высокой эмоциональной и интеллектуальной культуры), или же начинает кричать, то есть восполняет убожество мысли «бунтом инстинктов». Надо щадить нервную, эмоциональную сферу — и у себя и у других людей. Помни, что источник тонкости чувств, необходимой сейчас человеку, как воздух, в тонкости мыслей, в богатстве интеллекта. Чувство облагораживает мысль, но подлинно человеческое чувство не может существовать без мысли — из мысли оно рождается, мысль его питает, мыслью оно живет. Благодаря богатству мысли оно, человеческое чувство, становится самостоятельной силой духовного мира человека, — оно способно побудить человека на благородные поступки.

Как воспитывать в себе тонкость чувств? Прежде всего — никогда не забывай, что ты живешь среди людей. Никогда не забывай, что рядом с тобой трудится человек, у которого свои заботы, тревоги, мысли, переживания. Уметь уважать человеческое в каждом, кто живет и трудится рядом с тобой, — это, пожалуй, самое большое человеческое мастерство. Тонкость чувств воспитывается только в коллективе, только благодаря постоянному духовному общению с людьми, окружающими тебя. Вот здесь мы и подходим к очень важному вопросу духовного самовоспитания...

На чем же оттачивать, шлифовать чувства, как не на задушевной дружбе, богатой интеллектуальными, эстетическими интересами? Воспитывая свои чувства в дружбе. Дружба поможет тебе выработать тонкую чуткость к человеческому в каждом, кто тебя окружает. Но что необходимо для настоящей дружбы, духовно обогащающей челове-

ка, помогающей ему подавлять в себе инстинктивное и развивать человеческое? Необходимо твое личное духовное богатство. Ты будешь обогащаться духовно лишь тогда, когда будешь что-то отдавать своему другу. Взаимный обмен духовными ценностями — вот что необходимо для воспитания тонкости чувств, для выработки в себе умения чувствовать человеческое. Конечно, через несколько месяцев после создания нового коллектива трудно требовать, чтобы у тебя уже был друг. Но все же должно наступить то время, когда у тебя появится друг. Друг, с которым ты будешь делиться своими мыслями, чувствами, радостями и огорчениями.

Если бы у меня была возможность сейчас приехать к тебе, я бы приехал, собрал твоих товарищей по комнате, пригласил бы и других студентов и сказал им: «Юные мои друзья, щадите сердце и воспитывайте чувства: Помните, что в наше время человек становится с каждым годом все более чувствительным к воздействиям окружающего мира. В идее «человек человеку друг, товарищ и брат» заключен глубокий смысл. Но эта глубина далеко не всегда понимается. Быть другом — это значит прежде всего воспитывать человека, утверждать в нем человечность».

Воспитание, в сущности, в том и заключается, чтобы подавлять в себе животные инстинкты и развивать все человеческое. Вершиной человечности является коммунистическое воспитание.

Мне вспоминается рассказ одного немецкого коммуниста о том, как фашисты стремились с малых лет убить в человеке все человеческое. В гитлеровской Германии каждому подростку, прибывшему летом в лагерь гитлерюгенда, давали кролика — маленького, теплого, с шелковистой шерсткой. Дети кормили крольчат, ухаживали за ними, привязывались к животным. К концу лета кролики подрастали, становились ручными. Перед возвращением домой югендлейтер (воспитатель) спрашивал детей, готовы ли они выполнить любой приказ фюрера. «Да, конечно, каждый из нас готов отдать жизнь за фашистский райх», — отвечали дети. Воспитатель отдавал приказ: каждому убить своего кролика. Он говорил: «Умейте подавлять в себе жалость».

Вот как были воспитаны фашистские убийцы и насильники. Примерно те же зверские инстинкты — отсутствие жалости ко всему живому и красивому, абсолютное равнодушие к духовному миру другого человека — лежат и в основе психики любого насильника. Надо воспитывать, культивировать в себе жалость ко всему живому и прекрасному. У тебя будут дети, помни: от того, как маленький ребенок относится к птицам, цветам, деревьям, зависит его нравственность, его отношение к людям.

Псылаю тебе книгу — избранное А. Сент-Экзюпери. Хотелось бы, чтобы ты внимательно прочитал сказку «Маленький принц» и подумал над ней.

Желаю тебе крепкого здоровья и бодрого духа. Обнимаю и целую тебя. Твой отец.

Добрый день, дорогой сын!

Из твоего письма видно, что мои поучения стали как будто бы искрой для горячего костра дискуссии, разгоревшейся у вас в общежитии. Ну, что же, это неплохо. Хорошо, что молодым людям все это небезразлично.

Ты пишешь, что кое-кто из твоих

товарищей не верит в просто дружбу юноши и девушки: раз уж юноша и девушка — должна быть обязательно любовь. Скажу, что думаю по этому поводу.

Дружба — это школа воспитания человеческого чувств. Дружба нужна нам не для того, чтобы чем-то заполнить время, а для того, чтобы утверждать в человеке и прежде всего в самом себе добро. Я считаю одним из самых главных правил морального воспитания то, чтобы в годы отрочества и ранней юности каждый человек пережил глубокое чувство восхищения духовным благородством хорошего человека, влюбился в него. От этого, по существу, зависит вера в человека, в красоту человечности. Если этого нет — душа человека пуста, малейшие неурядицы жизни могут вызвать у него мелочный брюзжание, неверие в свои силы. Пустота души, то, что в человеке нет веры ни во что, — самый страшный порок, я уже когда-то писал тебе об этом, повторяю еще раз. Пустая душа жадно впитывает плохое и трудно поддается влиянию хорошего, потому что пустота, духовная убогость уже сами по себе являются пороками. Тот, у кого пустая душа, не может быть настоящим другом, он не чувствует человечности в дружбе.

Жизнь убедила меня, что если в годы отрочества и ранней юности человека воодушевляет нравственный идеал, если человек понимает, что такое правильное поведение, то дружба духовно обогащает его, в дружбе он ищет не проведения времени, а поля для самоутверждения, для самопознания и самовоспитания.

Особенно необходима эта благородная духовная потребность — потребность в человеке — для формирования мужчины. Чтобы стать настоящим мужчиной, ты вот в эти годы, в ранней юности, должен раскрыть богатства своей души в дружбе. От этого зависит чистота твоего чувства любви, счастье твоей будущей семьи.

Любовь без дружбы мелка. Если юноша уважает в девушке прежде всего человека, если он любит в ней человека, то эта возвышенная, благородная дружба сама по себе так же прекрасна, как и любовь. Любовь может быть морально оправдана лишь тогда, когда полюбивших связывает крепкая дружба. Не любовь сама по себе вдохновляет нравственную чистоту, а наоборот, благодаря высокой нравственности человеку доступны благородство и красота чувства любви. Люди, надеющиеся построить духовную общность на любви как на половом влечении, как раз и не дорожат любовью, потому что стремятся втиснуть весь мир духовной жизни в поцелуй и ревность. Любовь без высшей духовной жизни — без стремления к единому идеалу, без дружбы во имя этого — может превратиться в чувственное наслаждение. Запиши себе в записную книжку слова В. Г. Белинского, прочитай их несколько раз наедине, вдумайся в них, проверь сам себя:

«Любовь — поэзия и солнце жизни. Но горе тому, кто в наше время здание счастья своего вздумает построить на одной только любви и в жизни сердца вознамерится найти полное удовлетворение всем своим стремлениям... Если б вся цель нашей жизни состояла только в нашем личном счастье, а наше личное счастье заключалось бы только в одной любви, тогда жизнь была бы действительно мрачной пустыней, заваленной гробами и разбитыми сердцами, была бы адом, перед страшно существованием которого побледили бы поэтические образы земного ада, начертанные гением сурового Данте».

Вдумайся в это: жизнь была бы адом, если бы счастье заключалось только в любви. Если уйти в личное счастье невозможно было во времена Белинского, то сделать это в наше время равносильно обресть себя на одиночество и бездеятельность, сузить свой мир до субъективных чувств и переживаний. Если уже в свое время Белинский ви-

дел, что, «кроме внутреннего мира сердца», есть «великий мир жизни, тот великий мир, где мысль становится делом, а высокое чувствование — подвигом», то в наше время такой мир открылся не для отдельных борцов, а для всего народа. Для того, чтобы любовь стала для человека подвигом, он должен достигнуть высокой ступени морального развития: прежде всего определить высокую цель своей жизни, воодушевиться мыслью о преодолении трудностей на пути к достижению цели. Когда борьба за достижение высокой цели становится подлинной страстью, то любовная страсть теряет характер цели, любимый человек становится другом в этой борьбе, а не предметом, призванным вдохновлять. Именно то, что страсть любви перестает быть целью, и облагораживает человека, возвышает его над чувственными страстями. Понимание истинных масштабов счастья личного и счастья общечеловеческого нисколько не унижает человека, не угнетает его, а, наоборот, возвышает, так как пробуждает у него стремление обогатить свою жизнь высокими духовными интересами.

Понимание соразмерности личных чувств и счастья человечества предотвращает от того, чтобы отдельные неурядицы, мелкие споры превращались в трагедию и отравляли жизнь. Сколько таких «трагедий», достойных сожаления, унижающих человеческое достоинство, можно наблюдать в жизни... Сколько «безвыходных положений» и «неразрешимых противоречий» создается в молодых семьях лишь потому, что люди делают из своей любви маленькую вселенную, в которой, понятно, на каждом шагу тупики, нет простора для широких благородных движений души. Помни это, пусть будет тебе это заповедью будущей семейной жизни: там, где духовная жизнь молодых мужа и жены начинается и кончается любовью, по малейшему поводу разыгрывается честолюбие; оскорбленные супруги из-за пустяков неделями не говорят друг с другом, бередят свои сердца мелкими царапинами и умышленно посыпают их солью мелкого гнева. При этом все эти «трагедии» возводятся в проблему; люди стремятся найти какие-то расхождения во взглядах, несходство в характерах и т. д. Такие люди, по существу, не готовы к духовно-психологическому общению, им не следовало бы вступать в брак до тех пор, пока они не определят масштабов своего личного счастья.

Несколько недель назад прокурор нашего района рассказал мне об одном бракоразводном деле. Молодые люди пожилы две недели, и вот счастье «медового месяца» омрачилось ссорой. Повод для ссоры был смехотворным: супруги не пришли к единому мнению по вопросу о том, где поставить телевизор, кстати, подаренный родителями невесты... Ссора разгоралась, оба пришли к выводу, что характеры у них настолько далеки, что семейная жизнь будет невозможной. В ссору вмешалась мать жены, отобрала свой подарок, а отец мужа тоже решил не уступать — перевез домой диван и шкаф, подаренный молодоженам. Уста, еще две недели тому назад произносившие горячие слова любви, извергали теперь грубые оскорбления... На суде мудрая женщина — народный заседатель стала, как говорится, по ниточке добираться до клубочка; супруги с трудом вспомнили, с чего началась ссора, и им стало стыдно перед людьми и перед собой... Вот до чего может дойти человек, если мелочи гипертрофируются, превращаются в «мировые проблемы», если нет перед мысленным взором никакой высокой цели.

Самое важное и самое трудное для человека — всегда, во всех обстоятельствах оставаться Человеком. Быть всегда Человеком.

Желаю тебе крепкого здоровья и бодрого духа. Обнимаю и целую тебя. Твой отец.

Продолжение следует.

Людмила ЩИПАХИНА

ИЗ НОВЫХ СТИХОВ

Луис продолжает борьбу

Так назывался рассказ о никарагуанском патриоте, напечатанный в «Правде» 8 января 1978 года.

Под яростью дышащим небом,
Кляня вековую судьбу,
Кипит Никарагуа гневом!
Луис продолжает борьбу.
Рабочая жизнь за плечами,
На черный похожая гнет.
...Его передатчик ночами
Согражданам спать не дает.
Взлетают слова раскаленно
Сквозь взрывы, облавы, пальбу.
Каратели шлют батальоны.
Луис продолжает борьбу.
Сквозь мангровый ужас болота
Он шел, доверяясь звезде.
И рыси глаза и койота
Следили за ним в темноте.

Сто раз бы он с жизнью расстался.
Предсмертные капли на лбу.
Но не отступают повстанцы!
Луис продолжает борьбу.
Он бомбы готовит в подполье.
Он роту в атаку ведет.
Он падает, корчась от боли.
И корчась от боли, встает.
Под кроной разбитых орешин,
Под крышей, на дальней меже,
Быть может, он трижды повешен
И трижды убит он уже...
Спросите о том у сограждан.
Какую он принял судьбу?
И вам обязательно скажут:
«Луис продолжает борьбу».

Куба

Остров ливневых туманов,
Луч, пронзающий струю.
Сто вулканов, в бездну канув,
Ввысь взметнули твердь твою.
И века добротной кладкой
Обнесли тебя кругом.
Засаживали смоквой сладкой
И зеленым тростником.
Изобильны рыбой воды,
Зверем заросли полны.
Все изливается природы
Здесь в едино сведены.
Из расселин Эскамбрая
Бьют ручьи и лисы пьют.
Да живет земля родная,
Всем дающая приют!
Всем отверженным, бежавшим,
Всем, кто раньше был изгой,
Обреченным, нищим, павшим
И поверженным судьбой.
Куба — мать человечья.
Вздых. Росинка на губе.
Не на то ль поклон извечный
Шлет история тебе?
От цепей и от престолов,
От галер и от гробов
Загустела кровь креолов
Непокорностью рабов!
Кровь ручьем стекала полным
По полям, наискосок,
В океан катила волны,
Красным делала песок.

Стерлись горестные даты,
И остались без имен
Крестоносцы и пираты,
Проходимцы всех времен.
А потом, потом — ты помнишь —
Клятву верную парней.
Торжествующую полночь
В гаснущем «Сибоней».
Штурм Монкады, вызов «Гранмы».
Слышишь, Куба, гул святой?
Как салют, взметнулись пальмы
Над неистовой водой.
Что хотели — все сумели!
И опять звучит в ушах:
Речь Марти, призывы Мельи
И Фиделя твердый шаг.
Остров — чудо изверженья!
Всем, кто раньше был изгой,
Не вулканы, а сраженья
Так возвысили тебя.
Мне на краешке Европы
До тебя — не легок путь.
Только есть другие тропы
Меж сердцами, не забудь.
И в какой-то миг тревожный,
В трудный час, ненастный год —
На меня надейся тоже,
Принимай меня в расчет.
И к тому, что я сказала,
От души и без прикрас,
Я добавлю: ты спасла
И вела меня не раз!

Зачем о будущем гадать
Мне, неумелой и несмелой?
Есть нынешняя благодать:
Простой листок бумаги белой.
Освобожу его от зла
Быть перечеркнутым напрасно.
Жить ощущением ремесла
И благородно и прекрасно.
Строкою искупив беду,
Найду покой в вечернем звоне.
И призову к себе звезду.
Ее понячу на ладони.
Из сердца выпущу птенца.
Рысь приручу. Приблизу дали.

И вот у самого лица
Плывут оттенки и детали.
Вот на немислимой горе,
Очнувшись, дрогнула лавина
В краю, мечтавшем о добре
Волшебной лампы Алладина.
Сверкает штык. Стучит приклад.
Встают народные дружины.
У обгоревших баррикад
Дымят резиновые шины.
Я посылаю в небеса,
Под полыхающие своды
Свой выдох в ваши голоса
Единства, братства и свободы!

Работы!

Закрывают глухие ворота,
И двери внутри заперты...
Работы! Работы! Работы! —
Кричат воспаленные рты.
Работы! — немой пустотою
Откликнулось чрево печи.
И стонут станки от застоя.
И рушатся в прах кирпичи.
Застывшие водопроводы.
Повисшие вниз провода.
Работы! Работы! Работы!
Спасительной власти труда!
Работы! — просили забои,
Работы! — ревел паровоз.
Глухая трясина покоя
Изгрызла нам души до слез.
Так было, так было, так было.
Заря революции жгла.
Работы! — страна попросила.
И эту работу дала.
Открыты любые ворота,
И вот уже в нас навсегда
Сместились понятия — работа
И будничным праздником труда.
Свои и чужие заботы
В одно совместила страна.
И рельсы грохочут: работы!
Работы! — зовет целина.
Паромом гудит переправа.
Блестят серебром невода.
Нельзя человеку без права
На вечную доблесть труда!
Из стали, камней, древесины —
Простые орудья труда.
Творец, он ворочает пальмы,
Возводит в тайге города.
Легки ему реи и ванты,
И творческий дорог момент.
Фотоны, и лазер, и кванты —
Новейший его инструмент.
Но все еще дремлют народы
Вдали, словно тлеют огни...
Работы! Работы! Работы! —
Кричат безнадежно они.
Работы! — и эхо разносит,
Как ветер, слетающий с крыш.
Работы! — Лос-Анджелес просит.
Работы! — взывает Париж.
На митинг сошлась Окинава.
В Детройте — локаут. Беда.
Работы! Работы! И права
На счастье простого труда!
Какие пройдут еще годы,
Чтоб этого счастья достичь?
Работы! Работы! Работы! —
Всемирный и яростный клич.

О этот доблестный момент!
Быть непричастною могу ли?
Гудит далекий континент.
Над самым ухом

свищут пули.
Вот рвутся сполохи огня.
Вот отступают оккупанты.
Я знаю, знаю — от меня
Идут таинственные кванты.
И потому, и потому
Над личной не скорблю
судьбою.
...И каждый день в моем доме
Тревожно. Как на поле боя.

Тишина

После всех скоростей, перегрузок, огня,
Чем так плотно мы окружены,
Я приветствую чудо свободного дня—
Благодатный прилив тишины.
Словно глухо захлопнулся купол земной.
Лопнул провод. Сгорели мосты.
Словно пропасть разверзлась
Меж миром—и мной,

Торичеллевы вдых пустоты.
И тогда современный несдержанный дух
Ощущает сиротство утрат...
Прозревают глаза. Напрягается слух.
Обостряется разум стократ!
И из теплых глубин неизменно являсь,
Проявляясь вблизи и вдали,
Наш древнейший локатор—
Душевная связь
Принимает сигналы Земли.
Стонут волны. Утробно гудят сейнера.
Бьется ветер о танкер огромный.
И звенит комариною песней жара.
И вздыхают горячие домы.
Принимаю заботы. Тревоги ловлю.
Повторяю их сердцем, как гаммы.
«Никогда не вернусь». Или просто:
«Люблю».
Надо мною летят телеграммы.
Выстрел в спину. И кровь заливает глаза.
Есть бои—не за почести ринга.
До сих пор над планетой плывут голоса
Че Гевары, Неруды и Кинга.
О моя тишина! Блеклый купол тоски.
Только тем ты и манишь прекрасно,
Что любые глубины контрастов мирских
Демонстрируешь мудро и ясно.

Ожидающая девочка

Жди, девочка, не разрушай мосты.
Придет ли он—на это не отвечу.
Но сердце, ожидающее встречу,
Прекрасно! И глаза твои чисты.

У синего цветочного ларька
Стоишь ты, как воробышек промерзший.
Пусть думает непристальный прохожий,
Что участь ожидающих горька.

Жди, девочка! Не наведи на грех
Звенящую восторженную душу.
Не пропусти в нее глухую стужу.
Будь терпеливой—в этом твой успех.

О, в часовых ли стрелках торжество!
На перекрестке шумном и забытом
Жди, девочка! Притягивай магнитом
Любви и ожиданья своего.

Пусть над землей прольется добрый свет
И правоты и веры несравненной.
На шумных перекрестках всей вселенной
Жди, девочка! Исполни свой завет.

Всем циникам и скептикам в укор
Жди, девочка, светись великодушьем.
...Твоим примером и твоим оружием
И мы сильны. И живы до сих пор.

Обида

Жалкая, подавленного вида,
На тебя нахлынула обида...
Сжала горло, затемнила разум,
Все на свете отравила разом.
Серый дождь рябит седые лужи.
Серый день закашлялся от стужи.
Серый воздух. Серые растенья.
На душе темно от запустенья.
Лучше уж беда! И гром раздора.
Откровенность зла. Удар позора.
Смута, отступленье, малодушие,
Чем обиды горькое удыше!
Кто тебя обидел? Сильный мира?
Равнодушно прошагавший мимо?
Обманувший?
Наплевавший в душу?
Рук твоих не обогрешив в стужу?
Зло остынет. Горе притулится.
Боль минует. И беда прочтится.
Все пройдет. Загладится. Сотрется.
Все пройдет—обида остается.

Перед сном

Лунный слиток над миром повис.
Ветер рвался от Дона до Волги.
Рассыпая по лужам осколки,
Раскололась звезда о карниз.
Мак, дурманя, расцвел в темноте,
Инфракрасные блики бросая.
Потекла, как дождинка косая,
Тень улитки на влажном листе.
И из дальних каких-то земель
Эхо шло в поднебесные выси.
Свист дельфиний. Рычание рыси.
Выплеск волн на песчаную мель.
Ощущался немислимый зной.
Намечалась полярная стужа.
И качалась размытая суша
И светло засыпала со мной.
Но отчаянно рубщик-карол
Гнал стволы по замученным рекам.
И в глазу, под опущенным веком,
Континент африканский горел.
Обреченности вспененный вал
Превращался в людскую колонну.
И вдали по старинному Бонну
Оготельный парад бушевал.
Свет и отсвет плывут по лицу,
Это наша планета клокочет.
...Но запел голубой колокольчик,
Золотую роняя пылью.
И незрима, легка и вольна—
Я куда-то уже улетела.
...Лишь осталось усталое тело
На холсте вологодского льна.

Что за странные дела?
Мрак не выглядит печально.
Я сухой бутон взяла,
Он расквылся моментально.
Искры брызнула роса.
Всплыл Сатурн, роняя кольца.
Мир светился, как глаза
Молодого добровольца.
Побелел на стенах мел.
С крыш закапали капли.
Чай в стакане закипел.
За окном—птенцы запели.

Что за странные дела?
Не умею догадаться,
Чем я повод подала
Так ко мне располагаться.
Может, тайну сберегла?
Исцелила от недуга?
Может, маме помогла?
Или выручила друга?
Может, длительно любя,
Обрела благословенье
Тем, что встретила тебя
На короткое мгновенье?

Только раз один живем!
Наполняйте ваши кубки!
Набивайте ваши трубки
Самым лучшим табаком!
Если ник ты в тяжкий миг,
Я хочу тебе напомнить:
И в ненастье светел полдень!
Только раз живем, старик!
Боль, беда или ожог—
От отчаянья не кисни,
Ведь контрасты—формы жизни.
Только раз живем, дружок!
Краток путь, но вечен бой!
Слишком рано умираем.
Даже пол, что попираем,
Долговечней нас с тобой.
И поэтому вдвойне
Сладок воздух, свет прозрачен.
Миру точный срок назначен
Быть с тобой наедине.
Над лугами, над жнивьем
Колкий снег и ветер острый.
Не скупись и не притворствуй,
Только раз один живем!
Твердь твоя, уют и кров—
Миг случайный и прекрасный.
Торжествуй, твори и празднуй
В этом лучшем из миров!

Ухожу по болотным трясинам,
Глотая метан.
Сквозь извилины в скалах,
Доступные только ужу.
По углям раскаленным,
По брызгам стекла—ухожу.
И горячие искры
Швыряет мне в спину металл.
Где-то филин кричит.
Где-то дикая плачет сова.
Корневища дерев
Раскололи угрюмую почву.
Размножаясь, как эхо,
Жестокие свищут слова.
И висят облака,
Точно копоти серые ключья.
Все равно—ухожу!
Ухожу,
А не то пропаду.
Растворюсь,
На пылинки рассыплюсь,
В тумане расту.
...Я пока что жива.
Я пока что сквозь слезы смеюсь.
Я едва различимой
Надеждой еще прорастаю.
Ухожу—среди ночи.
В пургу.
И среди белого дня.
По висцям мостам.
По камням.
По колючей стерне.
Ухожу—не зови,
Не ищи, не преследуй меня.
Ухожу—помоги!
Ухожу—истоскуйся по мне!
Я сухую листву,
Словно мысли свои, ворошу.
Провожу журавлей.
Посижу у лесного пруда.
Это я от тебя
Ухожу, ухожу, ухожу...
Это мне от тебя
Не уйти
Никогда, никогда.

Да, велик тяжелый груз ошибок:
Лживых слов, бессмысленных улыбок.
Встреч пустых, нелепых расставаний.
Пройденных напрасно расстояний.
Надо мною тяжкое, как бремя,
Понапрасну прожитое время:
Тысячи утраченных мгновений
Без любви, без слов, без откровений.
Все, что было в суете и смуте,
Праздное, далекое от сути,
Пролетело вздохом огорченья
Без следа, без смысла, без значенья.
Но отныне каждый миг весом,
Плотен, подчинен единой вере!
Словно компенсируя потери,
Мир преобразуется во всем:
Мысли четки, помыслы чисты,
Обострен язык и разум гибок.
И земля прекрасна с высоты
Некогда допущенных ошибок!

Не принесет мне искренность добра.
Язык мой—враг мой. Истина стара.
Зачем же я рискую без расчета?
Зачем я объясняю—что к чему?
Дарю сомненья чуждому уму.
Во гнев и ярость привожу кого-то.
На белое—я «белое» скажу.
И тем себя, быть может, накажу.
Но что-то недостойное—нарушу.
Язык мой—враг мой. Тем, что не солгу,
Я все-таки кому-то помогу
Не осквернить восторженную душу.
И вновь я попытаюсь предсказать,
Что можно все на свете увязать:
Размер коварства—с точкою паденья,
С крушеньем ночи связана заря,
Исход тепла—с приходом января,
Конец любви—с началом вдохновенья.
Не отделяю счастья от беды.
Но скольких слов неверные следы
Ложатся на бетон тысячелетний!
Чтоб затвердела истиной строка,
Пусть искренность слетает с языка.
Она—твой суд и приговор последний.

Когда спасенья ты искал,
Когда земля казалась адом,
Когда ты руки опускал,—
Прости, что я была не рядом!
Когда светился белый свет
И был твой взгляд хозяйским взглядом,
Для полноты твоих побед
Прости, что я была не рядом!
Когда та женщина в тот день,
Придав особый смысл нарядам,
Возникла за тобой, как тень,
Прости, что я была не рядом!
И каждый час и каждый миг
Неумолкающим набатом
Ты должен слышать этот крик:
«Прости, что я была не рядом!»
Прости, что годы не сплести,
Как незаполненные соты.
За все бессонницы прости!
За все невзятые высоты.
И поздней встречи торжество
В осенний день с дождем и градом—
Прости!.. Но более всего
Прости, что я была не рядом.

Чужие эмоции

Как чужое волнение манит,
Словно блики огня среди стужи,
Словно брошенный кем-то магнит,
Обреченный притягивать души.
Как прекрасен ваш гнев, гражданин!
Вы сильны и, наверно, жестоки,
И взмывают из мутных глубин
Порожденные злом биотоки.
Но они, перейдя за черту
И теряя заряды по ходу,
Порождают порой доброту,
Словно импульс, пришедший к аноду.
Что-то правит смятенной душой,
Как гроза над дремучею чащей.
И, случается, праздник чужой
Отзывается грустью чужающей...
Ах, гражданка, вы сердитесь вновь
И готовитесь выпить лекарство,
Чтоб коварством платить за коварство!
Принимая сигналы вестей,
Сострадая, тревожась, рискуя,
Попадаем в пучину страстей,
Словно парусник в бурю морскую.
Без эмоций чужих не прожить,
И свои не сберечь, вероятно,
Потому что единая нить
Обвязала нас всех многократно.

Каракола

Раковина—каракола.
Дар глубин, виток природы.
Кто так крепко и надежно
Закрутил твою спираль?
Отчего, изнемогая
От сияющей свободы,
Ты хранишь в холодном чреве
Шум прибоя и печаль?

Став добычей обычной
Собирателя моллюсков,
Ты случайно не разбита
О приборную скалу.
И теперь на книжной полке,
Полированной и узкой,
Прижилась ты и прижалась
В предназначенном углу.

Каракола—мол, кораллы,
Колокольный звон далекий...
Королевою стихии
Ты, наверно, была.
Запятой на свитке моря.
Гостией вечного потока.
Ослепительным мгновеньем,
Квантом света и тепла.

Подчиняя совершенство
Строгой мере назначенья,
Через все перипетии
Ты была—очаг и кров.
Сквозь подводные течения,
Фосфоритные свеченья
И скупые излученья
Прародительских миров.

БУДУЩЕЕ НАЧИ

Одному из древних мудрецов принадлежит грустное откровение: человек начинает ценить самое важное, самое великое, только лишившись этого. Он назвал хлеб, детей и мир.

Хлеб... Дети... Мир... Самое важное, самое великое.

Человечество не намерено лишаться этого!

Нынешний, 1979 год, XXXI сессия Генеральной Ассамблеи ООН объявила Международным годом ребенка. Одним из значительных событий года станет Всемирная конференция «За мирное и счастливое будущее для всех детей». Честь проведения конференции представлена Москве.

В канун открытия этого представительного международного форума редакция журнала «Смена» обратилась к видным писателям, ученым, деятелям культуры многих стран с двумя вопросами:

1. МИР СЕГОДНЯШНИХ ДЕТЕЙ... ЧЕМ ОН ОТЛИЧАЕТСЯ ОТ МИРА ВАШЕГО ДЕТСТВА?

2. КАК ВЫ ПРЕДСТАВЛЯЕТЕ БУДУЩЕЕ ДЕТЕЙ СЕМИДЕСЯТЫХ ГОДОВ — ГРАЖДАН III ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ?

НАМ ОТВЕТИЛИ:

Сергей МИХАЛКОВ,

писатель, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии (СССР)

1. Я думаю, что главное отличие сегодняшних детей от детей моего поколения заключается в том, что нынешние советские дети могут выбирать любой путь в жизни, любая мечта сегодняшнего ребенка в принципе осуществима, в то время как дети моего поколения были часто вынуждены строить свои планы в соответствии с объективными обстоятельствами, и гораздо менее — в соответствии со своими субъективными желаниями и пристрастиями.

2. Дети будущего представляются мне прежде всего одухотворенным, творческим поколением. Творчество, как способ выражения человеком самого себя, будет главной отличительной чертой детей будущего — будь это творчество техническое, литературное или научное. Дети будущего — это наша надежда, наше реальное завтра, и это завтра должно быть прекрасным, если прогрессивным силам мира удастся сохранить мир на Земле. Мы, старшее поколение, обязаны сделать для этого все возможное.

Бенджамин СПОК,

врач, педагог, писатель (США)

1. По-моему, главное заключается в том, что наши дети сегодня намного более самостоятельны и намного более уверены в себе, чем их сверстники сорок или, скажем, шестьдесят лет тому назад. К счастью, уходит в прошлое некогда бытовавшее представление о том, что родители — в воспитательных целях — должны просто запугивать детей.

2. Мы все, наверное, живем с надеждой, что нынешние девочки и мальчики никогда не окажутся жертвами термоядерной катастрофы. Будущее современной нам детворы зависит в первую очередь от того, насколько прочным будет мир на Земле. Ведь без прочного мира невозможно и развитие настоящей человеческой личности.

Жан ЭФФЕЛЬ,

художник, лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» (Франция)

1. Я воспитывался в строгой обстановке. Как сейчас, помню выражения: «За столом не разговаривать!», «Говорить будешь, когда тебя спросят». Нас заставляли учить наизусть — я хорошо помню это — милитаристские стихи и поэмы и тому подобное. Сегодня же дети растут в значительно более свободной атмосфере. Перемены эти связаны с «молодежным бунтом» в конце 60-х годов. Одна из причин его, по-моему, та, что юношам и девушкам стало очевидно: воспитание и образование, которое они получили, несколько не соответ-

ствовало реальной жизни. Во Франции им, в самом деле, продолжали вколачивать в голову почти то же и так же, как сто лет назад при Наполеоне третьем. Насаждалась такая же армейская дисциплина, вплоть до того, что живущие в общежитии учащиеся старших классов выходили гулять парами. Теперь не так. Моя сестра, к примеру, глубоко верующий человек, а ее дети сочетались браком в мэрии, а не в церкви. Порядки, нравы, привычки стали более раскованными. И многие из наших молодых людей (к сожалению, не все) пользуются этим с умом. Кстати, немалое влияние оказывает на наш мир наша молодежь, хорошо воспитанная, любопытная, дружески настроенная к другим народам.

2. Надеюсь, что, став взрослыми, дети семидесятых годов будут лучше строить отношения со своими детьми. И тем скорее добьются уважения, ибо оно заслуживается, а не навязывается. Но главное, я надеюсь, что они будут жить в условиях более прочного мира. Сколько можно будет построить парков, бассейнов, стадионов и библиотек, если не тратить колоссальных средств на оружие!

Пользуясь случаем, хочу пожелать счастья детям вашей страны.

Мартти ЛАРНИ,

писатель (Финляндия)

1. Мой собственный опыт и воспоминания о годах раннего детства не слишком светлы.

В самые восприимчивые годы детства моя страна оказалась ввергнутой в пучину безжалостной гражданской войны, которая породила чувство беззащитности. И хотя доход в нашей семье был сравнительно высоким, мне, моим братьям и сестре пришлось испытать голод и недостаток, порожденные всеобщей нехваткой продуктов. Если сравнивать сегодняшний мир детства со временами моего детства, то разница заметная. Несмотря на нынешний период экономического спада и безработицу, законодательство в социальной области обеспечивает жизненные потребности детей, их образование, необходимый достаток и увлечения. Мир детства (я говорю сейчас лишь о детях Финляндии) после второй мировой войны привлекает все большее внимание государственных властей в смысле обеспечения благосостояния и безопасности нового поколения.

2. Общемировая картина положения детей тем не менее пока не слишком утешительна. Голод делит мир на две части. Резкая разница в жизненном уровне народов мира все еще не пробудила так называемые «государства высокого благосостояния» от сна пресыщенности. По официальным данным, на земном шаре ежегодно умирает от голода около 25 миллионов детей. Одновременно на вооружение тратятся астрономические суммы денег. Где скрываются гуманизм, социальная справедливость и права человека? Если бы от нынешних расходов на вооружение в мире оторвать, например, четвертую часть для улучшения

положения нуждающихся народов, то при переходе в новое тысячелетие у всех детей Земли была бы возможность сидеть за щедрым обеденным столом, радоваться мирному дому, учиться читать и писать и наслаждаться так много обсуждаемыми правами человека. Будущее детей в 2000-е годы зависит почти полностью от того, каким его спланируют взрослые в последние десятилетия XX столетия.

Руку на сердце, братья и сестры! Давайте сделаем все возможное для блага наших детей и грядущих поколений. Сделаем все уже сегодня, ибо завтра может быть слишком поздно.

Азиз Рахман САИДИ,

ректор Кабульского университета (Афганистан)

1. Возьмем совсем недавнее прошлое. До победы апрельской революции большинство детей Афганистана было лишено возможности учиться. Не было детских садов. Огромной была детская смертность. Бедным многодетным семьям было трудно прокормиться.

Сейчас ситуация в корне изменилась. Прежде всего налажена система охраны здоровья детей, и процент детской смертности начал резко снижаться. По всей стране стала привычной картина спешащих утром на занятия школьников. Это огромное достижение. Ведь феодалы на протяжении веков внушали крестьянам, что их детям совсем не обязательно ходить в школу, так как неграмотными были их отцы, деды и прадеды. После осуществления аграрной реформы заметно улучшилось положение многодетных семей. Короче, делается все, чтобы сегодняшние дети стали активными гражданами будущего Афганистана. Ведь те мальчишки и девочки, которые сегодня сидят за партией, будут определять лицо нашей страны в третьем тысячелетии. И для того, чтобы они были счастливы, много должны потрудиться мы, сегодняшнее поколение.

2. У меня есть сын. Ему сейчас четыре года. Хочу, чтобы его будущее сложилось как можно счастливее. Уверен, что со мной солидарны в этом миллионы отцов и матерей Афганистана.

Дж. МАКГОВЕРН,

сенатор (США)

1. Во времена моего детства над миром не нависала угроза термоядерной войны. Сегодня даже дети понимают ту страшную опасность, которой чревата продолжающаяся гонка ядерных вооружений, и ежедневно живут в обстановке этой опасности.

2. Говоря о будущем, хочется прежде всего говорить о надежде на то, что нынешние усилия, направленные на устранение угрозы войны, увенчаются в конце концов успехом. Дети нашего поколения должны прийти в мир взрослых в такой обстановке, когда можно будет не думать о войне, когда усилия человечества будут сконцентрированы на решении проблем здравоохранения, жилищного строительства, просвещения, экономики в целом.

Джеймс ОЛДРИДЖ,

писатель, лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» (Великобритания)

1. У моего поколения было довольно странное детство. С одной стороны, все было прекрасно, и я жил почти как Том Совер — ловил рыбу и охотился на большой реке, а когда была зима, сидел на берегу, наблюдая, как лодки плывут вниз по течению. Но наше детство не было таким уж безмятежным. Я родился в конце первой мировой войны и еще ребенком чувствовал, что надвигается другая война. Ведь это было время, когда в Европе поднимал голову фашизм. Сейчас детям уже не приходится сталкиваться с той суровой действительностью, которая в свое время предстала перед нами.

НАДЕЕТСЯ СЕГОДНЯ

2. наших детей ждет гораздо более романтичное будущее, если на Земле будет мир, каждый новый день принесет замечательные открытия. Однако не всех детей ожидает светлое будущее. Многим из них придется вести борьбу за существование и свободу. И эта борьба будет не менее трудной, чем работа в области науки и техники. Тем не менее, будучи оптимистом по натуре, я надеюсь, что дети XXI века могут рассчитывать на лучшую жизнь.

Херлуф БИДСТРУП,

художник, лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» (Дания)

1. Хотя мы живем в Год ребенка, но далеко не во всех странах мира нуждам детей уделяется должное внимание.

60 лет назад, когда мне было шесть лет, первая мировая война только что закончилась. Дания не принимала участия в этом массовом убийстве, но тем не менее и для датчан послевоенные годы характеризовались последствиями войны: безработицей, ростом цен, нехваткой жилья и болезнью «испанка», которая бродила по всей Европе. Хотя у меня нет причин жаловаться на свое детство, положение в Дании не могло не отразиться на формировании моего представления о жизни.

К сожалению, и сегодня дети в Дании страдают от тех же недугов, которые продолжает создавать капиталистическая система.

2. Я надеюсь, что для детей 70-х годов — моих соотечественников — будущее будет более счастливым. Я думаю, они будут жить уже в социалистическом обществе, не зная страха перед безработицей и опасностью новых войн.

Фаиз Ахмад ФАИЗ,

писатель, лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» (Пакистан)

1. Я родился в 1911 году. Это время отделяют от нашего огромные, зачастую просто фантастические изменения, происшедшие на нашей планете. Мои юные сверстники и представить себе не могли, что через несколько десятилетий, например, многие дети будут смотреть такое чудо, как телевизор.

Да, технический прогресс со времен моего детства шагнул далеко вперед. Но жизнь детей изменилась к лучшему далеко не во всех странах и далеко не во всех семьях. Сотни тысяч юных граждан Азии, Африки, Ближнего Востока, Латинской Америки живут в нищете, недоедают, не могут ходить в школу. Нередко они становятся жертвами войн, развязанных силами империализма и реакции.

Мне кажется, что одна из главных задач писателей развивающихся стран состоит в том, чтобы всеми силами бороться за лучшее будущее наших детей. Художник должен активно вмешиваться в окружающую его жизнь, работать над тем, чтобы она была счастливее.

2. Я часто бываю в Советском Союзе. Мне кажется, эта страна, как и другие социалистические государства, может служить примером для многих. Огромное внимание здесь уделяется подрастающему поколению. Можно с полным правом сказать, что в социалистическом обществе есть единственный привилегированный класс — дети. И мне хочется, чтобы в третьем тысячелетии большинство детей нашей планеты жили бы так же счастливо, как сегодня живут юные граждане стран социализма.

Ассаад РИЗК,

министр, председатель Национального комитета по проведению Международного года ребенка (Ливан)

1. Если сравнивать мир сегодняшних детей с миром моего детства, то можно найти и много общего и существенную разницу. Общее состоит в

том, что детям всех поколений присущ романтический мир сказок и мечтаний. Каждый хочет вырасти большим, красивым, мужественным и добрым. Но если мы мечтали стать летчиками и первооткрывателями необитаемых островов, то нынешние дети мечтают о космосе и надеются открыть новые планеты.

Однако мир детства рано или поздно переносится в мир действительности и сталкивается с повседневной жизнью и заботами. К сожалению, наша действительность преподносит детям больше разочарования и тревог, чем радостей. Дети рано познают войны и лишения, голод и болезни. Мир детства сегодня могут оборвать пуля, бомба, снаряд.

2. Когда мы думаем о будущем, о третьем тысячелетии, мы надеемся, что человеческий разум и доброта победят, что сегодняшние наши дети, рано познавшие, как и мы, ужасы войны, разрухи и скитаний, будут бороться за то, чтобы детские мечты грядущих поколений осуществлялись, чтобы на нашей планете мир и счастье поселились навечно в каждом доме.

Сиего ФУКУДА,

художник-декоратор, заместитель председателя жюри Международного конкурса «Плакат Олимпиады-80» (Япония)

1. Мое детство, как и детство моих сверстников, прошло в тяжелые послевоенные годы. Не хватало продуктов, одежды, жилья. Но больше всего мы страдали от недоедания. Школа к концу войны эвакуировалась из центра в провинцию Ивате. Тоже было несладко, но все-таки не так, как в столице. Эти голодные дни настолько врезались в память, что у меня и сейчас, когда в магазинах всего в досталь, возникает порой сомнение: неужели все это можно так просто пойти и купить? Вообще в те далекие годы нам все доставалось с трудом: и учебники, и книги, и развлечения.

Сейчас же, я это просто вижу по своей дочери, для современных детей все доступно — только протяни руку. Не надо ни воду носить, ни дрова рубить. Двери — и те открываются автоматически. Теперь проблема иная: как заполнить свободное время? Такая доступность всего приводит к тому, что дети порой не знают, для чего они живут, кем они хотят стать — словом, плывут по течению. В наше время мы четко представляли себе, кем будем: один — механиком, другой — проводником, третий — машинистом. Не говоря уже о том, что сейчас эти профессии сами по себе не котироваются, многие дети мечтают лишь о том, чтобы получить университетский диплом и устроиться на любую, только хорошо оплачиваемую работу. Что и говорить, наш внутренний мир был богаче — у нас всегда была перед собой цель, мы много мечтали, читали книги. Нынешнее же поколение детей читали комиксы и полностью отдается чтению «комиксов» и просмотру никчемных телевизионных программ.

2. Я хочу, чтобы нынешние дети, став взрослыми, были счастливее нас. Чтобы, вступив в третье тысячелетие, молодежи не пришлось сталкиваться с такими социальными проблемами, как коррупция — у всех в памяти «приметы» нашего времени: дело «Локхид» и дело «Струмман». Чтобы сама политика стала чище, и молодые люди активнее участвовали в ее осуществлении.

Рамеш КАУШИК,

писатель, лауреат премии имени Джавахарлала Неру (Индия)

1. Когда я был ребенком, Индия не была независимой. Тогда детей ориентировали на службу господам. Некоторые родители убеждали своих детей, что служить королю (это был английский король) большая честь, что английское правительство милостиво к индийскому народу, что всеми благами, которыми пользуется народ, он обязан британскому «радже».

Тогда дети не могли высказывать своего мнения. Это были лишь едоки в семье или просто рабочие руки.

Тогда не было социального обеспечения детей

или системы образования для всех детей. Детей простого народа отправляли в армию или в полицию. Счастливицы мечтали стать конторскими служащими. Чиновниками могли сделаться только дети, родившиеся, что называется, «в рубашке».

После завоевания независимости положение изменилось. В настоящее время дети растут активными и уверенными. Дети пользуются правом на образование, охрану здоровья и трудоустройство.

Современные дети мечтают идти своей дорогой, и для этого создаются необходимые условия.

2. Я предвижу доброе будущее для детей в 2000 году. Основание для такого прогноза — общая картина улучшения благосостояния детей по всему миру. В качестве вехи на пути к этому доброму будущему детей я рассматриваю тот факт, что Организация Объединенных Наций объявила 1979 год Международным годом ребенка.

В настоящее время складывается общее мнение во всем мире, что здоровые и образованные дети, перед которыми не маячит проблема безработицы, скорее придут к международному взаимопониманию, будут более активны в борьбе за мир и будут более ответственно подходить к судьбам мира в глобальном масштабе.

Итак, я завидую детям 2000 года, у которых будет все, о чем я не смел мечтать. Это будет время всеобщего просвещения. Это будет время, которое позволит положить конец эксплуатации бедных и слабых. Это будет время без жестокости, угнетения и тирании — просвещенные люди и народы такого не потерпят.

Александр ОПАРИН,

академик, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии (СССР)

1. Детство — ответственнейший период в жизни каждого человека. Ведь общий настрой, определяющий дальнейшую судьбу, во многом зависит от той информации о мире, которую получаешь в это время. И поэтому детство должно быть прежде всего счастливым. В те довольно далекие годы, когда я сам был ребенком, маленький человек сталкивался со многими трудностями, которых не должно быть на его пути. И в первую очередь — экономические тяготы, трудности, связанные с получением образования. Но надо сказать, что и слишком легкая жизнь может пойти человеку во вред. Жесткие условия существования в определенной степени способствуют формированию в молодом человеке способности к сопротивлению, развивают в нем целеустремленность и настойчивость.

Сейчас бытует, как мне кажется, необоснованный страх перед той лавиной информации, которая обрушилась не только на детей, но и на взрослых. Отбор и накопление знаний идут естественным и вполне разумным ходом. Так что опасаться в этом отношении за наше подрастающее поколение не следует. Важно воспитать в ребенке правильное понимание окружающего мира. В прежней, дореволюционной школе в программах было достаточно много чепухи, не нужной, как говорится, ни уму, ни сердцу. Сейчас много усилий направлено на то, чтобы определить объем знаний, необходимых человеку на различных ступенях образования. Но каждый должен воспитывать в себе не только ясное представление об окружающем мире, но и правильное понимание своего места в обществе. В этом отношении у нас делается много.

2. Развитие человеческого общества, одна из форм движения материи, идет в прогрессивном направлении. Поэтому можно с уверенностью сказать: жизнь последующих поколений — еще одна ступень на пути его совершенствования.

Редакция благодарит корреспондентов АПН Э. Баскакова, В. Зайчикова, А. Игнатова, В. Королева, А. Пантелеева, В. Парулина, А. Правова, Н. Федина, В. Шкалабина за участие в проведении анкеты «Сны».

Ольга ПОНОМАРЕВА

КАПИТАН АМЕРИКА, ЧЕЛОВЕК-ПАУК И ДРУГИЕ...

Рисунок
Геннадия
НОВОЖИЛОВА

Тлядя на страницы сегодняшних газет, читатель может подумать, что вся Америка сходит с ума от комиксов. Пиф! Паф! Бах! — крушит все вокруг себя Неправдоподобный Громадина, перепрыгивает через небоскребы Удивительная Женщина, напрыгаются бицепсы Капитана Америка, удар которого разит врага на любом расстоянии, ползет по отвесной стене Человек-Паук... Кто-то поговаривает, что американское телевидение всегда напоминало огромный электронный журнал комиксов. Во всяком случае, сегодня канал американского телевидения Си-Би-Эс можно было бы назвать «Comic Book Supplier» («Приложение к журналам комиксов»).

Это пишет журнал «Тайм» в статье, посвященной крупнейшему производителю комиксной макулатуры конца 70-х годов «Марвел комикс компани». Да, комиксы являются одной из немногих вещей, которые связывают американцев воедино. — отмечает английский ученый Джеффри Горер. Комиксы заполняют значительную часть свободного времени американцев, при этом особенно большое влияние оказывают они на детей и подростков. Солидные буржуазные авторы нередко характеризуют комиксы как «безобидный хлам». Так ли это?

На самом деле это «безобидное» средство развлечения — весьма эффективное орудие манипуляции сознанием подрастающего поколения. Эта манипуляция осуществляется в самых разных формах, но в определенном направлении. К примеру, последнее творение Стэна Ли, автора супергероев «Марвел комикс», — Капитан Америка. На шлеме этого героя горит огромная буква «А», и его легко отличить по одежде, которая включает все атрибуты флага Соединенных Штатов. «Миссия Капитана Америки», — пишет автор статьи в журнале «Тайм», — бороться со всеми врагами американского образа жизни». Добавим, что Капитан одинаково беспощаден и к внутренним «врагам» и к внешним. А реклама, которая сопутствует подобному комиксу, предлагает американскому подростку купить специальный металлический браслет для «смертельного удара»: «Будь похож на Капитана!».

Мы предлагаем читателям поближе познакомиться с «безобидным» комиксом.

Немного истории. Слово «комикс» означает «комическое». Такими должны быть по замыслу их создателей рассказы в картинках, сопровождаемые минимальным количеством текста. Первые «комические» серии графических рисунков-рассказов стали появляться в американских газетах с 1890 года. Их авторами были три художника — Фредерик Опер, Джеймс Свенертон и Ричард Фелтон Аутколт, а владельцами издававшихся их газет — знаменитые американские магнаты прессы Джозеф Пулитцер и Уильям Херст. Первую серию опубликовала газета Пулитцера «Нью-Йорк Уорлд», вторая серия, помещенная в той же газете и в «Джорнел» Херста, стала особенно знаменитой. Это были комиксы «Еллоу кид» («Желтый парнишка»), из названия которых родился термин «желтая пресса» — своего рода характеристика бульварной печати с ее сенсационностью, низким уровнем подачи материала и огромными тиражами.

Публикация комиксов столь значительно повысила тиражи газет Херста и Пулитцера, что по их примеру с 1914 по 1929 год почти все американские газеты

ввели «смешные страницы». Впоследствии эти картинки стали печатать горизонтальными полосками — такой метод впервые использовала в 1925 году газета «Нью-Йоркер», и этот признак считают существенным, когда определяют разницу между комиксом и карикатурой.

Рассказы в картинках становятся подчас не только не смешными, но и либо вовсе лишены смысла, либо страшными. Дракулы, упыри, вурдалаки, гангстеры действуют в комиксах наряду с персонажами известных сказок.

В 1937 году комиксы стали издаваться отдельными журналами — они уже являются важнейшей частью печатной индустрии США. В середине 50-х годов общий разовый тираж журналов комиксов в США достигает огромной цифры — 90 миллионов экземпляров. Современники замечают: «Дети и подростки не расстаются с комиксом ни на улице, ни за обедом, засыпают они тоже с комиксом». В 70-е годы более ста американских издательств выпускает ежегодно свыше 250 миллионов экземпляров журналов-комиксов, причем основными читателями этих комиксов являются дети и подростки от 7 до 14 лет.

Со времени появления комиксов на экранах телевизоров американские подростки, по признанию их родителей, практически ничего не читают. Если в их руках оказался журнал — это обычно комикс, а в остальное время они прикованы к стулу и впадают глазами в телевизор, где перед их взором проносятся супергерои, фантастические существа, взлетают невиданные аппараты, раздаются взрывы бомб и демонстрируется разрушительное оружие будущего...

Индустрия комиксов. Сегодня фактически каждая серия американских комиксов — в газете, журнале, на телевидении — принадлежит синдикатам, среди которых доминируют 25 крупнейших во главе с «Кинг Физчез». В руках этого концерна сосредоточено 65 из 300 названий комиксов, в том числе «Пак» — воскресная серия комиксов, имеющая тираж в газетах около 15 миллионов.

В США 60 процентов населения читают комиксы ежедневно, одни только воскресные газетные комиксы просматривают более 100 миллионов человек. По мнению некоторых американских исследователей, больше всего читают комиксы беднейшие слои населения и меньше всего ими интересуются в богатых семьях. Такая обратная пропорциональная зависимость

воплне объяснима: комиксы выступают суррогатом тех развлечений, которые в буржуазном обществе доступны лишь весьма обеспеченному человеку. — гоночный автомобиль, яхта, плавательный бассейн, гольф или теннис... Приведенные цифры, впрочем, не дают достаточно полной картины численности аудитории журналов комиксов — ведь каждый журнал прочтывают минимум 2—3 человека, телевизионные комиксы смотрит, как правило, вся семья.

Разумеется, в США есть семьи, в которых комиксы никогда не были просто развлечением — с их помощью делала деньги. Назовем, например, семью покойного Уолта Диснея. Это имя известно всему миру, его обладатель был назван «Чемпионом премии» в «Книге Рекордов», которая вышла в 1977 году в Лондоне: Уолт Дисней награжден 29 премиями кино «Оскар» и четырьмя телевизионными премиями «Эмми». Трудно переоценить популярность этого человека, создавшего известных всему миру Белоснежку и семь гномов, Мики-Мауса, утенка Дональда Дака и других героев комиксов. Имя его до последних дней было окружено ореолом таинственности, и легенда об Уолте Диснее стала одной из наиболее популярнейших легенд Голливуда.

Американцы знают историю о том, как в 1923 году на известную киностудию пришел юноша из Канзас Сити и попросился на любую работу. Сначала он был всего лишь ассистентом режиссера, но «необыкновенный талант, колоссальное трудолюбие и счастливый случай» сделали его в условиях «свободного американского общества» миллионером. Пресса распространила миф о добром и трудолюбивом миллионере, своего рода герое и подвижнике в искусстве. Много писали и о том, что некоторые куклы на студии «Диснейленд» стоили их хозяину огромных сумм. Да, сказка о счастливой фортуна Диснея до сих пор не потеряла притягательной силы для простого американца, а дети многих стран всегда видели в нем мага и волшебника.

Но многие ли знают о том, что уже самый первый творческий успех знаменитого мультипликатора был обеспечен финансовой поддержкой его брата Роя Диснея? Уолт Дисней был талантливым и изобретательным художником, но его головокружительная карьера началась не на пустом месте. Доллары и в данном случае свою роль сыграли.

С 1928 года Уолт Дисней, как говорится, «не брал в руки карандаш». После успеха «Белоснежки» он

выступает уже не в роли художника, а в качестве президента фирмы, эксплуатирующей чужой труд и чужой талант. Уолт Дисней направлял деятельность фирмы, Рой руководил финансовой стороной дела. В 1962 году в рождественском номере журнала «Ньюсуик» было опубликовано интервью с братьями Дисней. По признанию финансового директора компании, доход только одной студии этого разветвленного объединения, «Пиноккио», составил в том году 70 миллионов долларов. Но это были доходы, так сказать, внутри страны. Комиксы синдиката по лицензиям фирмы «Диснейлэнд» распространяются в 50 странах на 15 языках отдельными выпусками и в 5 тысячах газет более чем на 30 языках.

В том же 1962 году школе в Марселине, где учился автор «Белоснежки», присваивалось имя Уолта Диснея. Неожиданно в торжественной речи шестидесятилетний Уолт произнес загадочные слова: «Я не современный. Я не смешной. Я ужасный. Я прячусь за мышкой, уткой и многими другими вещами». Журналисты Ричард Мэтисон и Мартц Лоуренс попытались тогда обыграть его слова так, что он необыкновенно скромен и чувствителен и боится массы людей. Они писали, что «он все знает, знает, как стать Мисс или Мистером Америка, он предчувствует, что может иметь успех, но он не хочет быть близок людям как индивидуальность. Он просто хочет хорошо делать то, что делал до сих пор.—известный всему миру богатый дядя».

Однако признание «богатого дяди» не было таким уж случайным, лишенным оснований. Яркий антикоммунист, один из наиболее активных сторонников сенатора Голдуотера, Уолт Дисней, свидетельствует в своей книге «Как читать комиксы про Дональда Дака» американские авторы А. Дорфман и А. Маттеларт, в период маккартизма не гнушался и тем, что лично сообщал в ФБР сведения о своих «неблагонадежных» сотрудниках...

Биографии других бизнесменов индустрии комикса не изобилуют столь пестрыми красками, но именно их издательства производят основную массу комиксной макулатуры. В начале 70-х годов в США было 100 таких издательств. В последние годы внутри этой системы происходит эволюция, характерная для любой отрасли капиталистического производства: мелкие издательства поглощаются крупными. Крупнейшим издательством комиксов в США становится в 70-е годы издательство «Марвел комикс». Сегодня это уже не только издательство, но и основной поставщик многих телевизионных серий комиксов. Той же компании принадлежит политический журнал комиксов «Мэд».

Герои комиксов — кто они?

— Хей, Майт! Время вставать, идти на работу.

— О'кэй! Я только разбужу моих приятелей-офицеров, Терри и Виллиса.

— Почему ты всегда беспокоишься о них?

— Потому что мы близкие друзья. Потому что мы делим абсолютно все...

— Да, уж я-то знаю...

(Этот разговор ведет со своей подружкой браво полицейский Майт, один из трех героев комикса художника Анжелло Торреса.) А дальше? Дальше Майт растолкает своих приятелей, а после завтрака подружка проведет троих веселых полицейских на работу: «До встречи, любимые!» «Пока, дорогая!» — ответят те. Впереди их ждут новые приключения и невероятные опасности, из которых они втроем неизменно выйдут триумфаторами.

Три неразлучных друга — среди тех персонажей последнего времени в журнале «Мэд», которые пользуются успехом у американских подростков и молодежи. Надо сказать, что история комиксов создавалась «руками» наиболее популярных персонажей. Так, начиная с 30-х годов и вплоть до 1945-го и дети и взрослые в США зачитывались комиксами о Тарзане, придуманными художником Гарольдом Фостером. На базе журнальных серий этих комиксов был снят фильм «Тарзан». В то же время стал очень популярен летающий мышончок Мики-Маус, а позднее — «супермышь» Майти-Маус, появился мышончок Тимоти, сидящий за полями шляпы летающего слона Дамбо.

«Летательные» свойства оближают многих персонажей комиксов с их главным героем — Суперменом. Художник Джулиус Фейффер, известный американский карикатурист, выпустивший объемистую книгу «Великие герои комиксов», особо выделяет Супермена. Действительно, со времени появления этого персонажа в 1938 году на его долю выпадает постоянный успех: по сей день Супермен присутствует как в печатных, так и в телевизионных комиксах гораздо чаще, чем другие герои; у него со временем появилась армия соратников — к целому легиону супергероев и супергероинь в 70-е годы присоединяется набор суперроботов, которые здесь, на Земле, ведут борьбу за власть, богатство и... справедливость. Да, представьте себе, справедливость. Более того, именно «американскую справедливость» (что всегда соседствовало в комиксах с американским культом денег).

С самого начала Супермен являлся средством американской империалистической пропаганды: он проповедовал, что «истинное» равенство гарантируется именно американским буржуазным образом жизни, что счастлив лишь человек, живущий в обществе «свободного предпринимательства», наконец, что США могут оказывать влияние на другие страны лишь для блага этих стран. Выраженная сначала весьма туманно, эта идеологическая установка с годами выражается все более конкретно. Вспомним: Капитан Америка...

Супермен — в повседневной жизни скромный и безобидный репортер Кент Кларк. Но вот он облачается в фантастическую одежду и спешит на помощь тонущему кораблю, который легко переносит на своих плечах в укромное и безопасное место... Таков Супермен в первые годы своего существования. Со временем Супермен переходит ко все более активным действиям: он участвует в схватках с фантастическими существами, ему подобными, а их появляется все больше и больше. Раньше других возникла кузина Супермена с планете Криптон по имени Рыжая Соня. Назвать последующих супергероев практически невозможно — количество их огромно. Они борются между собой, ловят преступников. Жертвами мифических сражений становятся люди и целые города. Эти герои неожиданно испаряются, возрождаются из пепла, подобно птице Феникс; есть среди них громовержцы, мечущие молнии, как Зевс, однако греческим богам далеко до героев комиксов, на вооружении которых новейшая техника настоящего и будущего, включая оружие массового уничтожения.

Для привлечения внимания к своей продукции предприниматели активно используют комиксы в качестве рекламы. Например, в одном из пред рождественских номеров комиксов 1977 года Человек-Паук и Человек из Серой Газетной Бумаги сражались... за бисквитные пирожные, которые рекламировались в канун праздников. Правда, на этот раз обошлось даже без выстрелов — оба супергероя оказались электронно-вычислительными машинами, каждая из которых стремилась распрограммировать другую. Так в середине 70-х годов ЭВМ стала в один ряд с такими героями комиксов, как Батмен, Человек-Непопырь, Удивительная Женщина, Человек-Факел, Зеленый Фонарь, Женщина-Паук и другие...

Что думают о комиксах американские психологи? Хотя читательская аудитория комиксов включает и взрослых, они особенно активно влияют на нравственное развитие детей и подростков. Не политическая направленность комиксов, но нездоровое воздействие их на психику подрастающего поколения — вот что беспокоит врачей и педагогов в США. Правда, защитники комиксов — в первую очередь, разумеется, их издатели — склонны прикрываться «теорией катарсиса».

Согласно этой теории, как объяснила в своих работах некто Лаура Бендер, преступления, садистские шутки и сцены различных мерзостей для читателя якобы становятся своеобразной отдушиной для погашения низменных и жестоких инстинктов. Она пишет: «Мы имеем дело с эффектом катарсиса, о котором говорил Аристотель как о неотъемлемом спутнике трагедийного». Однако практика столь докзательно опровергает ее слова, что подавляющее большинство исследователей приходит к выводу: не эффектом катарсиса, а эффектом сопереживания обладают в первую очередь комиксы. Их читатели, особенно дети и подростки, пытаются применить в реальной действительности то, что они черпают в комиксах. Докладывает это, например, фактический материал, собранный доктором психиатрии Фредериком Вертхэмом в течение двадцати лет практики в городской клинике для душевнобольных в Нью-Йорке. За эти годы он провел немало опросов о восприятии комиксов подростками. Он пишет, что комиксы не только антиобразовательны, они аморальны. Адекватное восприятие комикса и действительности подростком приводит к тому, что морально-этические ценности для него становятся явлениями «второго порядка» — на первое место он ставит физическую силу, ловкость, хитрость и т. д.

Вертхэм пишет, что подростки, во-первых, целенаправленно тренируют свое тело, что подчас переходит у некоторых в манию — они непременно должны быть такими же сильными, как герои комиксов. Во-вторых, большинство подростков стремится обладать огнестрельным оружием — многим это удается, что в результате приводит к несчастным случаям. Наконец, они пытаются «ощутить настоящую скорость» — достав машину или мотоцикл, подростки нередко становятся причиной автомобильной катастрофы.

Известны случаи, когда в результате чтения комиксов совершались преступления: 14-летний подросток отравил женщину и заявил, что рецепт яда взял в комиксе; два подростка совершили кражу по методу, описанному в комиксе... Случаи убийств, приобщение подрастающих американцев к наркотикам, сексуаль-

ная распущенность, участвовавшие самоубийства в значительной мере вызваны содержанием комиксов, для которых избираются подобные темы. В результате кампании «возмущения комиксами» перед издателями не раз ставился вопрос о контроле над их содержанием. Буржуазная пресса утверждает, что в США 90 процентов комиксов тщательно проверяются с точки зрения моральной «допустимости». Так ли это?

Контроль над комиксами. Формально контроль над содержанием комиксов осуществляется в США с 1948 года, когда была создана Ассоциация издателей комиксов. Тогда же было принято постановление ассоциации, которое предписывало ее членам «воздерживаться от откровенной публикации секса и порнографии или симпатизировать преступникам — поскольку комиксы копируются молодежью». Последние слова свидетельствуют о том, что люди, издающие комиксы, прекрасно понимают, какое оружие находится в их руках, однако...

В 1969 году администрация Никсона, считаясь с необходимостью рассмотреть назревшие проблемы подрастающего поколения, объявляет о создании Комиссии по развитию ребенка, на заседании которой ставится вопрос о комиксах. В результате в 1971 году ассоциация «Комикс мэгэзинз ассошиэйшн оф Америка» приняла так называемый кодекс, который должен был стать своего рода инструкцией для издания комиксов. Казалось бы, издатели прислушались к голосу общественности. На самом деле происходило следующее...

Параграфы кодекса запрещали симпатизировать... дьяволу. Слово «преступление» предлагалось убирать из заголовков, что вовсе не означало запрета изображать преступления и убийства. То же самое было указано в отношении слов «ужас» и «кошмар». Наркотики должны осуждаться, но изображать их употребление не запрещено.

Все это практически ничего не изменило в содержании комиксов.

Возьмем любой из последних номеров журналов комиксов. Обычно в нем присутствует коммерческая реклама, помещенная на последних страницах журнала. Что же рекламирует «безобидный комикс»? Железные кастеты, кожаные браслеты с металлическими пластинами, игрушечное оружие, полностью соответствующее настоящему (такой «детский пистолетик» бьет на несколько шагов не хуже настоящего, как указано в рекламном проспекте). Есть еще такая реклама — наклейки, имитирующие пулевые отверстия. Любой малыш имеет шанс вызвать сердечный приступ у мамы, в подходящий момент наклеив «пулевое отверстие» на стекло папиной машины...

Принятие кодекса в одном отношении не было пустой формальностью. Он наложил строгие ограничения на ПОЛИТИЧЕСКОЕ содержание комиксов. Первый параграф кодекса 1971 года «Комикс мэгэзинз ассошиэйшн оф Америка» гласит: «Полиция, суд и правительство не должны изображаться таким образом, чтобы это могло уронить их престиж».

Комиксы и политика. Подобное ограничение было наложено на комиксы в период, когда молодежное движение, создавшее «подпольную прессу», использовало комиксы в качестве одной из форм выражения протеста против войны во Вьетнаме, расовой дискриминации, в защиту женского движения и прав молодежи. Совершенно очевидно, что порочным является не сам жанр комиксов — порочными могут быть источники, питающие этот жанр. Ведь комиксы подчас печатают и коммунистические издания, но вряд ли нужно объяснять, что содержание этих комиксов не имеет ничего общего с массой комиксной макулатуры, заполнившей газетные и журнальные киоски и экраны капиталистических стран. Прогрессивные комиксы существуют в США на правах «подпольных» изданий, находящихся под запретом: в период подъема движения протеста его участники распространяли «сик комикс», где слово «sick» (больной) обозначало смертельно больное американское общество...

Неудивительно, что суд, полиция и правительство изображаются «в невыгодном свете» в комиксах, рассказывающих о судебных процессах над «уилмингтонской десяткой». Эти комиксы продолжали традицию художника Уолта Келли, лучшие работы которого были созданы в 1949 году. По словам современников, эти комиксы вызвали ярость сенатора Джозефа Маккарти.

И в то же время именно комиксы буржуазная пропаганда активно использует для дискредитации демократических движений. В политическом журнале комиксов «Крейзи», двойнике журнала «Мэд», злобно, в откровенно издевательском духе изображается молодежное движение США конца 60-х годов. В тексте комиксов — злобный «обыгрыш» песни протеста, которая обличала капиталистический строй США, страны, где «люди живут в пластиковом мире», — так пелось в песне. В этом бездушно мире

Агата КРИСТИ

Глава пятая

Пуаро не стоило труда вызвать Теда Бигленда на откровенность. Тот, пожалуй, был даже рад случаю поговорить об умершей девушке.

— Значит, сэр, вы хотите попытаться, кто убил Мэри? Трудное дело.

— Следовательно, вы не уверены, что ее убила мисс Карлайл?

Тед нахмурился почти по-детски и медленно ответил:

— Мисс Элинора — настоящая леди. Трудно представить себе, сэр, чтобы она была способна на такое.

— Но тем не менее, — настаивал Пуаро, — Мэри Джеррард умерла и умерла не своей смертью. Прошу вас, подумайте как следует, друг мой. Не знаете ли вы чего-нибудь, что поможет мне найти ее убийцу?

Парень медленно покачал головой.

— Кажется просто невероятным, что кто-то убил Мэри. Она была... она была как цветок.

И внезапно на какой-то миг Эркюль Пуаро увидел мертвую девушку другими глазами. Словно этот прерывающийся от искренней скорби голос на секунду вновь вернул ее к жизни во всем обаянии юности. В его памяти одна фраза сменяла другую. Питер Лорд сказал о ней: «Очаровательный ребенок». Сестра Хопкинс: «Настоящая кинозвезда». Миссис Бишоп: «Хитрюга, каких мало». И, наконец, это задушевное, как бы перечеркивающее все другие суждения: «Она была как цветок».

Стряхнув с себя минутную задумчивость, вызванную этими мыслями, Пуаро продолжал расспрос:

— Вы ведь работаете в гараже, не так ли? Вы были на работе в тот день, когда... это произошло?

— Да, проверял машину одного джентльмена. Что-то в ней заело, и пришлось прилично погонять ее по дорогам, чтобы разобратся, в чем дело. День был такой славный, на изгородях кое-где еще были цветы жимолости. Мэри любила жимолость...

Пуаро перешел к другой теме.

— Скажите, сестра Хопкинс любила Мэри?

— В общем, да, но только она из тех, кто всегда чересчур лезет со своими советами и поучениями.

Пуаро медленно продолжал:

— Предположим, сестра Хопкинс знает что-то, что говорит не в пользу Мэри. Как вы думаете, в состоянии она придержать язык и никому не проболтаться об этом?

Тед взглянул на него с любопытством, но ответил:

— Сомневаюсь, чтобы она могла придержать язык насчет чего бы то ни было. Это самая заядлая сплетница во всей деревне. Но если она могла бы сделать это ради кого-то, то только ради Мэри. А почему вы спрашиваете?

Его собеседник не уклонился от ответа.

— Видите ли, от разговоров с людьми остается определенное впечатление. Сестра Хопкинс казалась как нельзя более чистосердечной и откровенной. Но у меня такое ощущение, что она о чем-то умалчивает. Это не обязательно что-то важное. Вероятно, это не имеет никакого отношения к совершенному преступлению. Но она говорит не все, что знает. Мне также кажется, что это «что-то» — что бы это ни было — не делает чести Мэри Джеррард.

Тед только беспомощно развел руками. Пуаро вздохнул:

— Оставим пока это. Со временем я узнаю правду.

Глава шестая

Пуаро с интересом смотрел в длинное, подвижное лицо Родерика Уэлмана и быстро дал ему в уме безошибочную оценку: комок нервов. Действительно, нервы Родди находились в самом плачевном

Продолжение. Начало в №№ 14—16.

невозможны человеческие отношения — любовь и нежность, дружба и искренность — все обречено на гибель в стране, которой правят капитал, «пластиковый» конгресс и «пластиковый» президент. Так в песне протеста... Ну, а комиксы в журнале «Крэйзи» изображают некоего Бэйзила О'Тоуни, который видит США в сплошном «пластиковом» свете. Кретинообразный Бэйзил — сын мясника и оперной певички, родился в 1946 году (то есть ровесник участников молодежного движения). Он способен лишь издавать один звук «у-у-у» и плодить бэйзилат. Стоит ли принимать всерьез таких, как Бэйзил? На этот вопрос наталкивают молодого читателя «творения» все того же Стэна Ли, автора серий «Марвел комикс».

История комиксов показывает, что они никогда не существовали вне политики. Забота издателей о престиже полиции, правительства и суда — не единственное подтверждение этому. Самые «невинные» комиксы о сказочных героях — своеобразное выражение установки правящего класса. Западногерманские социологи Дрексель, Фунхоф, Хоффман тщательно проанализировали ценностные ориентиры огромной массы комиксов и были вынуждены признать, что основное в них — свойство идеологического манипулятора. На примере одной серии, в частности, они доказывают, что в комиксах солидарность людей возникает по приказу, а за равенство выдается всеобщее подчинение. Авторы отмечают, что комиксы западных стран имеют тенденцию идеализировать американского солдата. В книге есть указание и на то, что в капиталистических странах издаются либо комиксы с американскими героями либо с героями, отвечающими националистическим интересам этих стран.

Однако особенность комиксов заключается и в том, что далеко не всегда политические стереотипы присутствуют здесь в открытой форме. Вот, например, один из комиксов о Человеке-Пауке. Комикс начинается со сцены, когда возмущенные американцы толпятся у дверей банка и говорят о том, что получают зарплату меньше положенной. Дальше действует Человек-Паук. Вскрабавшись по стене и проникнув в банк, он видит, что во всем виноват агрессор-супер-робот, распрограммировавший ЭВМ, начисляющую заработную плату. Человек-Паук, в свою очередь, побеждает агрессора, распрограммировав его... Заметим, что для комиксов вообще характерна искаженная трактовка проблемы производственных отношений, и техника будущего существует как бы абстрактно, сама по себе, неизвестно, кто ею управляет, — то есть она сама выступает в роли мифического героя или антигероя.

В 1975 году вышло второе издание книги Дорфмана и Маттеларта «Как читать комиксы про Дональда Дака. Империалистическая идеология в комиксах Диснея». В Чили первое издание этой книги было уничтожено по приказу фашистских властей. Что же было причиной расправы над книгой о «безобидном» комиксе? То, что авторы сумели привести бесспорные доказательства того, как с помощью «милой» утки Дональда Дака и прочих персонажей комиксов империалистическая пропаганда распространяет идеи панамериканизма, проповедует культ доллара и расистские схемы, отводя людям развивающихся стран роль «бедных, но счастливых дикарей».

В комиксах серии «Дональд Дак», например, действие происходит в сказочном городе уток Дакбурге. Главный герой, энергичный и предпринимчивый Дональд, ищет клад, золото или просто способ легкого заработка. «Есть шанс заработать пару монет!» — зовет он в очередной поход своих друзей, узнав о возможности получить две тысячи долларов за ведро простых домашних лепешек, которые напоят «добром» миллионеру-утке о его счастливым детстве... Доллары, золото в этих комиксах играют роль полноправного действующего лица: деньги, по словам Дональда, — это счастье и слава, деньги — смысл жизни. Честь, дружба, верность — такие понятия не существуют ни для Дональда, ни для его друзей, когда речь идет о том, кто больше заработает...

Имеет свою историю в комиксах и линия явного антикоммунизма. Одно из самых известных имен в этом плане — Стив Кеньон, персонаж, созданный рукой художника Милтона Каниффа. Еще в годы маккартизма этот герой без усталости разоблачал «происки» коммунистов. И по сей день комиксы Каниффа демонстрируют неизменную антисоветскую устремленность. В последнее время главное направление в целом совпадает с установкой ЦРУ: усилить пропагандистскую кампанию в защиту «прав человека». Изданная в 1976 году серия «Летчик Стив Кеньон» содержит рассуждения героя об «истинной свободе» и американском патриотизме совершенно в духе этой установки...

Да, «рассказы в картинках» заняли прочное место в аппарате идеологической манипуляции капиталистического мира. Капитан Америка, Супермен, Человек-Паук и прочие герои комиксного бизнеса процветают. И, право же, не потому, что они столь уж безобидны, как кое-кто утверждает...

состоянии: его руки подергивались, глаза были налиты кровью, а голос звучал хрипло и раздраженно. Визиту детектива он отнюдь не обрадовался, но Пуаро проявил спокойную настойчивость.

— Я надеюсь, вам не неприятно, что я пытаюсь помочь мисс Элинора Карлайл?

— Нет, конечно, нет, но...

— Но что я могу сделать, хотите вы спросить? Я могу попытаться выяснить истину и, возможно, обнаружу факты, которые помогут обвиняемой.

Во взгляде Родди промелькнуло сомнение, и он вздохнул:

— Ах, если бы...

Пуаро продолжал:

— Вы можете мне, если скажете, что лично думаете обо всем этом деле.

Родди встал и беспокойно зашагал по комнате.

— Что я могу сказать? Все это так абсурдно, так фантастично. Чтобы Элинора, Элинора, которую я знаю с тех пор, как она была ребенком, кого-то отравила! Да еще из ревности! Даже мысль об этом смешна, но как убедить в этом присяжных? Они верят только фактам, а факты против нее.

Пуаро задумчиво кивнул.

— Вы, мистер Уэлман, человек с сердцем и умом. Факты осуждают мисс Элинора Карлайл. Вы, с вашим знанием ее характера, оправдываете ее. Так что же, по-вашему, произошло в действительности? Что могло произойти?

Родди являл собой картину полнейшей растерянности.

— Тут сам черт ногу сломит! Полагаю, медсестра не могла сделать этого?

— Она не приближалась к сэндвичам, это доказано, и не могла отравить чай, не отравившись сама. В этом я абсолютно уверен. Кроме того, зачем ей было убивать Мэри Джеррард?

Родерик воскликнул:

— Зачем кому бы то ни было убивать Мэри Джеррард?

— В этом, — согласился Пуаро, — самая загадочная сторона дела. Ни у кого не было причин убивать Мэри Джеррард (кроме Элинора Карлайл, добавил он про себя). Следовательно, по логике вещей, Мэри Джеррард не была убита. Но, увы, она убита. Я заранее прошу у вас прощения, мистер Уэлман: так трудно быть одновременно детективом и настоящим джентльменом. Приходится говорить неприятные вещи, задавать людям вопросы об их личных делах, даже об их чувствах. Поймите мое положение, мистер Уэлман. Тогда мы быстро покончим с тягостной темой, чтобы больше к ней не возвращаться. Правда ли, мистер Уэлман, что вы, скажем, были увлечены Мэри Джеррард?

Родди стоял у окна. Машинально играя кистью от шнура шторы, он ответил:

— Да.

— Вы были даже влюблены в нее?

— Полагаю, что да.

— Значит, вы в этом не уверены?

Его собеседник замаялся.

— Не знаю... Она была так прелестна. Как мечта, как сновидение... Было во всем этом что-то нереальное. Как только я впервые увидел ее, я сразу потерял голову... Просто какое-то безумие. А сейчас все ушло, конечно, словно ничего и не было...

Пуаро кивнул.

— Я понимаю. Вас не было в Англии в момент ее смерти?

— Нет. Я уехал за границу 9 июля и вернулся 1 августа. Телеграмме Элинора пришлось попутешествовать за мной. Я поспешил домой, как только получил это известие.

Пуаро больше не расспрашивал, вместо этого он заговорил сам:

— Да, такова жизнь. Весеннее утро, девичье личико — и все упорядоченное, налаженное существование летит кувырком. Что, собственно говоря, знали вы о Мэри Джеррард, мистер Уэлман?

Родди ответил с запинкой:

— Теперь я вижу, что очень мало. Мне кажется, она была доброй и милой, но, по сути дела, я не знаю ничего, абсолютно ничего. Наверное, поэтому у меня нет чувства утраты... Да, она была мила, не особенно умна, судя по всему... В ней, впрочем, была утонченность, необычная для девушки ее класса.

— Не была ли она из тех, кто невольно наживает себе врагов?

— Нет, нет,— энергично покачал головой Родди.— Не могу представить себе, чтобы кто-нибудь по-настоящему ненавидел ее. Но какая-то недоброжелательность, конечно, была, письмо доказывает это.

Пуаро встрепенулся.

— Какое письмо?

Родди вспыхнул, по-видимому, досадя на себя за неосторожно вырвавшиеся у него слова.

— О, ничего важного.

Пуаро повторил свой вопрос более настойчиво:

— Какое письмо, мистер Уэлман?

— Анонимное письмо,— крайне неохотно ответил тот.

— Когда оно пришло? Кому было адресовано?

С явным нежеланием Родди дал требуемые разъяснения.

— Интересно,— пробормотал Пуаро.— Могу я взглянуть на это письмо?

— Я сжег его. Ничего другого оно не заслуживало.

Пуаро досадливо прищелкнул языком и продолжал расспросы:

— И, получив это письмо, вы с мисс Карлайл поспешили в Хантербери?

— Да, мы поехали туда. Я бы не сказал, что мы особенно спешили.

— Вы были несколько встревожены, правда? Но это так естественно! Наследство, обещанное вам, оказалось под угрозой. А ведь деньги имеют такое большое значение.

— Не такое уж большое, как вы, видимо, считаете,— чопорно вставил Родди.

— Вот как! Поистине примечательное бескорыстие.

Молодой человек вспыхнул.

— Конечно, деньги играли для нас какую-то

роль. Но главной нашей целью было повидаться с тетей и убедиться, что с ней все в порядке.

— Итак, вы отправились туда с мисс Карлайл,— продолжал Пуаро, словно не слыша его.— В то время ваша тетка еще не составила завещания. Вскоре ей снова становится хуже. Она хочет распорядиться о наследстве, но, быть может, к выгоде мисс Карлайл, умирает, не успев сделать этого.

Лицо Родди потемнело.

— Послушайте, куда это вы клоните?

Ответ был быстр и беспощаден:

— Вы только что говорили мне, мистер Уэлман, что убийство из ревности противоречит всему характеру Элинон Карлайл. Но может быть и другая версия. Подумайте сами: у Элинон Карлайл есть основания опасаться, что ее лишат наследства в пользу совсем чужой девушки. Об этом предупреждает ее письмо, это подтверждается невинным бормотанием ее тетки. Внизу, в холле, лежит чемоданчик медицинской сестры. Взять из него трубочку с морфином— минутное дело. А потом, насколько я знаю, она сидит одна в комнате больной, пока вы и сиделки обедаете.

Родди воскликнул:

— Боже милостивый, на что вы намекаете, мосье Пуаро? Что Элинон убила тетку Лауру? Да вы с ума сошли!

— Но вы ведь знаете,— сказал Пуаро,— что запрошено разрешение на эксгумацию тела покойной миссис Уэлман?

— Да, и я знаю, что они ничего не найдут.

Пуаро покачал головой.

— Я в этом совсем не уверен. И вы сами понимаете, что одному и только одному человеку была выгодна смерть миссис Уэлман именно в тот момент. Кто мог дать морфин больной? Вы должны взглянуть фактам в глаза и признать, что легче всего это было сделать Элинон Карлайл.

— Как насчет медсестер?

— Разумеется, у каждой из них была такая возможность. Но сестра Хопкинс была встревожена исчезновением трубочки с морфином и сразу упомянула об этом. Ее никто не заставлял делать это. Свидетельство о смерти было благополучно подписано. Если она виновна, зачем привлекать внимание

к пропаже морфина? Кроме того, что могла дать ей смерть миссис Уэлман? Ровно ничего. То же относится к сестре О'Брайен. Она могла отравить больную, могла взять морфин из чемоданчика другой медсестры, но зачем ей это? Есть и еще один вариант: вы сами.

Родди был ошеломлен.

— Я?

— Конечно. Вы могли взять морфин и дать его миссис Уэлман. Ведь в ту ночь вы были с ней одни в комнате в течение какого-то, пусть короткого, времени. Но опять же, зачем вам это? Если бы она прожила подольше и написала завещание, вы могли бы быть упомянуты в нем. Итак, у вас тоже не было мотива для убийства. Такой мотив был только у двух лиц.

— Двух?

— Да. Во-первых, у Элинон Карлайл.

— А во-вторых?

— Во-вторых,— отчеканивая каждое слово, произнес Пуаро,— у автора анонимного письма. Кто-то написал это письмо, кто-то, кто ненавидел или по меньшей мере недолюбливал Мэри Джеррард. Кто-то, кто не хотел, чтобы она получила выгоду от смерти миссис Уэлман. Есть у вас хоть какое-нибудь предположение насчет того, кто мог быть автором анонимного письма, мистер Уэлман?

Тот покачал головой.

— Абсолютно никакого. Это была безграмотная писанина на дешевой бумаге.

Пуаро махнул рукой.

— Ничего не значит. Такое письмо мог написать образованный человек, желавший скрыть этот факт. Поэтому так жаль, что вы уничтожили письмо. Образованные люди, подделывающиеся под необразованных, обычно чем-нибудь да выдают себя.

Родди сказал с сомнением в голосе:

— Мы с Элинон думали, что, может быть, это кто-то из слуг... Но я, право, ума не приложу, кто именно.

— Как насчет миссис Бишоп, домоправительницы?

Молодой человек был явно шокирован.

— О нет, это такое respectable существо. Она пишет письма почерком с завитушками и обожает длинные слова...— Тут, видимо, ему в голову пришла новая мысль.— Вы не думаете, мосье Пуаро, что моя тетка могла сама принять морфин?

Пуаро вопросительно посмотрел на него.

— Она ненавидела свою беспомощность,— пояснил Родди,— и часто говорила, что предпочла бы умереть и покончить со всем этим.

— Да, но для этого ей, парализованной, нужно было встать с постели, спуститься вниз и взять морфин из чемоданчика.

Родди медленно сказал:

— Но кто-нибудь мог бы сделать это для нее.

— Кто именно?

— Ну, скажем, одна из сиделок.

— Абсолютно невозможно. Они слишком хорошо понимают, чем это им грозит.

— Тогда... кто-нибудь еще...

Он замолчал, открыл рот и снова закрыл его.

Пуаро спокойно спросил:

— Вы что-то вспомнили, не так ли?

В голосе молодого человека прозвучали сомнения и нерешительность:

— Да... нет... я, честное слово, не знаю...

Странная улыбка показалась на губах Пуаро.

— Так когда же мисс Карлайл говорила это?

Роддик глубоко вздохнул и посмотрел на Пуаро с суеверным ужасом.

— Вы прямо ясновидящий, мосье Пуаро. Это было в поезде, когда мы ехали в Хантербери, получив известие, что у тети Лауры второй удар. Элинон говорила, как ей ужасно жаль ее, как тетя ненавидит болезнь и беспомощность. Элинон сказала, что людей надо бы избавлять от напрасных мучений, если они сами того хотят.

— И вы?

— Я согласился с нею.

Пуаро заговорил очень серьезно, почти сурово:

— Только что, мистер Уэлман, вы исключили возможность того, что Элинон Карлайл убила свою тетку ради денежной выгоды. Считаете ли вы столь же невозможным, что она убила миссис Уэлман из чувства сострадания?

Явно борясь с собой, молодой человек ответил:

— Я... нет, я этого не считаю.

Эркуль Пуаро наклонил голову.

— Я был уверен, что вы ответите именно так.

Глава седьмая

В юридической конторе «Седдон, Блэзеруик и Седдон» Эркуль Пуаро встретили с крайней настойчивостью, чтобы не сказать с подозрением.

— Ваше имя мне, разумеется, известно, мосье Пуаро,— сказал сам мистер Седдон, придирчиво

разглядывая неожиданного гостя.— но я, право, не понимаю, какое отношение имеете вы к данному делу.

— Я действую, мосье, в интересах вашей клиентки.

— Вот как? И кто же, простите, заручился для этой цели вашими услугами?

— Я здесь по просьбе доктора Лорда, впрочем, у меня есть рекомендательное письмо и от мистера Родерика Уэлмана. Вас же я беспокою только для того, чтобы получить ответы на несколько вопросов.

Мистер Седдон предупредил:

— Без согласия моей клиентки я не могу, конечно, гарантировать, что отвечу на них.

— Естественно. Итак, к делу. Есть ли у Элино Карлайл враги?

Юрист позволил себе выказать легкое удивление.

— Насколько я знаю, нет.

— Составляла ли когда-либо покойная миссис Уэлман свое завещание?

— Нет. Она всегда откладывала это.

— Составила ли завещание Элино Карлайл?

— Да.

— Уже после смерти тетки? Кому же она оставила свое имущество?

— На это, мосье Пуаро, я не могу ответить вам без разрешения моей клиентки.

Пуаро сказал:

— Тогда мне придется побеседовать с вашей клиенткой.

Мистер Седдон отпарировал с холодной улыбкой: — Боюсь, это будет нелегко.

Его собеседник встал и гордо выпятил грудь.

— Все,— торжественно заявил он,— легко для Эркюля Пуаро.

Глава восьмая

Старший инспектор Марсен был сама любезность.

— А, мосье Пуаро, пришли наставить меня на путь истинный по какому-нибудь из моих дел?

— Нет, нет, просто любопытство с моей стороны, больше ничего.

— Счастливы услужить вам. А о ком идет речь?

— Об Элино Карлайл.

— А, девица, которая отравила Мэри Джеррард? Интересный случай. Кстати, она ведь спровела на тот свет и старушку. Итогового заключения еще нет, но тут, по-видимому, не может быть никаких сомнений. Морфин. Хладнокровная bestия. Глазом не моргнула при аресте и ни в чем не созналась. Но ее песенка все равно спета.

— Вы уверены, что она виновна?

— На все сто процентов.

Пуаро вздохнул и сказал:

— Мне бы хотелось повидать ее.

Инспектор понимающе улыбнулся.

— Министр внутренних дел в вас души не чаает. Вам будет нетрудно это устроить.

Глава девятая

— Ну? — нетерпеливо спросил Питер Лорд.

Эркюль Пуаро покачал головой.

— Элино Карлайл убила Мэри Джеррард из ревности... Элино Карлайл убила свою тетку, чтобы унаследовать ее деньги... Элино Карлайл убила свою тетку из сострадания... Выбор, как видите, широкий. До сих пор все, что я выяснил, указывает в одном направлении. Никто ничего не выиграл от смерти Мэри Джеррард, никто не питал к ней ненависти, кроме Элино Карлайл. Есть только один вопрос, который мы, возможно, вправе задать себе: не ненавидел ли кто-нибудь Элино Карлайл?

Доктор Лорд выглядел подавленным.

— Насколько я знаю, нет. Вы хотите сказать, что кто-то, совершив это преступление, взвалил вину за него на Элино?

Пуаро кивнул.

— Это весьма спорное предположение, и в его пользу говорит разве что чрезмерное множество улик против нее. Я не могу отделиться от мысли, что есть что-то, какое-то недостающее звено, в головоломке и что звено это касается Мэри Джеррард. Друг мой, до вас здесь доходят всякие слухи, сплетни... Слышали ли вы что-либо не к чести Мэри Джеррард? Намек на скандал? Сомнение в ее порядочности? Одним словом, хоть что-нибудь, но обязательно говорящее против нее?

Врач медленно произнес:

— Надеюсь, вы не собираетесь идти по этому пути. Не очень-то красиво пытаться найти что-то порочащее бедную девушку, которая мертва и не может защитить себя. Я, впрочем, не верю, чтобы у вас что-нибудь вышло из этого.

— Не думайте, друг мой,— мягко объяснил Пуаро,— что я пытаюсь найти грязь там, где ее нет. Но добрая сестра Хопкинс не отличается умением

скрывать свои чувства. Она любила Мэри, и, мне кажется, в прошлом этой девушки было что-то, что сестра Хопкинс всячески старается скрыть. Она не думает, что это имеет какое-то отношение к убийству. Но я должен знать буквально все. Не исключено, что Мэри причинила зло какому-то третьему лицу, и тогда у этого третьего лица, возможно, были причины желать ее смерти.

— Но,— возразил врач,— сестра Хопкинс, должно быть, тоже понимает это.

— Сестра Хопкинс — неглупая женщина, но вряд ли можно сравнивать ее интеллект с моим. Она может не увидеть того, что, без сомнения, увидит Эркюль Пуаро. Итак, надо найти недостающее звено, о котором я только что говорил. Сегодня я навещу и другую сестру, О'Брайен. Быть может, она сумеет помочь мне.

Питер Лорд, однако, был настроен скептически.

— Вряд ли... О'Брайен здесь всего месяц или два, не больше.

— Я знаю. Но у сестры Хопкинс длинный язык. Она не сплетничала в деревне, опасаясь, что это может повредить Мэри Джеррард. Но сомневаюсь, чтобы она могла удержаться и не сказать хоть что-нибудь человеку со стороны, да еще коллеге. Нет, нет, друг мой, тут есть кое-какие шансы.

Глава десятая

Беседа Пуаро с О'Брайен шла как по маслу: поболтать медсестра любила не меньше, чем ее приятельница Хопкинс.

— Итак,— спросил Пуаро,— вы не сомневаетесь, что именно Элино Карлайл убила Мэри Джеррард?

— А кто же еще? Не на моих ли глазах в тот вечер старая леди пыталась что-то сказать, а мисс Элино обещала, что все будет сделано по ее желанию? И разве я не видела, какое было у нее лицо, когда она однажды смотрела вслед Мэри? Черная ненависть была на ее лице, а в сердце у нее было убийство, можете мне поверить, мистер Пуаро. Говорят, что старую миссис Уэлман собираются выкопать и что мисс Карлайл отравила ее тоже.

— Но если это так, то зачем она это сделала?

— Да из-за денег, конечно. Не меньше двухсот тысяч фунтов, вот что ей досталось, а уж ума ей и так не занимать.

Пуаро спросил:

— Если бы миссис Уэлман успела написать завещание, кому, по вашему мнению, достались бы деньги?

— Ах, не мне об этом говорить,— ответила О'Брайен, всем своим видом, однако, показывая, что собирается заняться именно этим,— но я думаю, все, до последнего пенни, перешло бы к Мэри Джеррард.

— Почему?

Этот простой вопрос, видимо, поставил сестру в тупик. Пуаро тем временем продолжал расспросы: — Была ли Мэри Джеррард хитрой, расчетливой девушкой?

— Я бы не сказала этого... Она, знаете, была не из таких. Просто люди иногда делают вещи, о причинах которых никто и не догадывается.

Пристально глядя на нее, Пуаро сделал смелый ход:

— Вы с сестрой Хопкинс решили, что будет лучше, если кое о чем так никто ничего и не узнает?

Собеседница насторожилась.

— Не пойму, что это вы имеете в виду.

— О, ничего относящегося к преступлению,— поспешил успокоить ее Пуаро.— Я имею в виду то, другое дело.

О'Брайен кивнула.

— К чему ворошить то, что было и было бы поросло? Она ведь была такая почтенная пожилая дама и умерла всеми почитаемой.

Эркюль Пуаро тоже кивнул в знак согласия. Разговор принял неожиданный оборот, но его лицо не выражало ни удивления, ни замешательства.

О'Брайен продолжала:

— Это было так давно. Я, знаете, сама очень романтична и могу понять, каково приходится мужчине, имеющему жену в сумасшедшем доме, жену, от которой его может освободить только смерть.

Пуаро, все еще понятия не имея, о чем, собственно говоря, идет речь, тем не менее с готовностью подтвердил:

— Да, это ужасно, вы правы...

О'Брайен спросила:

— Рассказала вам сестра Хопкинс, как мы с ней писали друг другу об этом деле и как наши письма разминувшись в пути?

— Нет, этого она мне не рассказывала,— правдиво ответил Пуаро.

— Подумать только, ведь я увидела в другом доме то же фото, а сестра Хопкинс в тот же день услышала все об этом от докторовой экономки!

— Это,— вставил Пуаро,— весьма интересно.

Он пустил еще один пробный шар:

— Мэри Джеррард, она знала... об этом?

— А кто бы ей рассказал? Уж конечно, не я и не Хопкинс. Да и какая ей от этого была бы польза?

— Вы правы,— со вздохом согласился Пуаро,— пользы ей от этого не было бы никакой.

Глава одиннадцатая

Элино Карлайл...

Через разделяющий их стол Пуаро испытующе смотрел на нее. Они были одни, если не считать тюремщика, который наблюдал за ними через стеклянную стенку.

Пуаро отметил умное лицо с высоким белым лбом и изысканную форму ушей и носа. Прелестные четкие линии, говорящие о гордости, сдержанности и о чем-то еще, быть может, о затаенной страсти.

Он сказал:

— Мое имя Эркюль Пуаро. Меня прислал доктор Питер Лорд. Он думает, я могу быть вам полезен.

Элино проговорила, словно припоминая что-то:

— Питер Лорд... — На лице ее мелькнула улыбка и сразу исчезла. Она сказала вежливо, но холодно, не поднимая глаз: — Это очень любезно с его стороны, но не думаю, чтобы вы могли что-либо сделать.

Пуаро не смутился:

— Может быть, вы все-таки ответите на мои вопросы?

Элино наконец подняла глаза — живые глаза прелестного синего цвета. Взгляд был прямой и пылкий.

— Вы верите, что я невинна?

Ответом был контрвопрос:

— А вы действительно невинны?

Она иронически улыбнулась.

— Это образец ваших вопросов? Ведь так легко ответить «да», не так ли?

Неожиданно человек по другую сторону стола сказал:

— Вы очень устали, правда?

Ее глаза слегка расширились, и она ответила:

— Да... Я буду рада, когда все кончится.

Минуту Пуаро молча смотрел на нее. Потом проговорил:

— Я видел... назовем его для удобства вашим кузеном... мистера Родерика Уэлмана.

Краска медленно залила белое гордое лицо, и Пуаро понял, что на один из своих вопросов, даже не задав его, он уже получил ответ.

Элино переспросила:

— Вы видели... Родди?

— Да. Он делает для вас все, что может. Кстати, мистер Уэлман богат?

— Своих денег у него немного.

— А привычки у него дорогостоящие, верно?

Рассеянно, словно думая о другом, девушка ответила:

— Это не казалось нам важным. Мы знали, что когда-нибудь... — Внезапно она остановилась.

Пуаро быстро подхватил:

— Вы рассчитывали на наследство? Это вполне понятно.

Затем он продолжал:

— Вероятно, вы слышали о результатах вскрытия тела вашей тетушки. Она умерла от отравления морфином.

— Я не убивала ее.

— И не помогали ей убить себя?

— Убить себя?... О, я понимаю. Нет, не помогала.

— Знали вы, что ваша тетка не составила завещания?

— Нет, я и понятия не имела об этом,— ответ прозвучал равнодушно, как бы механически.

— А сами вы составили завещание?

— Да.

— В тот самый день, когда доктор Лорд говорил с вами об этом?

— Да.

Снова лицо девушки залил румянец.

— Позвольте спросить, кому вы оставили ваше состояние, мисс Карлайл?

— Я оставила все Родди, Родерика Уэлману.

— Знает он об этом?

— Разумеется, нет.

— Завещание составлял для вас мистер Седдон?

— Да. Я написала ему.

— Вы отправили письмо сами?

— Нет, оно ушло из дому вместе с другими письмами.

— Итак, вы написали его, вложили в конверт, запечатали, наклеили марку и бросили в почтовый ящик, откуда его затем взял почтальон, не так ли? Вы не размышляли над письмом и не перечитывали его?

Элино удивленно смотрела на него.

— Я пошла за марками, а вернувшись, перечитала его, чтобы удостовериться, что все изложено ясно.

— Был кто-нибудь в комнате вместе с вами?
— Только Родди.
— Знал он, что вы делаете?
— Я уже сказала вам, что нет.
— Мог кто-нибудь прочитать письмо, пока вы ходили за марками? Конкретнее, не мог ли его прочитать мистер Родерик?

Голос Элинора был звонок и насмешлив, когда она сказала:

— Могут заверить вас, мосье Пуаро, что мой кузен, как вы его называете, не читает чужих писем.

— Так принято думать. Но если бы вы знали, как часто люди делают то, чего делать не следовало бы!

Девушка только пожала плечами. Как бы мимоходом Пуаро задал новый вопрос:

— Ведь именно в тот день вам впервые пришла мысль убить Мэри Джеррард?

И в третий раз краска залила лицо Элинора.

— Это вам Питер Лорд сказал?

Пуаро заговорил мягко, без нажима:

— Значит, это было именно тогда? Когда вы заглянули в окно и увидели, что она пишет свое завещание? Тогда вы вдруг подумали, как это будет забавно и удачно, — если Мэри Джеррард внезапно умрет.

Элинора сказала, задыхаясь:

— Он знал... Он взглянул на меня и догадался.

— Да, — согласился Пуаро, — доктор Лорд знает многое. О, он не дурак, этот молодой человек с веснушчатым лицом и рыжими волосами.

— Это правда, что он послал вас помочь мне?

— Правда, мадемуазель.

Девушка вздохнула.

— Я не понимаю, не понимаю его.

Пуаро заговорил почти повелительным тоном:

— Послушайте, мисс Карлайл. Вы должны рассказать мне все, что произошло в тот день, когда умерла Мэри Джеррард: где вы были, что делали.

Более того, я хочу знать даже, что вы думали.

Она молча смотрела на него. Затем на ее губах проступила странная кривая улыбка.

— Вы, должно быть, невысказанно наивный человек. Неужели вы не понимаете, как легко я могу солгать вам?

Эрколь Пуаро благодушно ответил:

— Это не имеет значения.

Девушка смотрела на него в недоумении, и он пояснил свою мысль:

— Дело в том, мадемуазель, что ложь раскрывает не меньше, чем правда. Иногда даже больше. Итак, начнем. Вы встретили вашу домработницу, добрую миссис Бишоп. Она хотела пойти с вами и помочь вам, но вы не позволили. Почему?

— Я хотела побыть одна... Чтобы подумать...

— Понятно. Куда вы направились потом?

Элинора вызывающе вскинула голову.

— Я купила пахтет для сэндвичей.

— Две банки?

— Две.

— И пошли в Хантербери. Что вы делали там?

— Я поднялась в комнату тети и начала разбирать ее вещи. Затем я спустилась в буфетную, приготовила сэндвичи, уложила их на блюдо и отправилась в сторожку. Мэри и сестра Хопкинс были там. Я пригласила их в дом позавтракать. Мы все вместе прошли туда и ели сэндвичи в гостиной.

— А потом?

— Потом? — Элинора смотрела на собеседника каким-то неподвижным взглядом. — Я вышла в буфетную. Странное у меня было состояние, я была словно во сне. Сестра мыла там посуду.

— Да, да, но что произошло потом, о чем вы тогда подумали?

— На запястье у сестры был след как от укола. Я упомянула об этом, и она сказала, что укололась о розу близ сторожки. Розы близ сторожки... Когда то мы с Родди играли в войну Алой и Белой роз... И там, в буфетной, все вдруг вновь нахлынуло на меня, словно детство вернулось. Эта отвратительная пелена ненависти, окутывавшая мой мозг, исчезла будто по волшебству. Я уже не ненавидела Мэри и не хотела ее смерти... — Она остановилась на мгновение. — Но тем не менее, когда мы вернулись в гостиную, она умирала.

Вновь наступило молчание. Пуаро не сводил с собеседницы пристального взгляда. Та вспыхнула.

— Ну что же, вы снова спросите меня, убила ли я Мэри Джеррард?

— Я не буду спрашивать вас ни о чем. Есть вещи, которых я не хочу знать.

Глава двенадцатая

I

Доктор Лорд, как и было условлено, встречал поезд на станции. Он внимательно всматривался в лицо вышедшего из вагона Пуаро, но не мог прочесть на нем ровно ничего. Молодой врач вздохнул и сказал:

— Я постарался получить ответы на все интересные вас вопросы. Во-первых, Мэри Джеррард уехала отсюда в Лондон 10 июля. Во-вторых, у меня холостяцкое хозяйство, и нет никакой экономки. Вы, должно быть, имеете в виду миссис Слэттери, домоправительницу моего предшественника. Я могу сводить вас к ней сегодня утром, если хотите. Затем вы хотели побывать в Хантербери. Это легко устроить. По правде говоря, меня удивляет, что вы еще ни разу там не были. Ведь именно на месте преступления можно обнаружить какой-нибудь ключ к тайне.

Пуаро снисходительно улыбнулся.

— Вы слишком увлекаетесь детективными романами. Было бы излишним разыскивать в Хантербери что-то после того, как там поработала наша расторопная полиция.

— Но вот сейчас вы же хотите там побывать, — возразил Питер.

— Да, сейчас это необходимо. Видите ли, теперь я знаю, что именно ищу. Прежде чем пустить в ход зрение, следует пораскинуть мозгами.

— Следовательно, вы полагаете, там еще может оставаться что-то... интересное?

Пуаро спокойно ответил:

— Да, мне кажется, мы кое-что там найдем.

— Что-нибудь доказывающее невинность Элинора?

— А вот этого я не говорил.

Лорд остановился как вкопанный.

— Вы что, хотите сказать, что еще считаете ее виновной?

— Ответа на этот вопрос, друг мой, вам придется немного подождать, — серьезно произнес Пуаро.

II

Пуаро завтракал с доктором у него дома, в уютной квадратной комнате с окном, выходящим в сад.

— Выглянули вы из старухи Слэттери, что хотели? — полюбопытствовал его гостеприимный хозяин.

Пуаро кивнул.

— А что, собственно, вы рассчитывали от нее услышать?

— Слухи и сплетни. Разговоры о прошедших днях. Корни некоторых преступлений надо искать в прошлом. Я думаю, мы столкнулись как раз с одним из таких преступлений.

Его собеседник заговорил несколько раздраженно:

— Не могу понять, куда вы гнете. И к чему держать меня в неведении?

Тот покачал головой.

— Пока в этой тьме еще даже не брезжит свет. Меня по-прежнему сбивает с толку тот факт, что ни у кого, кроме Элинора Карлайл, не было причин убивать Мэри Джеррард.

— Вы не можете быть уверены в этом, — возразил врач. — Не забывайте, что какое-то время она была за границей.

— Помню, помню... Я навел кое-какие справки. У меня есть собственные шпионы.

— Можете ли вы положиться на других?

— Конечно. Не бегать же мне самому, высунув язык, и дилетантски делать то, что за небольшую сумму прекрасно сделает профессионал. Уверяю вас, друг мой, у меня есть очень полезные помощники, в том числе один бывший взломщик.

— Господи боже, да на что он вам?

— В последний раз я поручил ему тщательно обыскать квартиру мистера Уэлмана.

— Что же он там искал?

Пуаро уклонился от прямого ответа, сказав несколько загадочно:

— Всегда лучше точно знать, в чем именно тебе солгали.

— Уэлман сказал вам неправду?

— Безусловно.

— Кто же еще солгал вам?

— Да, я думаю, каждый: сестра О'Брайен из-за свойственной ей романтичности, сестра Хопкинс из упрямства, миссис Бишоп из недоброжелательства. Вы сами...

— Какого черта! — бесцеремонно прервал его собеседник. — Уж не думаете ли вы, что я лгу вам?

— Пока еще нет, — признал Пуаро с лукавым огоньком в глазах.

В Хантербери они отправились пешком. Там их встретил молодой, симпатичный на вид парень, работавший в саду. Он почтительно приветствовал доктора Лорда.

— Доброе утро, Хорлик. Пуаро, это Хорлик, садовник. Он был здесь в тот день.

— Где же вы работали в то время?

— Главным образом на огороде, сэр.

— Оттуда дом не виден?

— Нет, сэр.

— Так что, если бы кто-нибудь подошел к дому, скажем, к окну буфетной, вы бы его не увидели?

— Нет, сэр.

В разговор вмешался доктор Лорд:

— Неужели вы не видели никого и ничего: ни человека, болтающегося близ усадьбы, ни, например, машины у ворот?

Лицо Хорлика выразило недоумение.

— Машины, сэр? Там, возле задней калитки, была ваша машина, а больше ничего.

Лорд был поражен.

— Моя машина?! Это совершенно невозможно. Я в то утро ездил в Уитенбери и вернулся только к двум часам.

Хорлик выглядел смущенным.

— А я был уверен, что видел вашу машину, — сказал он с сомнением.

Врач быстро закончил беседу.

— Ну, это не имеет значения. До свидания, Хорлик.

Когда они отошли, Питер Лорд возбужденно заговорил:

— Наконец-то кое-что! Чья машина была у калитки в то утро?

— А вы уверены, что не ваша? Вы не могли перепутать день?

Доктор заверил его, что об этом не может быть и речи.

— Тогда, друг мой, мы, кажется, действительно наткнулись на что-то существенное. Давайте-ка посмотрим, может ли кто-нибудь подойти к дому незамеченным.

На полпути к зданию от аллеи отходила тропинка, ведущая сквозь кустарник. Они пошли по ней, и спустя несколько минут Питер схватил спутника за руку, указывая на одно из окон дома.

— Вот окно буфетной, где Элинора Карлайл готовила сэндвичи.

— И отсюда, — подхватил Пуаро, — всякий мог видеть, как она это делает. Насколько я помню, окно было открыто?

— Оно было распахнуто настежь, ведь день был очень жаркий.

Эрколь Пуаро размышлял вслух:

— Значит, если кто-то хотел, оставаясь незамеченным, понаблюдать за тем, что происходит внутри, он должен был найти себе здесь удобный наблюдательный пункт.

Оба начали внимательно оглядываться вокруг. Питер Лорд вдруг подзвал к себе Пуаро, отошедшего на несколько шагов.

— Посмотрите там, вон за теми кустами. Здесь недавно кто-то стоял, и довольно долго. Видите, как утоптана земля по сравнению с окружающим участком?

Пуаро подошел к нему.

— Да, это подходящее местечко. Его не видно с аллеи, а через открытое окно можно прекрасно наблюдать за тем, что делается в буфетной. Ну-с, что же делал наш неизвестный друг, стоя здесь? Может быть, курил?

Мужчины нагнулись, внимательно глядя себе под ноги, разгребая упавшие ветки и листья. Внезапно Пуаро издал сдавленный возглас. Молодой врач бросился к нему.

— Что такое?

— Спичечная коробка, друг мой. Пустая спичечная коробка, глубоко втоптанная в землю, мокрая и полураздавленная.

Детектив осторожно поднял находку.

— Смотрите, на этикетке надпись на иностранном языке! — воскликнул Лорд. — Да это по-немецки!

— А Мэри Джеррард была недавно в Германии. Молодой человек ликовал:

— Ну, наконец-то! Вы не можете отрицать, что теперь у нас в руках нечто конкретное. Сами посудите, у кого из местных могли быть иностранные спички?

Пуаро, однако, явно не разделял восторга своего спутника. В его взгляде отражалось замешательство.

— Все это не так просто, как вы думаете, — проговорил он. — Тут есть одно серьезное «но», неужели вы сами не видите?

— Я не вижу, скажите мне...

Пуаро вздохнул.

— Ну, если вам это не бросается в глаза... Ладно, давайте пройдем в дом.

Питер Лорд открыл ключом заднюю дверь и провел своего спутника в буфетную. Там они огляделись, и врач пояснил:

— Вот на этом столе Элинора Карлайл готовила сэндвичи. Обрывок аптечной этикетки нашли в этой вот щели на полу, под раковиной для мытья посуды. — Встретив спокойный взгляд Пуаро, он загорячился: — Нет никаких доказательств того, что Элинора прикасалась к этой окаянной трубочке с морфином. Говорю вам, кто-то наблюдал за ней снаружи, из кустов. Она пошла в сторожку, а этот человек проскользнул сюда, распечатал трубочку, раскрыл несколько таблеток и сунул их в верхний сэндвич. Он даже не заметил, что клочок

этикетки оторвался и завалился в щель. Потом этот тип поспешил назад, сел в свою машину, и поминай как звали.

Пуаро снова вздохнул.

— И вы все еще ничего не видите? Просто удивительно, до чего несообразительным может быть умный человек.

Лорд с трудом сдерживал гнев.

— Вы что, не верите, что кто-то стоял в кустах, заглядывая в окно?

— Нет, в это-то я верю.

— Ну, значит, мы должны разыскать этого типа!

Несколько загадочно Пуаро пробормотал:

— Не думаю, чтобы нам для этого пришлось далеко ходить. Ну, хорошо, давайте осмотрим дом.

III

Они стояли в комнате, где умерла Мэри Джеррард. Питер Лорд распахнул одно из окон и сказал, слегка вздрогнув:

— Здесь словно в могиле...

Пуаро думал о своем.

— Ах, если бы стены могли говорить! Здесь, в этой комнате, надо искать истоки этого странного дела.

Он еще несколько минут постоял молча, а потом встряхнулся.

— Мы обошли весь дом и видели все, что можно было увидеть. Покажите мне теперь сторожку, друг мой.

Там, как и в доме, все тоже было в порядке. Комнаты, хотя и пыльные, чисто прибраны, почти пусты. Мужчины пробыли в помещении всего несколько минут. Когда они вновь вышли на крыльцо, залитое солнечным светом, Пуаро ласково пригнулся рукой к листьям вьющихся роз, опутывавших решетку.

— Знаете, милый доктор, как называется этот сорт роз? Это Зефирен Друфэн...

Врача розы не интересовали, он только раздраженно буркнул:

— Ну, и что из этого?

Эркуюль Пуаро продолжал:

— Когда я встретился с Элинон Карлайл, она говорила мне о розах. Именно в тот момент я начал видеть, нет, нет, еще не дневной свет, а лишь его проблеск, как бывает, когда приближаешься к выходу из туннеля.

Питер Лорд хрипло спросил:

— Что она говорила вам еще?

— Она рассказывала о своем детстве, об играх здесь, в этом саду, о том, как ссорились они с Родериком Уэлманом, когда играли в войну Алой и Белой роз. Он предпочитал белую розу Йорков — холодную и неласковую, а она, по ее словам, любила красную розу Ланкастеров... полную аромата, тепла и жизни. И в этом, друг мой, разница между Элинон Карлайл и Родериком Уэлманом.

— Разве это что-нибудь объясняет?

Пуаро кивнул:

— Это позволяет понять Элинон Карлайл, женщину, по натуре гордую и страстную, до отчаяния влюбленную в мужчину, который неспособен любить ее... А теперь давайте вернемся на минутку на то место в кустах.

Они шли молча. Лицо Питера Лорда стало еще более хмурым и озабоченным. Когда они пришли на место, Пуаро погрузился в свои мысли, а врач пристально наблюдал за ним. Неожиданно детектив заговорил с досадой и раздражением:

— В сущности, это элементарно просто. Неужели вы не видите уязвимого места в вашей теории? Согласно ей, какой-то человек, предположительно знавший Мэри Джеррард в Германии, приехал сюда с намерением убить ее. Но посмотрите, друг мой, посмотрите же! Пустите в ход свои глаза, если уж ум вам ничего не подсказывает. Что вы видите отсюда? Окно, не так ли? И в нем девушку, Элинон Карлайл, занятую приготовлением сэндвичей. Но позвольте вас спросить: каким образом человек, наблюдавший за Элинон Карлайл, мог знать, что эти сэндвичи будут предложены Мэри Джеррард? Никто, абсолютно никто не знал этого, кроме самой Элинон Карлайл. Ни сама Мэри Джеррард, ни сестра Хопкинс. Так если человек стоял здесь, наблюдая, если он потом влез в окно и подсыпал яд в сэндвичи, какой вывод из этого следует? Что мог этот человек думать и предполагать? Только одно: что эти сэндвичи съест сама Элинон Карлайл...

Глава тринадцатая

Пуаро позвонил у двери коттеджа сестры Хопкинс. Та встретила его не очень приветливо, но тем не менее ему было разрешено переступить порог. Очухившись в доме, он не мешкая приступил к делу.

— Знаете, зачем я пришел сюда? Я хочу, чтобы вы рассказали мне правду.

Сестра Хопкинс была возмущена и разгневана:

— Что вы под этим подразумеваете, хотела бы я знать? Всегда и везде я говорю правду. Я рассказала на следствии о пропаже морфина, хотя многие на моем месте умолчали бы об этом. А ведь я знала, что меня будут порицать за халатность, за то, что я оставила свой чемоданчик внизу. Так оно и получилось, и, могу вас заверить, это не пошло на пользу моей служебной характеристике. Но мне было все равно: я знала что-то относящееся к делу и рассказала об этом. Так что оставьте при себе свои намеки, мистер Пуаро! О смерти Мэри Джеррард я рассказала абсолютно все, что знала, ничего не утаила. Да я в этом присягу готова дать!

Пуаро не делал попыток прервать ее, давая раздраженной женщине возможность выговориться. Когда та выдохлась и замолчала, он заговорил спокойно и доброжелательно:

— Я вовсе не утверждаю, будто вы умолчали о чем-то связанном с преступлением. Я прошу вас рассказать мне правду не о смерти, а о жизни Мэри Джеррард.

Явно озадаченная и несколько смущенная этими словами, его собеседница произнесла:

— Не знаю, что вы, собственно, имеете в виду...

— Я помогу вам. Я расскажу то, о чем узнал из намеков сестры О'Брайен и со слов старой миссис Слэттери, которая прекрасно помнит события двадцатилетней давности. Итак, более двадцати лет назад два человека полюбили друг друга. Одним из них была овдовевшая за несколько лет до этого миссис Уэлман, женщина, способная на глубокое и страстное чувство. Другим был сэр Льюис Райкрофт, имевший несчастье жениться на женщине, которая вскоре после свадьбы безнадежно потеряла рассудок. Тогдашние законы лишали его возможности развестись, а леди Райкрофт, чье физическое здоровье было превосходным, могла прожить и до девяноста лет. О романе между этими двумя людьми, я полагаю, догадывались, но внешне они соблюдали все приличия и были крайне осторожны. Затем сэр Льюис Райкрофт был убит на войне.

— Ну, и что же? — спросила сестра Хопкинс.

— Я предполагаю, — продолжал Пуаро, — что после его смерти родился ребенок, и ребенком этим была Мэри Джеррард. Но если, с моей стороны, это лишь предположение, то, вы, возможно, располагаете неопровержимыми доказательствами. Так ли это?

Сестра Хопкинс, нахмурившись, сидела минуты две молча. Потом она резко поднялась, пересекла комнату, открыла ящик письменного стола, достала оттуда конверт и принесла его Пуаро. Она сказала:

— Я объясню вам, как это попало ко мне в руки. После смерти Мэри я заканчивала уборку в сторожке и наткнулась на этот конверт. Видите, что на нем написано?

Пуаро прочел надпись, сделанную выцветшими чернилами: «Переслать Мэри после моей смерти».

— Это писал не Джеррард, — пояснила сестра Хопкинс, — а мать Мэри, умершая 14 лет назад. Она адресовала это письмо девочке, но старик держал его у себя, так что Мэри не получила его. И слава богу! До самой смерти она могла высоко держать голову, и ей нечего было стыдиться.

Помедлив, она продолжала:

— Письмо было запечатано, но, когда я нашла его, я, сознаюсь, вскрыла конверт. Ведь Мэри была мертва, а я все равно кое о чем уже догадывалась. Никого, кроме нее, это не касается, но мне почему-то не хотелось уничтожить письмо. Впрочем, лучше прочтите его сама.

Пуаро извлек из конверта листок бумаги, исписанный мелким угловатым почерком:

«Я пишу правду на тот случай, если она когда-нибудь понадобится. Я служила горничной у миссис Уэлман из Хантербери, и она была очень добра ко мне. Я попала в беду, но она не отвернулась от меня и вновь взяла меня к себе на службу, когда все было кончено. Но ребенок умер. Моя хозяйка и сэр Льюис Райкрофт любили друг друга, но не могли пожениться, потому что у него уже была жена, которую заперли в сумасшедший дом. Он был настоящий джентльмен и обожал миссис Уэлман. Его убили, а она вскоре после того сказала мне, что у нее будет ребенок. Потом она отправилась в Шотландию и взяла меня с собой. Ребенок родился там, в Ардлохри. Боб Джеррард, который бросил меня, когда я попала в беду, снова начал писать мне. Мы договорились, что он женится на мне, мы поселимся в сторожке и ребенок будет считаться его дочерью. Если мы будем жить в поместье, никого не удивит, что миссис Уэлман интересуется девочкой и заботится о ней. Она думала, что для Мэри будет лучше, если та никогда не узнает правду. Миссис Уэлман дала нам обоим порядочно денег, но я помогла бы ей и без этого.

Я была довольно счастлива с Бобом, но он так и не привязался к Мэри. Я молчала обо всем и никому ничего не говорила, но думаю, что надо написать правду на случай, если я умру.

Элиза Джеррард, урожденная Элиза Рири».

Эркуюль Пуаро глубоко вздохнул и вновь сложил письмо. Сестра Хопкинс спросила с беспокойством:

— Что вы собираетесь с этим делать? Они все теперь мертвы. Ни к чему ворошить старое. Пусть мертвые мирно спят в своих могилах, вот что я скажу.

Пуаро ответил:

— Нужно думать о живых.

— Но это не имеет никакого отношения к убийству.

Голос Пуаро звучал серьезно:

— Вы ошибаетесь: возможно, это имеет к нему самое прямое отношение.

И он вышел из коттеджа, а сестра Хопкинс смотрела ему вслед, открыв от изумления рот.

Задумчиво шагавший по дороге Пуаро вдруг услышал за собой нерешительные шаги. Он обернулся и увидел Хорлика, молодого садовника из Хантербери. Тот смущенно теревил в руках кепку.

— Простите, сэр, не могу ли я поговорить с вами?

— Разумеется, друг мой. В чем дело?

Пальцы Хорлика начали еще ожесточеннее мять кепку.

— Это насчет той машины.

— А, машины, которая была у калитки в то утро?

— Да, сэр. Доктор Лорд говорил сегодня, что она не его, но это не так. Это была его машина, я готов поклясться в этом.

Пуаро напомнил с легкой улыбкой:

— Но доктор Лорд говорит, что в то утро он был в Уитенбери.

Хорлик не знал, куда деваться от смущения.

— Да, сэр, я слышал. Но все равно это была его машина, сэр, я готов присягнуть в этом.

— Благодарю вас, Хорлик, — мягко сказал Пуаро. — Вероятно, именно это и придется сделать.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава первая

I

Было в помещении суда жарко? Или, наоборот, очень холодно? Элинон Карлайл не могла бы ответить на этот вопрос. Ее попеременно то сжигал лихорадочный жар, то сотрясал озноб. Конца речи обвинителя она не слышала. В уме она вновь, этап за этапом, переживала все случившееся, начиная с того дня, когда пришлось то злополучное письмо, и кончая моментом, когда полицейский офицер объявил ей: «Элинон Катрин Карлайл, у меня на руках ордер на ваш арест по обвинению в убийстве путем отравления Мэри Джеррард 27 июля сего года, и я обязан предупредить вас, что все сказанное вами будет зафиксировано в письменной форме и может быть использовано в качестве доказательства в ходе суда над вами».

И вот она стоит перед судом, а сотни глаз устремлены на нее с беспощадным любопытством.

Только присяжные не смотрят на нее. Они старательно отводят взгляды. Элинон подумала: «Это потому, что они знают, какой приговор скоро вынесут».

II

Доктор Лорд дает показания. Неужели это тот самый Питер Лорд, энергичный молодой врач, который был в Хантербери таким добрым и дружелюбным? Сейчас он держится сухо, подчеркнуто по-деловому. Монотонно звучат ответы на задаваемые ему вопросы: да, его вызвали по телефону в Хантербери-холл; слишком поздно для того, чтобы можно было что-либо сделать; Мэри Джеррард скончалась спустя несколько минут после его прихода; причиной смерти является, по его мнению, отравление морфином.

Защитник сэр Эдвин Балмер поднимается для перекрестного допроса.

— Вы были лечащим врачом покойной миссис Уэлман?

— Да.

— Во время ваших визитов в Хантербери в июне вам случалось видеть вместе обвиняемую и Мэри Джеррард?

— Несколько раз.

— Каким было обращение обвиняемой с Мэри Джеррард?

— В высшей степени естественным и вежливым.

— Вы никогда не замечали «ревнивой ненависти», о которой столько говорилось здесь?

Питер Лорд, решительно выпятив подбородок, твердо ответил:

— Нет, никогда.

Элинон подумала: «Но он видел, видел... Он лжет ради меня. Он знал...»

Окончание следует.

Марис ЛИЕПА,
народный артист СССР,
лауреат Ленинской премии.

ЗЕМЛЯНИКА ПОД СНЕГОМ

Фото Александра МАКАРОВА

Мне, наверное, везло в жизни: она подбрасывала и подбрасывает самые разные ситуации — и радостные и грустные, словно бы для того, чтобы не было недостатка в эмоциональном материале, который так необходим артисту. Что ж, человек, который занимается актерским ремеслом, должен сам все пережить, перечувствовать, пережить — тогда потом, на сцене, он не будет гадать, как надо плакать или веселиться... Разумеется, сценическая жизнь — это особый, сотворенный мир, однако его истина — истина тех самых действительных страстей, о которой говорил еще Александр Сергеевич Пушкин.

Я, по счастью, догадался об этом довольно рано. И когда пришли первые неудачи, не упускал случая, в одиночестве глядя в зеркало, наблюдать за самим собой. Я должен был знать, как плачет мужчина, как это делается...

Я родился в 1936 году в Риге. Моя мама была бухгалтером в министерстве финансов, а отец поначалу пел в хоре Рижского театра оперы и балета, но потом заболел и потерял голос. Он работал и рекламным агентом, и сторожем, и пожарным, и заведующим сценой, но никогда не забывал о театре, о музыке...

Родители мои родом из Лиепаи, и каждое лето мы ездили в гости к бабушке и дедушке. Мамин отец был когда-то пекарем. Уйдя на покой, он жил в своем загородном доме и целыми днями возился в саду. Там был огромный куст синего, очень вкусного крыжовника, росла красная и белая смородина, а около забора — малина. Однажды мы приехали сюда не летом, а зимой. И — как мне потом рассказывали, — едва сорвав пальто, я тут же крикнул: «Ну, а теперь в сад, за ягодами!» Мне тогда и в голову не могло прийти, что зимой нет ни крыжовника, ни смородины, ведь я знал: в дедушкином саду всегда можно набрать сколько угодно ягод. Они должны быть здесь, под снегом — как в сказке, которая в моем детском представлении была абсолютной реальностью.

Это ощущение — запах зимнего утра и земляники под снегом — необходимо мне и сегодня, поскольку балет — тоже нечто сказочное. Поэтому я бережно храню эти воспоминания, вглядываюсь

в них, стремясь различить подробности, на которые раньше не обращал внимания.

Ребенком я не думал о театре. Родители тоже не предполагали, что я стану артистом. Но случилось так, что на одном из семейных праздников в числе гостей оказался директор хореографического училища. В детстве я был очень слабым физически, и, увидев меня, этот педагог посоветовал родителям отдать меня в балет, чтобы я немного окреп.

Мне было тогда лет семь, я только что пошел в первый класс, и у меня, естественно, не было никакого желания после уроков, когда товарищи играли в футбол, снова идти заниматься и разучивать неудобные, причиняющие боль балетные позиции. Однажды довольно сильно растянул связку и вынужден был обратиться к врачу. Он написал заключение, в котором говорилось, что у меня сильное плоскостопие, которое и послужило причиной травмы, и что, судя по всему, я никогда не смогу танцевать. Я принес это заключение в училище, и мне сказали: «Можешь не учиться: все равно из тебя ничего не выйдет». Я пропустил несколько дней, но потом снова потянуло в класс. Педагоги встретили меня без восторга: «Ну, если ты так уж хочешь учиться — учи». У нас мальчиков мало».

Честно говоря, мне не столько нравились занятия, сколько сама обстановка училища. К тому же у меня там появилось немало друзей... Интерес же к балету возник только после того, как нас, учеников, начали занимать в спектаклях театра оперы и балета.

И сейчас отчетливо вижу огромную раздевалку, человек на двадцать. С двух сторон — гримировальные столики и зеркала, сбоку — длинная штанга с костюмами. Мы раздевались где-то в углу, но зато могли видеть вблизи настоящих артистов и даже разговаривать с ними. И у нас тоже были костюмы и грим... Раздевалка помещалась на пятом этаже, и по узкой лестнице можно было бегать вверх и вниз, но самое главное — появилась возможность весь вечер быть в театре и все видеть: сцену, декорации, софиты...

Моим первым спектаклем стал национальный латышский балет «Лайма». Позже я танцевал в «Спящей красави-

це», в «Дон Кихоте», в «Ромео и Джульетте». А потом...

Потом я помню себя стоящим в сквере у Большого театра в Москве. Цветут яблони, и светит жаркое, необычайно жаркое для апреля солнце... Тогда, в 1950 году, в Москве проходил Всесоюзный смотр хореографических училищ, в котором принимали участие и мы, воспитанники Рижской школы.

Разумеется, в Москве я посмотрел все, что только смог, и в Большом театре, и в Музыкальном театре имени К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко. И с тех самых пор начал, как у нас говорят, «стараться». Это профессиональное выражение. Попробую объяснить, что оно означает.

С первых дней, когда будущего танцовщика ставят в первую позицию и он начинает растягивать себе связки, выработывая выворотность, шаг, прыжок, он постоянно испытывает боль. Нужно не только привыкнуть к ней, но и полюбить, осознав, что она необходима. И сейчас, отдав балету 35 лет жизни, так же, как тогда, в первые годы обучения, я делаю все растяжки и испытываю боль. И «стараюсь», потому что эта боль приносит мне профессиональное удовлетворение: значит, сейчас делаю именно то, что поможет мне хорошо танцевать.

Моим педагогом по классическому и характерному танцу был Валентин Блинов, выпускник Московского училища,

воспитанник профессора Николая Ивановича Тарасова (у него я тоже потом учился, когда в 1953 году перевелся в Москву).

Блинов не просто учил нас технике. Он умел еще эскизно показать московских танцовщиков, дать представление о спектаклях. В его рассказах о балете просвечивал тот оттенок легендарности, сопутствующий именам знаменитых артистов, который завораживал нас и будил фантазию.

В 1955 году я окончил Московское училище. С отличием. Из Риги пришел вызов, я вернулся домой и был принят в труппу Театра оперы и балета. А через год получил приглашение перейти в Московский музыкальный театр имени К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко. В течение четырех лет работал там, танцуя по 6—8 спектаклей в месяц. Часто писал домой. И почти в каждом письме была фраза: «Сегодня я танцевал лучше, чем на прошлом спектакле». В конце концов отец не выдержал: «Как же, наверное, хорошо ты танцуешь, если каждый раз у тебя получается все лучше и лучше!»

В шестидесятом году наконец смог осуществить свою давнюю мечту — стать артистом Большого театра. И вновь пришлось очень много, упорно и тщательно учиться, чтобы обрести тот профессионализм и академичность стиля, которые отличают танцовщиков Большого...

Мне посчастливилось работать с выдающимся балетмейстером Леонидом Михайловичем Лавровским.

...Он всегда очень активно входил в класс, снимал галстук, расстегивал воротничок, поднимал его — и рубашка сразу же превращалась в театральный костюм. Леонид Михайлович был необычайно артистичен и даже гневался элегантно при всем своем внутреннем горении. И никогда ни на кого не кричал.

Запомнился такой эпизод. Лавровский присутствовал на нашем комсомольском собрании. Выступал молодой артист, который поразил всех невнятной и путаной речью. После собрания Лавровский подождал его и сказал: «Если вы не в состоянии выразить свою мысль, то какое же вы имеете право танцевать «Шопениану»?» И снял его со спектакля...

В 1963 году я стал готовиться танцевать Ромео в знаменитой постановке Лавровского «Ромео и Джульетта».

Ромео... Мне было непонятно, почему все исполнители играли его чересчур романтичным и мечтательным. Нет! Ромео вовсе не был таким. Он был шутник и весельчак, такой же, как его друг Меркуцио. Его отличие от всех — сверхактивность, страстность, взрывной темперамент. Внешний импульс мгновенно рождает в Ромео ответную реакцию. Его чувство, мысль и действие почти совпадают во времени. Ромео не в состоянии рассчитывать варианты или задумываться о последствиях. Он видит бездыханную Джульетту — и убивает себя...

Я все время задумывался о том, почему в спектакле, который называется «Ромео и Джульетта», доминирует героиня. Если бы это соответствовало замыслу драматурга, то он, наверное, назвал бы свою трагедию «Джульетта и Ромео»...

В поисках меня поддерживал балетмейстер, который помог усложнить партию, помог превратить мысль о Ромео в сценическую реальность.

Я представлял своего героя резким, стремительным, летящим... Танцевал его в парике — черные прямые волосы — и жалел, что у меня не черные глаза...

Не уверен, что это было самое удачное решение силуэта, но именно таким видел я тогда моего Ромео. Позже танцевал его без грима, со своим лицом...

К Ромео я шел, так сказать, впрямую. Вживался во окружающий его мир, вглядываясь во все глазами моего героя. К Крассу в «Спартаке» я подошел совершенно иначе. Никогда не предполагал, что эта партия будет поручена мне. Ведь я уже был назначен на роль Спартака и начал ее репетировать. Юрий Николаевич Григорович поставил «на меня» весь первый акт. И вдруг после черного просмотра вызывает меня к себе и начинает уговаривать отказаться от Спартака и станцевать Красса.

В детстве я зачитывался романом Джованьоли и теперь, начав работу над образом вождя гладиаторов, испытывал восторг, представляя себе этого «Христа-искупителя рабов», как назвал Спартака Джузеппе Гарибальди. Само имя Спартака звучало для меня как символ бескорыстия, бесстрашия, самозабвенной любви к людям...

Расстаться с ним было нелегко. Но Григорович сказал, что после Красса я смогу продолжить работу над Спартаксом. Это обещание успокоило, и я начал создавать образ Марка Красса, римского претора, на которого до этого смотрели глазами Спартака...

Мы с балетмейстером старались решить образ отрицательного героя танцевальными средствами, то есть сделать то, чего еще не было в балете. Отрицательные герои никогда не танцевали. Даже Тибальд в «Ромео и Джульетте» — скорее пластическая, нежели

танцевальная партия. Поначалу нам было трудно, потому что довлела традиция: отрицательный герой всегда больше играет лицом, нежели телом.

Отыскивая необходимые движения, оправдывая их, мы шли и от музыки и от предлагаемых обстоятельств. Первая сцена. Легионы Красса топчут мир. Буквально. Что мог делать их предводитель? Управлять жестами: вперед! Красс руководствовался формулой: разделяй и властвуй! Как это можно сказать в балете? Мы нашли соответствующую последовательность жестов и оправдали ее. А как можно управлять легионерами? Упорным, мощным шагом, с акцентом не на взлет, а на приземление. В этом шаге должна чувствоваться тяжесть, попирающая побежденных, разгромленных, тяжесть, попирающая человеческое достоинство... Обыкновенные субресо, которые Мариус Петипа использовал в «Спящей красавице» в партии Голубой птицы, получили в «Спартаке» совершенно иную эмоциональную окраску. Изгибаясь в прыжке, словно натянутый лук, Красс делает выпад мечом, как бы призывая туда, вперед, свои легионы... Пластика руки стала жесткой, повелительной, а кисть, заставляя, словно бы превращалась в лапу льва с когтями, обхватывающими шар.

Во втором действии кисть Красса изменялась: удлинялась, становилась иконописной, мученической... Ведь Красс, самовлюбленный, привыкший всегда и во всем побеждать, потерпел оскорбительную неудачу в поединке со Спартаксом. В своем поражении он увидел поражение всей империи, величие и культуру которой Красс — в его собственном представлении — должен был защищать от разгрома и уничтожения.

Я не хотел делать Красса уродом. Нет, ярчайший представитель римской элиты, он должен был быть красивым. И в то же время я не забывал о том, что самые страшные дела иногда совершаются с улыбкой на лице. Не помню уже, где, я прочитал, как один из приближенных Гитлера за утренним кофе говорил: «Когда я слушаю сообщения о том, что убиты новые тысячи русских, у меня улучшается аппетит...» Это говорилось просто, естественно, даже изящно... Поэтому я решил, что не следует «корчить рожи», не нужно делать Красса прямолинейно-отрицательным. Ведь чем сложнее и умнее Красс, тем величественнее и значимее в спектакле фигура Спартака, тем сложнее единоборство героев и ярче драматургическое развитие образов...

Одна из последних моих работ — принц Лимон в детском балете «Чиполлино», поставленном Генрихом Майоровым по сказке Джани Родари. Очень люблю этот спектакль, люблю свою роль и надеюсь, что буду долго ее играть. Изображая принца Лимона, хочу, чтобы маленький зритель не боялся меня, чтобы он чувствовал: это театр, игра, где обязательно победят его друзья — добрые герои во главе с Чиполлино. И хочется, чтобы во мне, участнике этой игры, которому при распределении ролей достался принц Лимон, малыш в зале тоже увидел своего друга...

Недавно один знакомый рассказал мне: он был на «Чиполлино» и слышал, как сидевший рядом мальчик говорил своей маме: «Принц Лимон сказал, что Чиполлино надо поймать!»

Сказал! Для балетного артиста это убедительнейшее доказательство того, что он был органичен на сцене. Сказал! Значит, ребенок мгновенно понял и принял наш язык.

Был еще один сходный эпизод. Во время генеральной репетиции, когда я — принц Лимон — размахиваю руками: «Связай Чиполлино! Сжечь! Разрезать!» — в зале раздался детский крик: «Не надо! Он хороший!»

Нередко успех или неудачу актера в

той или иной роли объясняют сходством или несходством личностных качеств героя и исполнителя. Это абсолютно неверно. Если актер вместо того, чтобы творить, начинает демонстрировать самого себя со своими реальными переживаниями в натуральную величину, — он выводит себя из того пространства, где рождается искусство, суть которого — перевоплощение. В связи с этим хочу рассказать об одном из самых тяжелых, трагических событий моей жизни...

Моя мама очень любила «Жизель» (я в этом балете танцую Альберта) и часто просила меня приехать в Ригу и выступить в этом спектакле. А я все откладывал и откладывал... Но вот, два года назад, все подготовил для поездки и уже собирался выехать, как вдруг позвонила моя сестра и сказала: «Мама заболела, ее положили в больницу».

Когда приехал, мама была без сознания. Что было делать? Спектакль объявлен, билеты проданы... Надо было репетировать, готовиться к выступлению. Прошли сутки, другие. Врачи сказали, что появилась какая-то надежда.

Наступил день спектакля. Я сказал дома: «Если что-нибудь произойдет, скажите мне». Сажу, гримируюсь, до выхода на сцену остается меньше часа. И здесь прибегает мой племянник и говорит: «Марис, бабушка умерла...» Через тридцать минут я вышел на сцену. Танцевал и все время видел в первом ряду свободное кресло (билеты для мамы и всех родственников я купил заранее)... Потом друзья говорили, что был замечательный спектакль, но я-то знал: это не так. Я был переполнен горем, но не мог говорить о нем, изображая Альберта.

Рассказываю это только потому, что убежден: нельзя реальную жизнь выдавать за искусство. Любые подмены и комбинации обречены здесь на провал.

...Во все свои роли я по-настоящему вживаюсь во время спектаклей, на публике. Когда-то очень много репетировал, но потом понял: на репетициях во мне не возникает новых эмоциональных порывов. И тогда совершенно сознательно стал оставлять внутреннюю душевную работу до спектакля, потому что именно тогда, под влиянием вдохновляющего ожидания зала, во мне рождалось искреннее, освобожденное от всех защитных оболочек чувство, одушевляющее любое мое движение.

Я против такого метода, когда совершенно рационально, месяцами ищут, например, как уйти со сцены. Это неестественно, а значит, неправильно. Конечно, надо владеть пластикой, формой, нужно продумывать каждый жест, но искать месяц позу нельзя! Такая работа превращает актера в механизм, который не в состоянии тронуть сердце зрителя.

Если по действию мне не нужно быть на сцене, я не хожу смотреть в эти минуты своих коллег. Не трачу себя эмоционально. Хотя в принципе было бы интересно увидеть, как, скажем, Жизель танцует вариацию или как проходит монолог Джульетты. Но никогда не задерживаюсь за кулисами. Закрываю в своей комнате и слежу только за музыкальной канвой спектакля, которая так за тактом приближает меня к тому моменту, когда вновь войду в действие. Я отдыхаю для того, чтобы сохранить первичность восприятия и логику чувств...

Помню, в первые мои годы в Большом театре танцевал с Ольгой Васильевной Лепешинской в «Дон Кихоте». И она, уйдя со сцены, сразу шла к себе. Теперь-то понимаю: она использовала минуты отдыха, чтобы в следующем своем выходе быть ярче, острее, вдохновеннее. Я же в то время бегал в первую кулису смотреть, как танцуют другие...

В театр прихожу часа за два до начала спектакля, а то и раньше. Гримируюсь сам и всегда по-разному. Не могу

заранее сказать, какой, например, цвет буду использовать для век сегодня: синий, зеленый, серый или красноватый. Это картина, которую надо заново рисовать каждый раз. Затем надо внутренне настроиться, физически разогреться. Леонид Михайлович Лавровский советовал мне даже распеваться перед спектаклем — чтобы острее ощутить музыкальную ткань. Я не уверен, что, когда танцуешь, внутри тебя звучит музыка. Скорее ты находишься в ней. Вся сцена, весь ее объем — музыка, и ты в ней живешь.

Танец — это производное от музыки. До того, как он возник, была мелодия...

Главным источником музыки в моем детстве были роля и граммофон. На граммофоне помню надпись «His masters voice» и рекламную картинку — сидит симпатичная такая собака и слушает музыку... У нас было много пластинок, да и отец часто пел арии, которые он не смог исполнить в театре. Видимо, музыкальность отца в какой-то степени перешла ко мне. Во всяком случае, никаких проблем с ритмом или слухом у меня никогда не возникало.

Я люблю классическую музыку, люблю заколдованную неподвижность и немоту зрительного зала. Одновременно ощущаешь и соединенность с сотнями людей, которые находятся рядом, и особенное, проникнутое высоким достоинством одиночество: ведь в эти мгновения ты живешь в своем, никем и ничем не искаженном мире. Это минуты единственного в своем роде внутреннего творчества, которое не сравнимо ни с каким другим наслаждением. В драматическом театре ты должен следить за действием и чувствовать в основном то, что предлагается тебе в довольно жесткой программе. А на симфоническом концерте такой программы нет. Никто не говорит со сцены: «Я люблю!» или «Я ненавижу!» Музыка свойственна большому обобщению мысли и чувств, нежели драме. И это свойство роднит музыку с балетом.

Для меня музыка неразрывна с пластикой. Я должен видеть лицо пианиста, руки дирижера, пальцы оркестрантов... Помню, как в Риге стремился попасть в Домский собор на концерт органной музыки. И потом был страшно разочарован. Не видел исполнителя! Лишь когда концерт окончился, смог смутно различить склоненную в поклоне голову органиста. Я только слушал музыку, но не видел, как она рождается, не ощущал во всей полноте сам процесс сотворения музыки...

В последние годы я выступал не только в балете. Снимался в драматических ролях в кино и на телевидении и даже пел — фирма «Мелодия» выпустила мою пластинку... Мечтаю, что когда-нибудь в драматическом театре или в кино сыграю настоящую трагическую роль в пьесе Шекспира, Чехова или Толстого...

Всегда волнуюсь, выходя на сцену, потому что мною двигает жажда высказаться, жажда общения, а не стремление продемонстрировать свою технику. Выход на сцену — будь то в балете или в драме — всегда остается выходом на сцену. Хотя, конечно, когда я не смогу танцевать, буду тосковать о балете... Буду вспоминать «Жизель», мгновения, когда главные события уже позади, звонит колокол, ты лежишь на сцене, чувствуешь, что спектакль прошел удачно, и думаешь: какое счастье жить в этом созданном театром мире... И не вспоминаю даже, а тенью вспоминаю наплывает то детское и до сих пор волнующее меня ощущение — запах зимнего утра и земляники под снегом... И встаешь, легкий, просветленный, и тебе совсем нетрудно играть финал, потому что в этот миг ты находишься в удивительной близости к истине мелодии, истине танца.

Записал Андрей БАТАШЕВ

В наше время товарищеские международные матчи редко собирают полные стадионы. Тогда только, когда очки нужны позарез, чтобы пройти дальше, а потом еще дальше, на самый-самый верх—эта надежда нас не покидает,—только тогда горячка. Да и то не всегда—надо, чтобы и соперник был титулован. Такой уж сейчас практичный, конкретный в футболе век: очки превыше игры. Всегда ли? Все-таки не всегда.

Вот и в этот теплый московский вечер, когда у нашей сборной был несильный соперник и она лишь загодя готовилась к чемпионату Европы, на трибунах было людно, и они разноголосно шумели, взрывались, охали, изумлялись: Свят Катков, в двадцатый раз выступая за сборную, снова подтверждал свои права, ему словно было мало того, что все и всюду, по крайней мере у нас, его безоговорочно признали. Он открыл счет в этом матче, а в начале второго тайма вывел на ударную позицию хавбека Поспеева, своего постоянного партнера в «Звезде», и тот забил красивейший гол.

Но мы все в ложе прессы наверху лужниковского стадиона дружно ахнули: едва судья поставил мяч в центральном круге, как у кромки поля появился мальчишка с номерами на щитах—тренер менял именно Свята, вот уж чего никто не мог объяснить. Мало того, Каткова менял его одноклубник, впервые надевший футболку сборной.

— Ну, что за номера?!—возмутился кто-то, требуя ответа.—Новичку-то было бы легче со Святом.

Тогдашний тренер «Звезды» Савельев, окрыленный или ослепленный победой в Кубке, вдруг решил посадить на скамейку запасных тех, кто определял игру команды и, по сути, вел ее,—старшего Каткова и Соснору. Сергею Каткову уже было за тридцать, Соснора приближался к этому критическому по футбольным меркам возрасту. К тому же отношения между тренером и этими ведущими игроками сложились так, что Савельеву не терпелось поскорее избавиться от них, доказать, что кубковой победой «Звезда» обязана не столько им, сколько его тренерской квалификации. Он, конечно, понимал, что без них на поле будет нелегко, но ему просто изменила выдержка.

В тот день объявление составов на предстоящую игру прошло в какой-то настороженной и мрачноватой обстановке. Впрочем, для Брайко слишком многое было вообще в новинку, и потому он сперва ничего необычного в настроении тренера и товарищей не заметил.

Когда же Савельев бесцветным голосом произнес его фамилию, Алеша готов был провалиться сквозь покрытый линолеумом пол: футболистов, которых он и Поспеев заменяли, молодежь боготворила—невозможно было представить себе «Звезду» без них, и в мечтах Алеша надеялся только на то, что именно старший Катков и Соснора сделают его дебют счастливым.

А тут еще вратарь Неуронов, обычно неразговорчивый, хмурый, вдруг попросил:

— Покажите хоть его, новенького-то.

И Алеша, не дожидаясь приглашения тренера,

смущенный, побледневший от волнения, да еще от необычности своего дебюта, не встал, а словно взметнулся, и смотрел он не на вратаря, пожелавшего его увидеть, и не на тренера, доверившего ему столь многое, а на одного их тех знаменитых футболистов. Он не ждал ни поддержки, ни сурового взгляда,—он и сам не знал, что с ним происходит.

Старший Катков, видимо, посчитав себя в чем-то обязанным, вдруг улыбнулся, подбадривая юношу. А тот, побелев еще больше, быстро отвел взгляд в сторону, и потинки запрыгали на лбу, на светловатых бровях.

Но все-таки ярче Алеша помнил не эти минуты, хотя они сыграли в его судьбе важную роль, а то, что произошло чуть позже, уже в коридоре. Он видел, как остановились два брата. Слов, которыми они обменялись, Алеша в своем волнении разобрать не мог, однако не мог и уйти, застыл в пяти шагах, опять не ожидая ни поддержки, ни упреков, хотя и то и другое принял бы безоговорочно. И вдруг, разорвав весь его мир,—решительные и твердые слова, обращенные к нему:

— Иди, готовь себя к игре. Твоя судьба зависит от нее. Не от меня.

Алеша не сразу понял смысл этих слов: судьба зависит и не от него самого, а от того, какой окажется сегодняшняя игра,—когда же понял, то едва не побежал к тренеру, чтобы попросить его о том, что могло означать лишь отступление в самую важную минуту.

— Иди, готовь себя к игре,—повторил старший

Продолжение на 30-й стр.

а первого гола не было...

Валерий ВИНУКОВ,
Борис ШУРДЕЛИН.

РАССКАЗ

— Не скажи,—ответил я,—это неспроста.

— Да глупость какая-то.

— Вот и Алексей Брайко дорос до сборной,—продолжал я.

— Можно подумать, ты в это верил,—возразили мне.

— Верил.

— Сейчас все объявят себя пророками. Смолев—первый, кто следующий?

Брайко между тем вошел в игру так, словно с десяток матчей сыграл за сборную.

— Верил,—упрямо повторял я,—потому что его дебют в высшей лиге состоялся на моих глазах. И вы все об этом знаете.

— О чем ты?

— Так вы ж не дадите досказать.

— А Свят замешан?—Моих соседей разбирало любопытство, и я не стал хитрить, а честно признался:

— В том-то и дело, что, не будь Свята... не будь Свята, в футболе не было бы и Брайко.

— Но они же ровесники?

— Почти. Свят на год старше и на полгода раньше дебютировал. Но все равно. Знаете,—я даже оживился,—это удивительно—я только сейчас подумал: Брайко тогда поддержал не кто-то из старших, а такой же мальчишка, как и он сам.

Я снова все видел перед собой. Спустя столько лет...

И пусть меня не очень-то внимательно слушают—игра ведь идет, но я расскажу об этом, хотя бы самому себе.

Семнадцатилетний Брайко появился в «Звезде» одновременно со своим земляком, двадцатилетним Поспеевым. О Брайко знали лишь специалисты, занимавшиеся юношеским футболом, да кое-кто из журналистов. Поспеев же, хоть и играл до приглашения в «Звезду» в командах рангом пониже, уже успел заявить о себе во многих отношениях, и не только на футбольном поле.

Рисунок Марины ПИНКИСЕВИЧ

секреты древнего мастерства вологодских умелиц унаследовали молодые художницы. Среди них — лауреат премии Ленинского комсомола Галина Мамровская.

Давно это было, недавно ли? Падают на землю плавные снежинки, падают, кружатся, а в доме у окошка постукивают коклюшки.

*То не лебеди летят над берегом,
То не снежинки водят хоровод.
То меж пальцев вьется,
вьется нитка белая —
То девочка кружево плетет...*

Давно ли, недавно ли? Как сто лет назад, мягко шел за окном снег, рождая вдохновение и легкость в руках кружевниц, так и ныне. Не поддалась годам волшебное искусство, нет старости у красоты. В Вологде, в светлых цехах «Снежинки», особенно ясно это.

Слава вологодского кружевного объединения поистине безгранична: на каких только языках нет записей в книге отзывов! «Если бы мы остались здесь еще некоторое время, мы начали бы слагать стихи», — под этими словами друзей из ГДР могли бы подписаться все гости «Снежинки»!

Говорят, от судьбы не денешься. И все-таки лет десять назад Галина Мамровская ни за что не поверила бы, что ее призванием станет именно вологодское кружево. В Московском художественно-промышленном училище имени М. И. Калинина выбор велик: хочешь, наследуй и развивай мастерство елецких кружевниц, хочешь, посвяти себя кружеву вятскому, хочешь — киришскому или рязанскому... Поначалу так и вышло — после учебы стала Мамровская работать в Рязанской области. Но однажды приехала она в Вологду.

А каждый, кто приезжает сюда, непременно спрашивается: где магазин «Вологодские сувениры»? На улице Ленина, отвечают ему, и гость, затаив дыхание, приоткрывает дверь в белоснежное царство. Сделала так когда-то и Галина — с восторгом и испугом за свое неумение переступила порог магазина. Возможно ли, чтобы она — она! — увидела, сотворила в своем воображении вот такое? Кажется, будто не руки человеческие запечатались, воссоздали пригрезившееся чудо, а сама природа подарила людям это застывшее мгновение своего величия. Возможно ли?

Давно это было и недавно. Не сразу привыкла Галина к новому городу, к иному ритму и ощущению жизни. Прежде чем работать, создавать что-то свое, нужно было уловить душевный настрой северян. Ведь кружево, как и всякое произведение искусства, вбирает в себя суть человеческой души, ее лучшие, самые возвышенные устремления; оно по-младенчески безоблачно и откровенно, очищено от каждодневной шелухи и прозаичности, оно пронзительная песня о красоте, неповторимости и счастье жизни...

Вологодская область занимает в РСФСР первое место по выпуску кружев. Созданное в 1968 году, объединение собрало вокруг себя почти шесть тысяч кружевниц-надомниц, в нем 45 кружевных участков, расположенных порой за сотню километров от областного центра. Кружево, выполненное по индивидуальным и серийным образцам (воротники, манжеты, пелеринки, косынки), принимается объединением и продается в специализированном магазине.

Долгая слава у вологодского кружева! Еще в 1876 году оно получило признание на международной выставке в Филадельфии, в 1893-м — в Чикаго. Золотыми, серебряными медалями и дипломами с выставок в Монреале, Москве, Осаке, Нью-Йорке, Брюсселе, Париже отмечен его нынешний век. Но как не просто творится эта слава! Ниточка за ниточку, коклюшка о коклюшечку, и так изо дня в день, из года

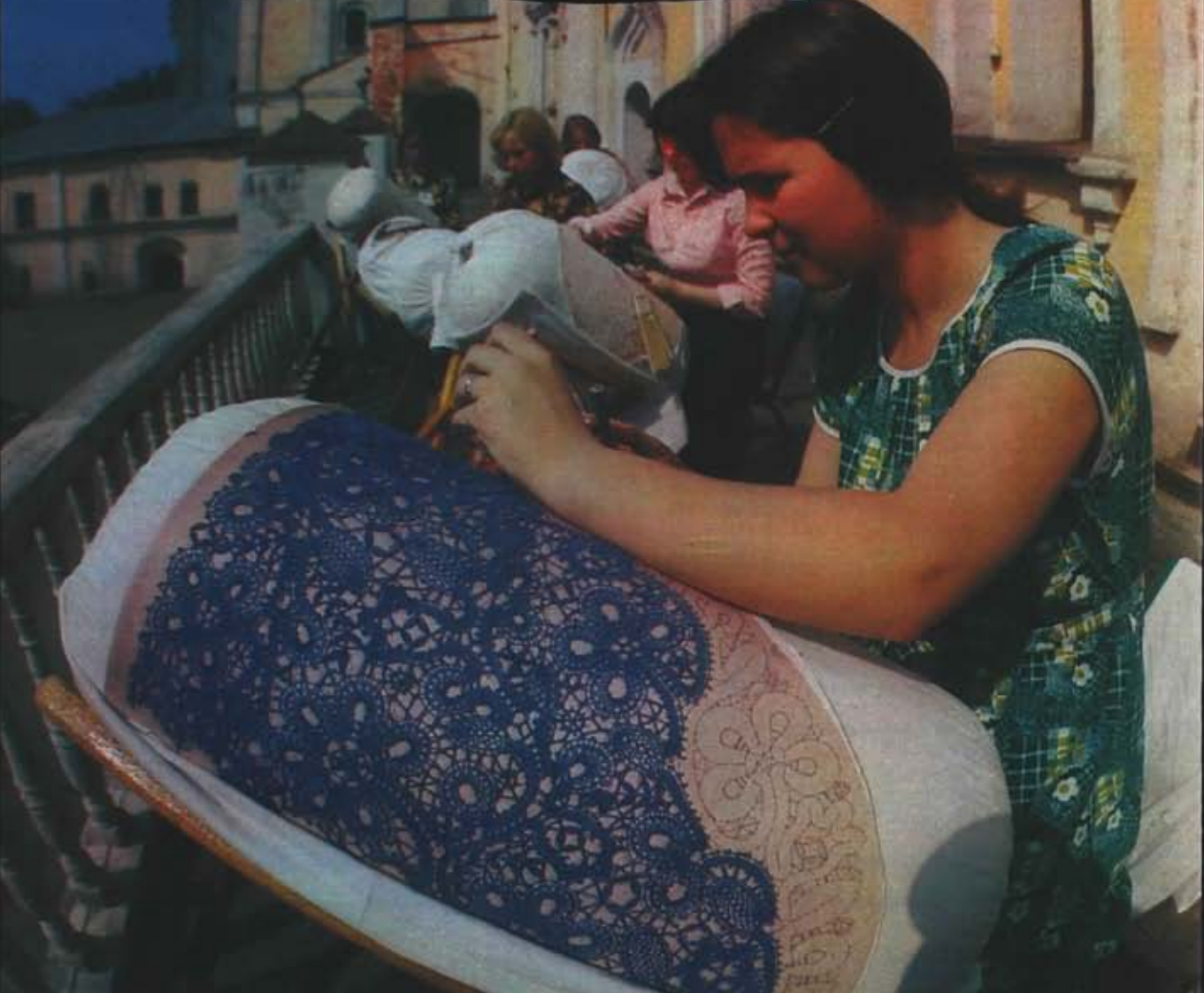
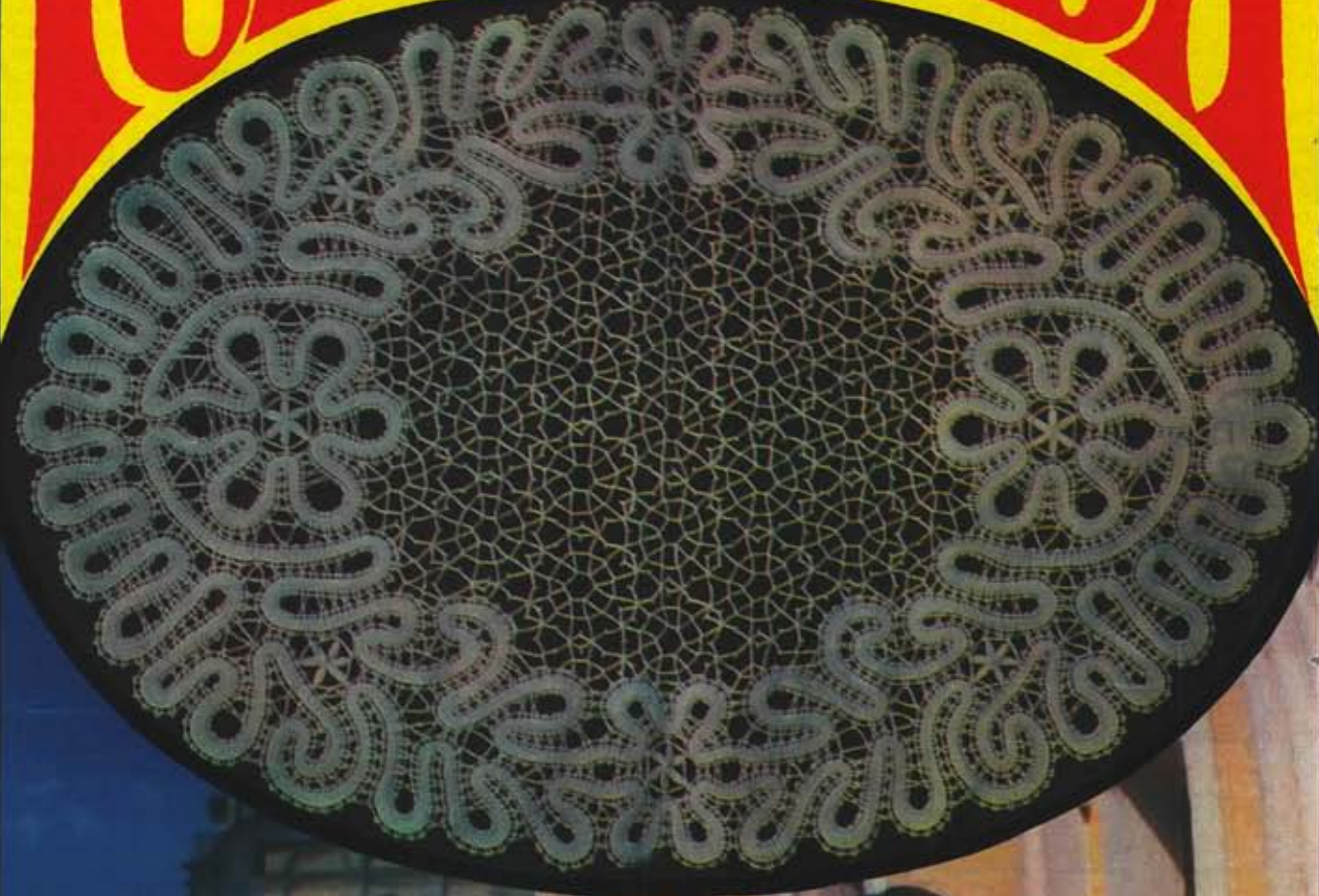
Как это делается...

Нина ВЕСЕЛОВА,
участница VII
Всесоюзного совещания
молодых писателей.

ВОЛОГОДСКИЕ

Фото
Сергея ПЕТРУХИНА

КРУЖЕВА

в год. Кружатся за окном долгой песней снежинки и словно оседают на белой подушке-валике нетающим инеем. Давно ли, недавно ли? Пройдите по старым кварталам Вологды, полюбуйтесь в окошках деревянных особнячков, как склонились над вязаньем, ловя короткий зимний свет, мастерицы. Их руки легко и быстролетно перекачивают коклюшки: вересовые или кленовые, еловые или камышовые; последние очень легки, а брякучие самые — из калины. Вы знаете, как поют коклюшки? Как струйка тонкого ручейка в лесу. Как апрельская капель. Как градинки — о хрусталь. Каждый, кто их услышит, по-своему скажет. А мастерице свое слышится. Песня долгая, сдержанная, как чувства северян. О горечи и страдании ли, о любви или озорстве и балагурстве — она вплетается незримой нитью в кружево и навеки становится неразлучной с ним, врачует душу того, кто вглядывается в узор, кто пытается разгадать его немолчную красоту...

рые могли поглотить, подернуть забвением никем не зарегистрированные «открытия» безымянных мастериц. И Галина, обдумывая новые работы, постоянно обращалась к помощи музейных хранилищ и художественных фондов, пытаясь уловить ход мысли давних мастериц в особенностях и затейливости их рисунков.

Что издавна было характерно для вологодского кружева? Резкое деление на фон и рисунок. Фон — это ажурная сеточка, прозрачная решетка, усеянная звездочками — снежинками. А по ней — рисунок, плетение ровной по ширине плотной тесьмой-полотнянкой. Она извивается, изгибается в виде узоров, похожих на розетки, веера, гребешки, подковы. Рисунки кружев имеют старинные названия: денежка, паучок, пуговка, березка... Неограниченный простор для человека, способного видеть в окружающем чуть больше, чем остальные.

Таким — необычным для прозаического взгляда — привиделся Галине Мамровской старинный русский хоро-

**ДОЛГАЯ СЛАВА
У ВОЛОГОДСКОГО
КРУЖЕВА!
НО КАК НЕ ПРОСТО
ТВОРИЛАСЬ
ЭТА СЛАВА!
НИТОЧКА
ЗА НИТОЧКУ,
КОКЛЮШКА
О КОКЛЮШЕЧКУ —
И ТАК ИЗО ДНЯ
В ДЕНЬ,
ИЗ ГОДА В ГОД,
ИЗ ВЕКА В ВЕК...
И НЫНЧЕ
МОЛОДЫЕ МАСТЕРА,
ОБДУМЫВАЯ
НОВЫЕ РАБОТЫ,
ПОСТОЯННО
ОБРАЩАЮТСЯ
К ПРЕКРАСНЫМ
РУКОДЕЛЬЯМ
ДАВНИХ МАСТЕРИЦ.**

Песенная Вологодчина — с деревянным кружевом на древних особняках, с ажурными крестами на маковках церквей, с волшебными узорами на морозных стеклах — незаметно и властно стала близкой и понятной Галине Мамровской.

И появились первые эскизы, первые наброски молодой художницы. Наряду с серийными работами она, как и все, создавала эскизы выставочных изделий, тех, которым суждено было ниспослать успех и славу не меньшую, чем у ее опытных коллег. Сегодня имя Мамровской значится в каталогах всех крупных художественных выставок в нашей стране и выставок советского искусства в Финляндии, Венгрии, Монголии, Чехословакии, Польше, Румынии, Югославии. В 1977 году Мамровская стала членом Союза художников СССР, а в минувшем — лауреатом премии Ленинского комсомола.

А давно ли было начало? Уже в 1974 году, через два года работы на Вологодчине, она создала одно из значительных своих произведений — панно «Вологодские частушки». Оно экспонировалось тогда на выставке «Советский Север» и показало, как тонко почувствовала и усвоила художница особенности вологодского кружевоплетения. В нем звучало, искрилось юмором и поныне не утраченное в глубинках области мастерство былых частушечников, подковыристых и беззлыхных, разудалых и неустанных.

Панно это и для зрителей и для самой художницы было подтверждением пропущенной через сердце истины: искусство кружевниц, уходящее корнями в давнее прошлое, должно развиваться в направлении, веками проверенном, — в национальном стиле. Попытка в тридцатые годы «обновить» старинный промысел показала, что отказ от традиций мстит за себя появлением безвкусицы, вычурности. Значит, двигаясь вперед, надо постоянно вглядываться и в те десятилетия, кото-

вод, который до сих пор радует зрителей на областных смотрах художественной самодеятельности. Скатерть «Хоровод» на первый взгляд воспринимается просто как причудливые извивы полотнянки на ажурном фоне. Чтобы раскрылся ее замысел, зритель должен включиться в процесс сотворчества, пристально и заинтересованно вглядываться в узорные перевивы. Нет, не случайны они, не досужий это вымысел! У них свой танец, своя музыка: построены они на игре двух матрешек, одна повыше, другая пониже, матрешки повторяются, словно кружат в переплясе, и вы, неназойливо втянутые художницей во всеобщий хоровод, вдруг понимаете, что давно уже кружитесь вместе с ними.

В этом и состоит мастерство в построении рисунка. Он не должен распахиваться сразу, весь, он должен иметь как бы второй пласт восприятия, более глубокий, богатый, который разворачивается во времени медленно, постепенно и манит к себе, как тайна. А потом — долгие поиски, бесчисленные наброски, отказ от решений, которые казались окончательно верными. Фантазия человеческая неисчерпаема, она способна творить чудеса, когда автор неутомим и неустанно требователен к себе. Этот золотой принцип унаследовала Галина от главного художника объединения Виктории Николаевны Ельфиной. На третьем году работы в «Снежинке» ей пришлось вместе с Ельфиной трудиться над эскизом к панно «Праздник». Тридцать семь мастериц-кружевниц выполняли эту сложную композицию, посвященную 30-летию Победы советского народа над фашистской Германией. В орнаменте из цветов на фоне салютных сполохов под долгие побрякивание коклюшек вырисовывался увиденный художницами силуэт Родины-матери, в русском наряде, со вскинутыми руками, в которых, как солнце, орден Победы.

Работа над «Праздником» позволила

Мамровской вплотную соприкоснуться с творчеством опытного мастера. Как-никак, а начинала Виктория Николаевна не здесь, а в «глубинке», была у самых истоков кружевоплетения — когда-то заведовала производством в кружевной артели в селе Новленском, ездила по деревням, собирая изделия от надомниц. С какими только искусницами она не встречалась, о чем только их не расспрашивала! Видела: в самых дальних и тихих деревушках живо и упорно, как родник, пробивает себе дорогу тяга к прекрасному. Древнее искусство требовало обновления традиций, умелого сочетания старых, испытанных материалов, чаще всего льна, с новыми. Восторг в Генуе и Монреале, в Познани и Париже вызвала скатерть Ельфиной «Снежинка», потом Монреаль тепло встречал скатерть «Вологжанка», в которой соединились нитки цвета тополиных ветвей с другими, оттенка золотой пыльцы на пушистых шариках вербы...

Не проходит даром такое творческое общение. Когда работали над следующим панно — «Россия», — объединили усилия четырех лучших художниц — В. Н. Ельфиной, В. Д. Веселовой, А. Н. Ракчевой и Г. Н. Мамровской. Каждая пыталась увидеть будущее произведение целиком, каждая делала эскизы, и лучшим был признан вариант Мамровской. «Россия» — одна из работ, выдвинутых на соискание премии Ленинского комсомола. Здесь в лучших национальных традициях предстает облик страны, давшей расцвет многим народам. Россия — это жизнь, это дерево, дающее прекрасные плоды сотрудничества национальностей, а потому и в центре панно — дерево, в кружевных извивах-ветвях которого как бы, создавая второй пласт восприятия, проступают гербы союзных республик. В 1977 году панно это украшало один из павильонов ВДНХ.

Младенческая первозданность кружева сродни открытым и добрым

русским сказкам. Давно ли вы их перечитывали? Художница Галина Мамровская — недавно. Она живет в этом сказочном мире. Или он в ней? Она постоянно вслушивается в то, что происходит в ее душе. Где же то словечко в сказке, где та ниточка, потянув за которую увидишь, как вся сказка засверкает волшебным калейдоскопом и из божественной словесной вязи возникнет вдруг причудливая и звонкая кружевная песня? Где же то заветное словечко, где?

Долгими раздумьями, вглядыванием в текст сказки глазами художника начиналось рождение скатерти «Аленький цветочек». От чего оттолкнуться, чтобы решить композицию, чтобы выдержать ее в светлом, оптимистическом звучании? Ответ всегда там же, в самой сказке. Восемь дней дожидалось чудище свою возлюбленную — восемь рапортов (повторений) по кругу скатерти, и в каждом — чудиче и добрый молодец, расколдованный силой любви. Все это венчается цветком — аленьким цветком — в центре скатерти, солнечными и радужными его переливами... И снова обращение внутрь себя: динь-динь-дон, динь-динь-дон, «жил-был славный царь Дадон...». Какой должна предстать «Сказка о золотом петушке» в искусстве кружевоплетения? Что родится в светлых цехах под светлый перезвон коклюшек? Динь-динь-дон, динь-дон. Это должно быть солнечное небо! И купола в нем! И — словно перезвон колоколов в древнем сказочном городе, в голубой небесной тиши. Вглядитесь, вслушайтесь в эту кружевную «Сказку», и вам обязательно пригрезится этот перезвон.

Что-то было недавно, что-то было давно...

А в светлых классах училища кружевниц Галина Мамровская передает нынче свое умение и восприятие жизни молодым девушкам...

Нет и никогда не будет старости у красоты.

а первого гола НЕ БЫЛО...

Начало на 27-й стр.

Катков, и это уже было безусловное приказание, которому Алеша обязан был подчиниться.

А я-то помню: «Звезде» выпал тяжелый, изнурительный матч. Она снова превратилась в команду тех времен, когда поражения словно искали ее, хотя выпадали порой вовсе не по игре. Старались все, но это старание было работой, а не игрой. И омоложение состава не привнесло свежести. Напротив, исчезла недавняя размашистость, исчезла та неожиданность решений, которые так украшали игру «Звезды» в последних матчах.

Брайко же, выдвинутый по тренерскому плану вперед, скоро затерялся среди чужих защитников, хотя и пытался спасти свой дебют: он быстро сообразил, что успех придет, если он сумеет включить себя в то, что замыслили и пытались провести младший Катков с партнерами. Но именно этого ему не позволили опытные соперники.

Он старался изо всех сил, и старание его не могло остаться безрезультатным, таков уж закон футбола: он первым заставил стадион громкоголоса зашуметь, трибуны словно взорвались, но затем негодующий стон прокатился над полем.

Алеша удачно выбрал время для рывка. Удачно в штрафной площадке встретился с мячом, посланным младшим Катковым из глубины, удачно и мощно ударил по мячу. Он все сделал хорошо. Мяч летел под перекладную. Вратарь, откидываясь гибким телом назад, попытался, он уже миновал линию ворот, когда мяч с силой ударился в его ладони и отвесно скользнул вниз, ему под ноги, опустился на землю за линией ворот и отскочил в сторону.

Гол?

В ту минуту я был уверен, что это был гол.

Брайко же упал на колени, но взгляд его не упускал мяча. Более того, он ждал, что бросятся к нему товарищи по команде, будут поздравлять, тормошить, увлекут в центральный круг...

Однако никто не появился рядом с ним.

Вратарь второпях выбил мяч за боковую линию. Футболисты обеих команд окружили судью. Началась нередкая в таких случаях толкотня. Кто-то раздосадованно кричал, кто-то порывисто схватил судью за рукав. Как и положено, это могло кончиться желтыми или красными карточками. Но на этот раз — все не так. Страсти разбил резкий и неожиданно властный голос младшего Каткова:

— Да бросьте вы! — Свят не уговаривал своих товарищей, он вдруг начал командовать — вот чего не мог ожидать Алеша. — Забьем еще!

Легко сказать, но игра-то между тем все равно не хотела идти, а вскоре на зеленый газон посыпал мелкий дождик.

В самом конце тайма Катков все-таки забил свой гол: послать мяч мимо ворот он не смог бы и при всем желании — такой отменный пас выдал ему Поспеев, старший дебютант.

А в перерыве, в теплой и полной свежего воздуха раздевалке, тренер еще и сказал:

— Судья правильно не засчитал гол.

Конечно же, он сказал так, чтобы снять возбуждение у футболистов. Но Алеше от этого не было ни легче, ни проще. Он не мог поверить, что его настоящий первый гол в высшей лиге так и не станет его действительным первым голом. Он долго и терпеливо готовил себя к вступлению в большой футбол, — сейчас же ему казалось, что все рухнуло.

Растерянно смотрел он по сторонам и, не видя своих товарищей, то опускал голову, пряча лицо на груди, прижимая подбородок к мокрой футболке, то вскидывал голову, словно не веря ничему, но в действительности-то знал, что все так, а не иначе, и что первый его матч обходится без гола, без того, к чему он себя готовил столько долгих лет...

А в судейской комнате арбитр и его помощники никак не могли найти то первое и самое верное слово, которое сняло бы с них напряжение: все трое прекрасно понимали, что допущена грубая, несправедливая ошибка.

Позвякивали ложечки в стаканах.

За дверью жужжала толпа — в холле всегда собираются знатоки или те, кто считает себя таковыми. Наверняка только и разговоров, что о судейской ошибке.

Не вытерпел тот помощник, который был возле

уголового флажка и мог бы договоренным жестом подсказать судье, что мяч миновал белую линию ворот:

— Переживут. Да и Катков...

— Что — Катков? — встрепенулся арбитр.

— Этот лихач все равно еще забьет.

— Утешил? Ты ж не понимаешь, в чем дело. А этот мальчик? Он же сегодня дебютирует! Мы украли у него первый шаг. Я — украли! Знаешь, какие бывают трагедии из-за первого гола?

— Но, может быть, игра даст ему еще один шанс?

— Игра? Какая игра в такую погоду?

Они все казнили себя, но «Звезде» от этого не было легче: голы стали редкими, и рождали их в муках. Я только сейчас подумал: как же все-таки не повезло Брайко с матчем, в котором довелось дебютировать! Ведь могла быть совсем другая игра! Ведь у «Звезды» были незабываемые, звездные игры.

А тут, во втором тайме, игра той же команды стала натушной, игроки нервничали, ошибались, а гости хладнокровно шли вперед, навал следовал за навалом, заставляя вратаря «Звезды» творить чудеса в раскисшей грязи.

Так долго продолжаться не могло: «Звезда» пропустила бы гол или нашелся бы в команде такой футболист, который взял бы всю игру на себя, то есть возглавил бы команду так, как это умели делать и обычно делали те двое, чьих имен сегодня зрители не увидели на табло. На счастье «Звезды», случилось второе, и именно то, чего неосознанно добивался младший Катков: он стал и сердцем и мозгом команды. Приструнил одного, не пожалел упреков для второго, не побоялся задеть самолюбие третьего, одернул старшего новичка, на кого-то из своих сверстников раздраженно кричал, рывкнул на признанного игрока сборной. Одного лишь Алешу Брайко не тронул он, и, думаю, не потому, что не было повода, — просто Свят помнил об украденном голе и не посмел унижать новичка.

...А я вдруг ощущаю чувство этакой, свойственной спортивным журналистам, гордости: вот, мол, дебют Брайко на лужниковском стадионе — а я был свидетелем, выхожу, с самого начала. Истинны ради, правда, следует признать, что мои давнишние оценки или переживания были продиктованы не какими-либо безотчетными симпатиями, а тем, что произошло на поле.

Много можно вспомнить дебютов и ярких и обыкновенных, вроде не запоминающихся, таких, о которых теперь мы и знаем лишь потому, что сам мастер, став известным, про свой дебют, конечно, помнит и в каком-нибудь интервью рассказал журналисту, а тот — читателю. По одному матчу о будущем игроке не судим, даже по первому сезону не спешим судить. Как предвидеть обстановку, в которой окажется парень, — помогут ли, поверят ли в него тренеры и партнеры? А вдруг на его пути встанет нога какого-нибудь костолома и вычеркнет из футбола навсегда? Как заглянуть к парню в душу, узнать, что у него за этой душой — клад или пустота?..

Что меня заинтересовало или заинтриговало в тех новобранцах «Звезды»? Скажу честно: поначалу скорее всего то обстоятельство, что оба они из одного, и притом небольшого, шахтерского поселка. О Брайко я совершенно ничего не знал, и, если быть откровенным до конца, то до той минуты, когда судья по явной ошибке не засчитал его гол, мальчишка и не привлекал моего внимания, хотя тем, что мы называем футбольными данными, природа его не обидела, может быть, еще и щедра была к нему.

Гораздо любопытнее мне Поспеев — о нем я был наслышан, не одна команда приглашала его после армейской службы. Любопытен он был тем, что всей своей игрой заранее предупреждал: умею только это, только так, если нужен такой — выжимайте меня, если требуете того, чего не умею, — я не научусь.

А в Брайко жила надежда, в нем где-то было запрятано то, что позднее, если тренеры сумеют раскрыть, украсит и самого парня и его команду.

Разумеется, не сразу я пришел к этим выводам, не по одному матчу составил свое мнение, — но суть была в этом. Тем более что поведение Святы Каткова после этого матча заставляло призадуматься. Ведь сам-то он в своем первом матче умудрился забить три гола! Его слава вспыхнула, можно сказать, моментально.

В раздевалке после игры происходило что-то такое, чего Алеша — новичок — понять не мог. Да и не мог он думать о другом, потому что был занят только собой. А все ждали Соснону и старшего Каткова: зайдут они или нет? И, казалось, никому не было дела до его переживаний.

Вдруг влажная рука легла на Алешину голову. Взгляд его против воли метнулся снизу вверх, и вспыхнула надежда в этом взгляде, когда Алеша узнал человека, чья рука опустилась на его голову.

— Все будет хорошо, — сказал Свят и повторил столь же уверенно: — Все будет хорошо.

Алеша испытывал странное чувство. Ждал если не поддержки, то простейшего участия от тренера — ведь тот совсем недавно, беседуя с юношей, когда он приехал на базу команды, несколько раз мягко и дружелюбно потрепал по плечу, — или от кого-то из более старших, игравших сегодня, от того же Неуронова, пожелавшего взглянуть на новичка, — но никак не от почти ровесника.

Алеша пришел сюда без друзей и не требовал, чтобы они появились в первый день. Но день-то был каким! Пусть он прошел не так, как проходил в матчах, но он все равно был, и его не зачеркнуть. Никогда и никому.

Алеша даже не сразу понял, что Свят Катков приглашает его к себе домой: поезд в шахтерский поселок пойдет только рано утром, ночь в общежитии была бы мукой — в одиночестве, в переживаниях.

Позднее, вспоминая тот вечер у Катковых, Алеша с удивлением пожимал плечами: ни об игре, взволнованней весь город, ни о голах, взбодоражившем зрителей, ни вообще о футболе никто и слова не сказал. И хотя Алеше всю ночь снилась игра, проснулся он совершенно раскрепощенным, словно никакой драмы накануне и не произошло. Однако это было лишь внешнее впечатление: все равно он только и думал о прошедшем матче, ведь сам старший Катков сказал, что судьба зависит именно от игры, а коль так, нужно всю эту игру многократно прокрутить в памяти.

Утром Свят еще более удивил Алешу.

— Не торопись на поезд. Я отвезу тебя. Брат соизволил уступить мне машину. На один день. Странно, что без скрипа. Обычно отрезает — и всё. Нет, что ты! Я хорошо вожу машину. Не лучше брата — но хорошо.

В то утро Алеша не задавал себе вопроса, зачем Святу Каткову понадобилось тащиться в шахтерский поселок, утонувший в зелени и в рыжей пыли, который и встретил-то их сухим степным ветром, словно гнавшим из поселка вниз, к серому пруду, пыльные облака, одновременно пригоняя столько же пыли из желтой, засыхавшей степи.

Но для Алеша здесь был дом — крашенный зеленой краской забор, яблоньки с еще неспелыми плодами, пахучие флоксы вдоль белой стены, выложенное красным кирпичом крыльцо, топот босых ног навстречу и звонкие, радостные голоса сестренки:

— Алеша приехал! Алеша!

А чем этот мир был для Святы? Вопрос этот задал себе Алеша много позже, но и тогда, в солнечный, жаркий день, приехав домой после своего первого выступления в высшей лиге, он больше думал о Святе, чем о себе, потому что где-то в подсознании понимал, какой ему шаг навстречу сделал этот парень, уже прославившийся за полгода своей игры.

— Мама, это Катков. Я рассказывал о нем.

— Я думала — он постарше.

— То его брат постарше.

— Мы ждали тебя ночью, Алеша. Как всегда. Потом решили, что ты не приедешь. Дела ведь у тебя должны быть? Батка на рыбалку пошел. Выходной у него сегодня как раз...

Вдруг из-за перегородки — голоса сестры, прикованной к постели:

— Алеша.

А он с тревогой взглянул на своего спутника. Раздвинул простенькие портьеры.

— Здравствуй.

— С кем ты приехал?

— С кем? С товарищем. Мы вместе... в одной команде. Он в основном составе. Это — Катков. Святослав. Ты видела по телевизору.

— Тот, который в каждой игре забивает?

— Ну да, тот.

— Покажи его.

Алеша опять с тревогой посмотрел на Святы. Хорошо, что Свят легко отстранил его:

— Я покажусь сам.

— Он такой же, как по телевизору, — решила сестра.

— Здравствуйте. — Свят всегда удивительно спокоен на людях. Он и с вопросом Алешиней сестры справился как-то легко, будто ко всему на свете готов.

— Алеша ведь тоже в основном составе?

— Да, — сказал Свят.

— А разве правильно, что его гол не засчитали?

— Нет,— твердо ответил Свят.— Неправильно. Алеша не удержал свои пальцы, и они сжали локоть Свята. Портьера вздрогнула— и комнаты с цветастыми подушками не стало.

— Ей хуже,— сказала мать.
— Ничего, мама, я найду доктора, который поставит ее на ноги.

Свят сел на старенький, крепкий диван.
— А Поспеев далеко живет?
— Рядом,— поспешил Алеша.
— Не надо говорить, что мы приехали.
— Так все равно узнают,— возразил Алеша.— Тут никуда не спрячешься.

Застрекотал под окном мотоцикл. Кому-то что-то сказала Алешина мать. Задиристый мальчишеский голос ответил ей. Опять треск мотоцикла.

— Сейчас батяка приедет,— сообщила мать, заглянув в тесную гостиную.

Алеша пошел вслед за ней на кухню. Он знал свои обязанности в семье и вовсе не хотел уклоняться от них. Одного он не хотел, чтобы Свят догадался. Отдавая матери половину своей заводской зарплаты, он тихо сказал:

— Мама, я назад не возьму.
— Ну, сынок,— сразу же возразила мать,— лучше бы себе что купил.

— Мне много не надо.
— Да мы как-нибудь и без тебя... Тебе ведь самому надо, сынок.

Алеша вздрогнул, услышав насмешливый и сипловатый голос с крыльца:

— А нашего лобуряку не привезли?
— А разве он не приехал ночью?— Голос Алеша предательски подрагивал: он-то ведь знал, что Поспеев просто загулял после такого удачного дебюта, он и после неудач не унывает.

— Ну, придется брать его за хвост да потрясти. Только много чего такого вывалится— вот лихо.

С этим человеком Алеша не умел говорить, поэтому поспешил к Святу.

— Ты извини, что оставил тебя одного.
— Ничего,— улыбаясь, ответил Свят.

— Это Поспеева его отец спрашивает. Сейчас спрашивает, а как пить без просыпа— так не спрашивает. С шахты за пьянку выгнали. Васе-то выпало— пока дома жил; сколько раз у нас ночевал: боялся пьяного батяки. Тот, когда пьет, не человек вовсе. А Вася... Вася что: он же веселится.

— Ты тоже хотел бы, как он,— веселья?
Такого вопроса Алеша не ожидал. Такого безжалостного.

— Веселья? Иногда хочется. Но я так жить не буду,— поспешил Алеша.— Мне нельзя так жить. Другим, может, и можно, а мне— никак нельзя...— Дальше он не хотел говорить об этом, быстро отыскал другое.— Ты не обижайся. Весь день будут приходить и приходить— всем ведь интересно.

— На нас посмотреть?— вдруг спросил Свят.
Алеша не успел ответить: в двери появилось рябоватое морщинистое лицо. Какая-то нескладная голова с нелепой прической у старого Поспеева. И опять он влезает туда, куда его никто не просит:

— Вот... Этого лобуряку я знаю. По правому краю мотаается. Московский, привозной.

Алеша растерянно пожал плечами, пряча взгляд от Свята: отец Поспеева спутал Каткова с другим футболистом.

— Да ладно, ладно,— продолжал старый Поспеев.— Вы там нашему лобуряку спуска не давайте— он баловливый у нас. А гол-то у тебя украли, украли! Наш Васек бы не стерпел, отторганил бы гол.

— Судья правильно не засчитал,— смущенно, но и твердо возразил Алеша.

Ответ явно не понравился, и нескладная голова скрылась за дверью.

— Всем интересно,— повторил Алеша.— Меня-то видели. А ты против? Но ведь им интересно, какой ты не по телевизору. Я не про Васиного отца, этот и меня спутает со столбом. Я про других... Понимаешь, они много работают, в шахте, работа у них— сам знаешь какая. И футбол— радость, отдых. Хоть на стадионе, хоть по телевизору.

За окном, по улице, взметая пыль, прогромыхал могучий самосвал, груженный огромными бетонными панелями.

— Не против. Пусть будет так,— ответил Свят.
— Хочешь спуститься в шахту?

— Давай спустимся.
Затарактел во дворе мотоцикл.

— Ну вот, батя. Интересно, что поймал? Бывает, устро на ставке просидит— и ничего.

Почему-то Алеша опасался не своей встречи с отцом— хотя наверняка отец по простоте начнет разговор о незасчитанном голе,— а именно встречи отца со Святом Катковым. Он быстро взглянул на

пожатие, которым они обменялись: ладонь Свята утонула в громадных припухлых пальцах отца.

— Я думал: постарше.
— То мой брат постарше.— ответил Свят, и от Алеша не ускользнуло, что Святу все просто-напросто любопытно.

— А ты, значит, тот, который гол забил в финале Кубка, да?

В ответ Свят кивнул.
— Ты уж меня прости,— вдруг признался отец,— я всю жизнь болел за тех, кому ты гол забил. Особенно когда там стал играть Соснора.

— Но теперь-то вы болеете за «Звезду»? Да и Соснора у нас.

— Нет,— не согласился отец, покачал головой.— Не уговорите. Понимаешь, в футболе каждый любит то, что он в силах понять. Есть такие команды, которых и не поймешь. Я вот вашу «Звезду» не понимаю. Наверное, ума не хватает: больно хитрые вы. А те играли... играют понятно. Мне— понятно.

— Но ведь Соснора,— осмелев, возразил Свят,— и тогда был хитрей всей «Звезды». Значит, вы его понимали?

— Любил. Как и все. Наверное, не понимал, а любил все равно. И воображал, будто понимаю.— Отец вдруг засмеялся, крикнул на кухню:— Ну, мать, будем варить уху! Рыба как чувствовала, что Алешка приедет,— шла и шла. И коропы даже. Хлопцы подмогут. Уха ведь— дело мужское. Женщин к ней и близко подпускать нельзя. А? Не так?

Алеша знал, что отец не посмеет спросить у Каткова о сыне. Сам не спросит, но и не захочет, чтобы Свят заговорил об этом. Потому что не верит пока в удачу сына: слишком она необыкновенна для шахтерского поселка. Но понимает ли он, что удача эта и в том, что с первого шага нет одиночества?

— Хорошо,— согласился Свят.— А потом поедим на шахту. Не со стороны поглазеть, а чтоб спуститься. Разрешат?

— Тебе?— Отец, насквозь просверлив Свята долгим, многозаботным взглядом, довольно кивнул.— Тебе разрешат.

— Спасибо.

— Только зачем вам это, хлопцы?— Отец еще и заулыбался, как всегда широко, обнажив бело-снелые зубы.— Делайте свое дело. Делайте его так, чтобы каждая ваша игра была праздником для нас. А мы— свое дело. Чтобы вы могли— свое. Мы для вас, вы— для нас. Давайте в другой раз?

— А если сегодня?— настаивал Свят.

— А я хочу, чтобы ты еще к нам приехал. Вот тогда и спустимся в мою шахту. Добро? Ладно, решили, так? А теперь— рыбу чистить. Ты уж извини, Святослав, но гостей будет полон двор— все уже знают, что ты приехал. Вы вот там играете, а не знаете, какими мы тут видим вас. Так что извини. И ухи мы наварим целый казан— чтоб всем хватило.

Алеша отвел глаза в сторону: отец нарочно подчеркивает, что сын еще ничего не сделал, еще ничего не стоит и не имеет права считать себя достойным всеобщего внимания. А если бы не было Свята, как вел бы себя отец? И не предвидел ли Свят, каким должен был стать этот день в жизни Алеша, не поехал ли сюда нарочно, чтобы подчеркнуть важность того первого шага, который сделал Алеша в большом футболе?

Спустя два года, рассказывая мне об этой поездке, Катков вдруг предстал таким, каким я никак не ожидал его увидеть. Он, который был старше Алеша на год, чувствовал и размышлял как сложившийся человек. То ли большой футбол, то ли жизнь без родителей так рано сформировали его личность. Не факты были главными в его рассказе, а мысли, которые он формулировал удивительно точно. Сейчас они словно слились— так мне кажется— с моими собственными.

Футбол не существует сам по себе. Он— это судьбы. Не только судьбы команд— великих и безвестных. Не одни футбольные судьбы. Каждая футбольная судьба— лишь внешнее проявление. Лишь слепок с человеческой судьбы.

Вот почему Свята так волновало, какой станет судьба Алеша Брайко.

Судьбы футболистов полны драматических событий; обостряющихся известностью и требованием многие годы вести необычный образ жизни, в чем-то праздный, в чем-то тяжелый, в чем-то и аскетический.

Вот почему Свят и себя пытался тогда измерить той меркой, какую сам предлагал Алеша.

...Когда тренер не нашел для Брайко места в стартовом составе «Звезды» на следующий матч, он и не скрывал, что считает юношу неудачником. Сидя на скамейке запасных, Алеша видел, что, с

самого начала поведа мощные атаки на ворота соперников, «Звезда» не могла забить, казалось бы, неизбежного гола. Хотя была и погода: осень словно нарочно выделила солнечный и теплый день, даже ветры, шумевшие над городом без устали, к утру стихли. Хотя гости, вероятно, и сами решили, что разгрома не миновать. Хотя уже на исходе первой минуты штанга отразила мяч, пробитый Святом, а всего лишь через минуту уже другая штанга, после мощнейшего удара полузащитника Хитрова, приняла на себя мяч, отбросив его далеко в поле. А время шло, не принося необходимого гола.

В перерыве Алешу поразило, что тренер увидел ошибки в игре всех, кроме Свята, для всех припас по десятку нелестных слов, и только для младшего Каткова у него не нашлось ни одного слова— ни хулы, ни похвалы. Но и Свят молчал, угрюмо насупившись.

Протрещал звонок. Алеша по привычке вскочил. И тут он услышал, как требовательно, отменяя всякие возражения, говорил старший Катков:

— Через десять минут замените меня. Брайко пусть выходит.

— Да ты что?— запротестовал тренер.— Нужно о своих воротах думать, а он что? Что он может?

— Пусть выходит.

Что же это могло означать? В прошлом матче вышел вместо знаменитого Соснора, играющего сегодня,— но ничего не сделал для победы. Сейчас выйти вместо знаменитого старшего Каткова? Опять подставлять себя под сравнение со «звездой»? Но если сам Катков настаивает, значит, или он верит, или есть какая-то необходимость?

Все это угнетало Алешу, но в поле был Свят, и, значит, можно было надеяться на дружескую поддержку. Потому и вошел он в игру легко.

Вдруг стало трудно дышать, и Алеша никак не мог понять, почему? Ведь и за девятую минуту на поле никогда не задыхался. Однако времени разбираться не было— все после игры... после игры...

Мяч-то где? Где мяч?
Алик Хитров бросил Минина в прорыв по краю, а я еще в центре торчу... ну, скорее же... вперед... вперед... ах, ты!.. Свят пошел открываться... поближе к Минину... понятно... значит, мне надо влево... но чтобы и Свят меня видел... он должен меня видеть... видит... он видит!.. только в офсайд не залезть... где их третий номер?.. за Святом, конечно же, за Святом... а где четвертый?.. да вот же, тоже задыхается... как я?.. нет, мне уже легче... Свят с мячом... обойдет... обойдет... обошел! ну, бей же, бей!.. я же рядом, я рванусь, если добивать... бей же, Свят!..

— Бей, Свят!— крикнул Алеша.
Но тот, обойдя всех и всем показывая, что сейчас нанесет удар, откинул мяч влево, словно положил на ногу Алеша.

И Брайко ударил, ударил просто потому, что не мог ничего другого придумать. А мяч— коварный и хитрый— попал в бедро четвертому номеру и...

Где же он?.. Где?.. В воротах!
Алеша взлетел вверх, радостно взметнул руки. Потом увидел: стоит на прежнем месте невозмутимый Свят и, укоряюще покачивая головой, грозит пальцем.

Нет, меня слушали. А вот и матч закончился. И Брайко тоже забил гол— не слишком впечатляющий, но полезный для сборной. И в нарушение всех футбольных правил, когда команды уходили в туннель, выбежал на поле Свят Катков и, обняв, пошел в раздевалку вместе с Алешей.

Только тут я заметил, что меня внимательно, но не глядя в мою сторону, по привычке сжав пальцами подбородок, слушал и нынешний тренер «Звезды», в которой играют Катков и Брайко, тот самый Соснора.

— Я все правильно рассказал?— спросил я его.

— Не знаю,— ответил он, поднимаясь.

— Но правильно ли поступил тренер с такой заменой сегодня? Не должен ли был Брайко и в сборной дебютировать рядом со Святом, для надежности?

— Не знаю, но знаю, что так просил Свят,— на мгновение задержавшись, ответил Соснора.

Конечно, я помнил, что он был как раз одним из тех футболистов, кому тогдашний тренер «Звезды» не нашел места в составе, и, возможно, именно вместо него играл в том матче семнадцатилетний Брайко. Вместо того самого Соснора, который как-то сказал начинающему Святу: «Наверно, еще никто не знает, и ты сам тоже, что тебя ждет. Какая игра. Наверно, я один знаю, какая игра ждет тебя, Свят. На зависть всем нам...»

Любопытно, говорил ли Свят нечто подобное Алеша?

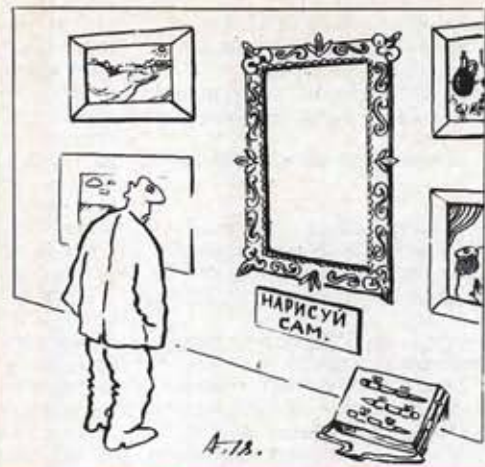

Рисунок Андрея БИЛЬЖО

Рисунок Александра ПАШКОВА

Рисунок Валентина ДРУЖИНИНА

Рисунок Петра ВОСКРЕСЕНСКОГО

Рисунок Андрея ДМИТРИЕВА

КОНКУРС ЭРУДИТОВ

Редакция «Смены» собирается провести среди своих читателей конкурс эрудитов. Круг вопросов конкурса неограничен, в замысле — провести пять туров, каждый из которых будет состоять из двадцати вопросов. Победители каждого тура определяются отдельно. Призы — книги. Какие? Самые лучшие, самые новые, самые иллюстрированные.

Но вот вопросы — вопросы для пяти туров, то есть пять раз по двадцать, — мы предлагаем задать самим читателям. Это вовсе не значит, что от каждого требуется по двадцать вопросов. Пришлите хотя бы один. В качестве образца называем такой вопрос: «В нашей речи мы порою прибегаем к выражению «безбрежное море». А существует ли в действительности такое море, то есть море, не имеющее берегов?» Из лучших и интереснейших вопросов составятся пять туров. Имена авторов вопросов будут указаны в журнале.

Ждем ваших вопросов, дорогие читатели!

Конкурс эрудитов — ваш конкурс.

Вопросы задаете вы, отвечаете на них тоже вы.

Срок отправки вопросов для всех пяти туров — 1 октября (по почтовому штемпелю).

ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ ШАХ

(Продолжение. Начало см. в №№ 11—14 и 16 журнала).

ШЕСТОЙ ТУР

Мат в три хода (2 очка).

Продолжаем знакомить читателей «Смены» с творческими достижениями юных перспективных советских шахматистов.

Белые делают ничью (3 очка).

Ход черных. Как должен завершиться поединок при лучших действиях обеих сторон? (3 очка).
Заломните, пожалуйста, что срок отправления в адрес редакции открыток с ответами на задания шестого тура — 15 ноября 1979 года (по почтовому штемпелю).

ИГРАЮТ ЮНЫЕ

На пятом всесоюзном турнире дворцов пионеров, проходившем в мае этого года в Даугавпилсе, приз «Комсомольской правды» достался

юным харьковчанам. Особенно удачно выступил их лидер, уже выполнивший норматив мастера спорта, Игорь Новиков: в сеансах с часами с четырьмя гроссмейстерами и международным мастером он набрал 4 из 5! На диаграмме вы видите позицию после 16-го хода белых, которая создалась у Игоря (у него были черные фигуры) против латвийского гроссмейстера А. Гилсписа.

Острая схватка вскоре привела к окончанию, где черным последовательными маневрами удалось переиграть опасного соперника. Запоминаются, в частности, заключительные прыжки черного коня.

16. ... Кс3:e2! 17. Фd4:g7 Фс7:c3 18. Фg7:c3 Кe2:c3 19. Се3-d4 Лh8-g8 20. Cd4:c3 Кb8-c6 21. Ла1-e1+ Кре8-d7 22. Сс3-d2 Кс6-d4 23. Cd2:h6 Лa8-c8 24. Ле1-e5 Лс8-c4! 25. Ле5:d5+ Крd7-c6 26. Лd5-e5 Лс4:a4 27. h3-h4 Кd4-f3! 28. Ле5-e7 Ла4-a1+ 29. Крf1-e2 Кf3-d4+, и белые сдались ввиду невозможных материальных потерь.

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 253-30-87. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Сдано в набор 19.07.79. Подписано к печати 07.08.79. А 07914. Формат 70 × 108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1200000 экз. Изд. № 2041. Заказ № 975. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Русский текст Онегина ГАДЖИКАСИМОВА

*Прекрасны осень и зима, и лето,
И мы с тобой благодарим за это
Весну, в которой было столько света,
Что рассказать не хватит слов.*

*Она пришла, когда нам было трудно,
И зазвенело соловьями утро,
Она навек нам подарила чудо,
Такое чудо, как любовь.*

Припев:

*Мне хорошо с тобой
Идти всегда везде одной тропой,
И в снегопад, и в дождик проливной,
Деля на свете все: и неудачи, и удачи.
Счастлив тот, в ком это чудо из чудес живет,
Кто может, став уже давно седым,
Остаться вечно молодым.*

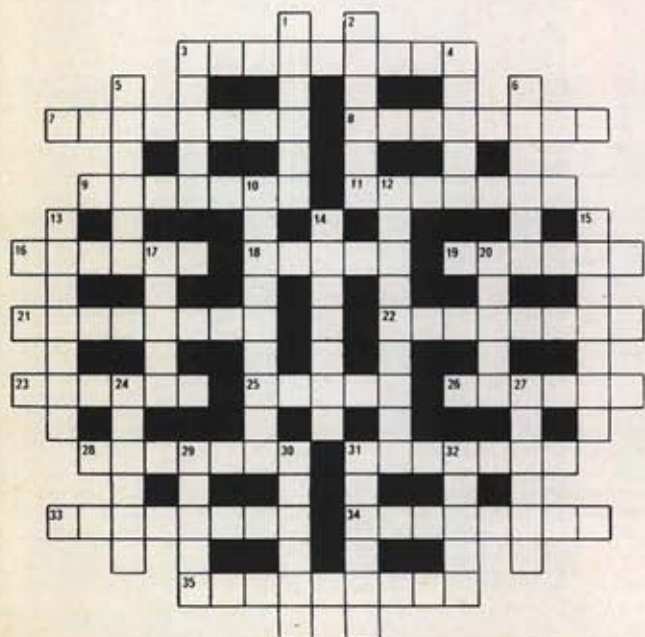
*Мы любим наш с тобою старый город,
Который вечно и красив и молод.
Не потому ли он еще нам дорог,
Что здесь мы встретились с тобой.*

*Пусть будет он всегда, как солнце, светел,
Пусть в нем всегда растут сады и дети,
Пусть каждый здесь однажды в жизни встретит
Весну, как лучший праздник свой.*

Припев.

НАШ ГОРОД

Стихи Яниса ПЕТЕРСА.
Музыка Раймонда ПАУЛСА.

КРОССВОРД

Составил В. КОЗЛОВ,
Рязань

По горизонтали:

3. Аппарат для насыщения жидкости углекислым газом. 7. Название серии космических транспортных кораблей. 8. Декоративный ягодный кустарник, медонос. 9. Действующее лицо романа М. А. Шолохова «Тихий Дон». 11. Декоративное растение семейства чайных, культивируемое в оранжереях, комнатах. 16. Герой поэмы А. С. Пушкина. 18. Река в Англии. 19. Травянистое растение семейства крестоцветных. 21. Теплообменный двигатель внутреннего сгорания. 22. Социалистическое государство в Европе. 23. Советский космический корабль. 25. Областной центр Северной Италии. 26. Народный поэт Белоруссии. 28. Космическое тело. 31. Перелетная певчая птица. 33. Курорт и центр туризма на юге Польши. 34. Овощное растение. 35. Городгерой.

По вертикали:

1. Ветер, периодически меняющий направление. 2. Вершина Кавказа. 3. Минеральная краска. 4. Французский писатель эпохи Возрождения. 5. Архитектурное оформление входа в здание. 6. Исполнитель ролей в театре, кино. 10. Общепризнанное значение, влияние. 12. Областной центр Казахстана. 13. Столярный инструмент. 14. Хищник семейства кошачьих. 15. Русская народная песня. 17. Французский астроном, физик XIX века. 20. Сооружение для ремонта самолетов. 24. Промысловая морская рыба. 27. Опера Д. Верди. 29. Государство в Южной Азии. 30. Наиболее удаленная от Солнца точка орбиты планеты. 31. Рассказ А. П. Чехова. 32. Электронная лампа.

**ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД,
НАПЕЧАТАННЫЙ
В № 16**

По горизонтали:

5. Баррикада. 8. Скагеррак. 11. Ядро. 12. Методология. 13. Джаз. 14. Архипова. 17. Аналогия. 19. Кунград. 20. Тацит. 21. Памир. 22. Оселия. 23. Призма. 24. Оскол. 27. Росси. 29. «Надежда». 30. «Колокола». 33. Листвица. 38. Гага. 39. «Воскресение». 40. Трио. 41. Нифонтова. 42. Андрианов.

По вертикали:

1. «Баядерка». 2. Танеев. 3. Павлиан. 4. Паганини. 6. Риони. 7. Азот. 8. Слон. 9. Радио. 10. Молога. 15. Потолок. 16. «Акулина». 17. Адмирал. 18. Липарит. 25. Словакия. 26. Бендер. 28. Суглинок. 31. Огайо. 32. Леонов. 34. «Илиада». 35. Ветла. 36. Юкка. 37. Вера.

КРАСОТА КАЖДОГО ДНЯ

Картины Юрия Григоряна — о днях народной жизни с ее трудом и мечтами, заботами и праздниками. Герои художника возделывают сады, пекут лаваш, пасут стада, но главное для них — сама жизнь, которая не дробится на прекрасные или серые мгновения, а всегда волнующе хороша, потому что человек не жалеет душевного тепла для окружающих.

Но живопись — это не только остановленные мгновения, но и раздумье над ними, такое осмысление идеала, когда духовные переживания автора открыты зрителю и тот может стать соучастником и сподвижником художника. В искусстве Григоряна впечатления от жизни укрупнены, осознаны. Картины располагают зрителя

к сопереживанию, они эмоциональны, и это заметно и в живости мазка и в энергии цветовых сочетаний.

Есть в московском Суриковском институте мастерская плаката. Здесь ценят любовь и к книжной иллюстрации, и к монументальной росписи, и к станковой живописи. В этой атмосфере дружной, увлеченной работы формировалось дарование Юрия Григоряна. В его мастерской много этюдов. Он любит писать с натуры, но не ограничивается первыми впечатлениями. Картина создается долго, зато выходит основательной. Художника отличает чувство высокой творческой требовательности. Это не то недовольство собой, которое лишь искушает и останавливает человека в

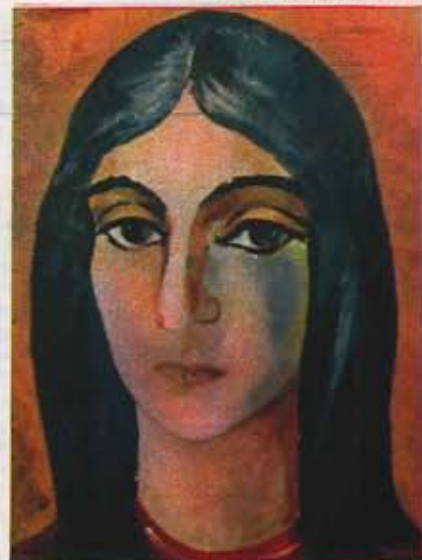
ДЕРЕВНЯ ГЕРГЕР.

ПОРТРЕТ НОННЫ.

нерешительности на половине пути к цели, которая вдруг начинает казаться ошибочной, потому что с самого начала виделась неясной. Григоряна вновь и вновь берется за кисть, зная дорогу к воплощению замысла, переписывает холст, вроде бы законченный. Много изменяется на полотне по сравнению с этюдом, с тем, что было увидено во время поездки, и образ запечатленной жизни делается лишь убедительнее и содержательнее.

Родина Юрия Григоряна — Нагорный Карабах. Он изображен художником с сыновней любовью. В картинах привлекает беспредельный простор, старинная архитектура, живое чувство современности. Мир, запечатленный художником, велик и целостен, и каждая былинка в этом мире приветливо улыбается нам, словно давним и добрым знакомым.

Иван КУПЦОВ

ПОЛДЕНЬ.

ПЕКУТ ХЛЕБ.

ВСТРЕЧА В ГОРАХ.

ВЕЧЕР.